

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2020 – № 3 (5)

Ярославль
2020

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР.

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries :
научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – № 3 (5). – 159 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5
2020, № 2 (4). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Данэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуши**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сяотао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шапниская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиц Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, декан факультета дополнительного профессионального образования, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1. Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2020

© Юго-Западный университет КНР, 2020

© Авторы статей, 2020

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky». Southwest University of the People's Republic of China. The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China.

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2020. – № 3 (5). – 159 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5
2020, № 3 (5). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilevich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadiyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Dean of the Faculty of Additional Professional Education, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of the Economic Theory and Management of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2020

© Southwest University of the People's Republic of China, 2020

© Authors of articles, 2020

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Казмина О. А., Коу Сяохуа Традиции изучения русского языка в Юго-Западном университете в контексте языковой политики КНР5

Цзян И История вопроса о китайско-русской границе и значение его решения для укрепления межгосударственных отношений России и Китая 18

Колода С. А. Языковая политика как фактор современного украинского внутривиполитического противостояния37

ФИЛОЛОГИЯ

Лепишева Е. М. Terra incognita белорусской литературы56

Кирюхина Л. В. Китайская грамматика Н. Я. Бичурина: ретроспективный взгляд..... 74

Ван Цяньцян, Калинин Т. Ж. Пространственный нарратив в творчестве В. С. Маканина: перевернутая ось мироздания.. 87

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. «О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии 105

Ян Сумэй, Лукьянчикова Н. В. Казачья литература как культурный феномен 122

Тан Дини, Федотова А. А. Полемика вокруг А. И. Герцена в культурной жизни 1860-х годов (на материале русской публицистики) 139

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 153

Условия публикации статьи в научном журнале «МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН» и требования к оформлению рукописей 156

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Kazmina O. A., Kou Xiaohua Traditions of studying the russian language at Southwest University in the context of the language policy of the PRC6

Jiang Yi The history of the question on the china-russian border and the importance of its solution to strengthen state-to-state relations between Russia and China 19

Koloda S. A. Language policy as a factor of modern ukrainian domestic political confrontation.....38

PHILOLOGY

Lepisheva E. M. Terra incognita of belarusian literature57

Kiryukhina L. V. N. Ya. Bichurin's chinese grammar: a retrospective view75

Wang Qianqian, Kalinina T. Z. Spatial narrative in the works of V. S. Makanin: the inverted axis of the universe88

CULTURAL SCIENCE

Boldyreva E. M., Asafieva E. V. "Oh lackluster tiger, magnificent tiger!": the image of a tiger as a symbol of national culture in chinese and russian poetry 106

Yang Sumei, Lukiyanichikova N. V. Cossack literature as a cultural phenomenon 123

Tang Dingyi, Fedotova A. A. Polemic around A. I. Herzen in the cultural life of the 1860-s (based on Russian journalism) 140

INFORMATION ABOUT AUTHORS.153

Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of Russian-speaking countries» and requirements for manuscripts..... 159

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 81.282.3

О. А. Казьмина

<https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Коу Сяохуа

<https://orcid.org/0000-0001-6969-7836>

**Традиции изучения русского языка в Юго-Западном университете
в контексте языковой политики КНР**

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Казьмина О. А., Коу Сяохуа Традиции изучения русского языка в Юго-Западном университете в контексте языковой политики КНР // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 5–17. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-5-17

В статье говорится об истоках изучения русского языка в Китае, «буме» русского языка и русско-советской культуры в 50-е гг. в КНР, их «опале» в период «культурной революции» и «второй весне бурного развития» после 1978 г. Объектом исследования является языковая политика КНР, основной упор делается на анализ изучения русского языка в городе Чунцине и Юго-Западном университете (ЮЗУ), где русский язык как специальность появился в 1950 г., а затем в 2010 г. претерпел новое рождение.

Большое внимание уделяется исследованию становления и развития факультета Русского языка ЮЗУ в ретроспективе, указываются имена преподавателей, в том числе советских граждан, стоявших у истоков русистики в университете, приводится большое количество статистических данных.

Основной целью данной статьи является анализ продуктивной работы факультета Русского языка, вновь открытого в 2010 г. Показ положительных тенденций в совершенствовании методической, образовательной, научной, внеаудиторной работы факультета, как следствие повышение качества преподавания и знаний студентов. Оцениваются перспективы сопряжения инициативы «Пояс и Путь» с развитием языковой политики КНР. Делается вывод о потенциалах развития в области международного сотрудничества и международных обменов факультета Русского языка ЮЗУ.

Ключевые слова: языковая политика, международное сотрудничество, международный обмен, правительство КНР, Юго-Западный университет, Чунцин, «Пояс и путь», Центр по изучению русскоговорящих стран.

© Казьмина О. А., Коу Сяохуа, 2020

O. A. Kazmina, Kou Xiaohua

Traditions of studying the Russian language at Southwest University in the context of the language policy of the PRC

The article is researching origins of the study Russian language in China, the “boom” of the Russian language and Russian-Soviet culture in the 1950s. in the PRC, their “disgrace” during the “cultural revolution” and the “second spring of rapid development” after 1978. The object of the study is the language policy of the PRC, the main emphasis is on the analysis of the study of the Russian language in the city of Chongqing and Southwestern University (SWU), where the Russian language as a bachelor degree major was open in 1950, and then underwent a new birth in 2010.

Attention is paid to the study of the formation and development of the Faculty of the Russian Language of SWU in retrospect, the names of teachers, including Soviet citizens, who were at the origins of Russian studies at the university are indicated, and a large amount of statistical data is provided.

The main purpose of this article is to analyze the productive work of the Faculty of the Russian Language, reopened in 2010. The article presents positive trends in improving the methodological, educational, scientific, extracurricular work of the faculty, as a result of improving the quality of teaching and students' knowledge. The perspectives of conjugation of the “Belt and Road” initiative with the development of language policy in China are assessed. A conclusion is made about the development potential in the field of international cooperation and international exchanges of the Faculty of the Russian Language of SWU.

Key words: language policy, international cooperation, international exchange, People's Republic of China government, Southwest University, Chongqing, Belt and Road, Center for the Study of Russian-Speaking Countries.

В сентябре 2020 года Юго-Западный университет (ЮЗУ, г. Чунцин, КНР) отмечает 10 лет с момента восстановления факультета Русского языка и специальности «Русский язык» в институте Иностранных языков. В 2010 году русский язык заслуженно вернул статус одного из ведущих языков в университете. Для нас важно, чтобы этот первый Юбилей – десять лет очень плодотворной работы факультета Русского языка Юго-

Западного университета – остался замеченным. Особенно приятно отметить, что данная статья печатается в журнале, который справедливо причислить к одним из главных достижений факультета. В статье речь пойдет об истории русского языка в Китае и, главным образом, в Чунцине и ЮЗУ.

В наши дни КНР является крупнейшим зарубежным центром изучения русского языка и культуры. Русистика в Китае по праву занимает

важное место, так как имеет глубокие корни, и самая первая школа русского языка открылась в Пекине в 1708 году по указу Цинского императора Канси (1662–1723). «Школа русского языка при Дворцовой канцелярии» (内阁俄罗斯文官) готовила переводчиков и дипломатов. В ней обучалось одновременно не более 27 человек. Данное учебное заведение просуществовало 154 года, но, к сожалению, за все время ученики не показывали хороших результатов. Связано это, в первую очередь, с отсутствием грамотной методики преподавания, к примеру, китайские студенты, осваивающие язык с нуля, обучались по учебнику «Грамматика русского языка» Смотрицкого. Школа, несмотря на все минусы, заложила основы системного изучения русского языка в Китае, и в 1862 году, но была преобразована в Столичную школу иностранных языков (京师同文馆), где готовили переводчиков для дипломатических нужд [Лапин, 2009].

Трехсотлетняя история знакомства жителей Поднебесной с русским языком в XXI в. вывела страну в лидеры среди других государств, также отдающих предпочтение элитной специальности русистика.

В наши дни трудно представить КНР без русского языка, хотя приходится констатировать, что исторически география его изучения далеко неравномерна. В Пекине, Шанхае и на северо-востоке тради-

ционно сохраняется и преумножается интерес к русскому языку. Дело в том, что ещё до образования КНР в 1949 г. на северо-востоке Китая и в Манчжурии население изучало русский язык как дань традиции, берущей начало со времен строительства КВЖД и крупной волны русской эмиграции в эти регионы в начале XX в.

Китайский Харбин считается «русским», так как из маленькой железнодорожной станции, основанной русскими строителями в 1898 г., превратился в крупный город, населённый китайцами и русскими эмигрантами, приехавшими в Китай после Октябрьской революции и гражданской войны в России. Для более чем 200 тысяч белоэмигрантов Харбин на долгие 25 лет стал родиной. «Всего в Китае после Революции и гражданской войны проживало примерно 400 тысяч русских» [Мелихов, 2003 с. 57]. После 1945 года из-за жестких мер, принятых советскими властями в отношении участников Белого движения, и нескольких волн репатриации харбинских русских в СССР, количество русских в Харбине сначала заметно сокращалось, затем, «русский Харбин» перестал существовать, но и в наше время в городе и всей провинции Хейлунцзян русский язык остается главным иностранным языком.

В первые годы после провозглашения КНР большой интерес китайского народа к жизни СССР повлек за собой тягу к изучению

русского языка. К 1952 г. было организовано изучение русского языка по радио, в 19 провинциях и административных районах страны создало более 100 вечерних школ русского языка, 12 институтов русского языка, в 57 вузах страны были созданы отделения или курсы русского языка. «Русский язык преподавался во всех средних школах Северо-Восточного Китая и в 59 средних школах Пекина» [Истрия Китая ... , Т. VIII, с. 623].

Южные территории Китая всегда были исключением, и даже во времена начала установления советско-китайских отношений не отличались активным открытием курсов или факультетов русского языка. Но Чунцин особый во всех отношениях город, во-первых, с 1940 по 1946 гг. он играет роль «второй столицы» Китая здесь также открывается Советское посольство. Во-вторых, «в 1950-х гг. в Чунцине был создан Дом советско-китайской дружбы, где показывались советские фильмы, организовывались фотовыставки, выставки книг, вечера музыки, проходили чтения советской художественной литературы и встречи с интересными людьми» [Истрия Китая ... , Т. VIII, с. 624].

Вероятно поэтому в 1950-х гг. прошлого столетия в городе, помимо школ, курсов, военных учебных заведений, начали преподавать русский язык в нескольких вузах, среди которых наиболее значимыми и в настоящее время являются Юго-

Западное педагогическое училище (с 1950 до 1985 г. так назывался современный Юго-Западный университет (*далее ЮЗУ*)) и Сычуаньский институт иностранных языков (сейчас: Сычуаньский университет иностранных языков (*далее СУИЯ*)). Первоначально СУИЯ был создан при поддержке и под руководством старшего поколения пролетарских революционеров, таких как Дэн Сяопин, Лю Бочэн и Хэ Лун как Училище русского языка Юго-Западного военного университета Народно-освободительной армии Китая (*далее НОАК*) в мае 1950 года. После чего вуз прошел несколько этапов своего развития: учебный батальон русского языка при Второй высшей пехотной школе НОАК (январь 1951 г.), факультет русского языка Юго-Западного народного революционного университета (ноябрь 1952 г.), Юго-Западное высшее училище русского языка (март 1953 г.), Сычуаньский институт иностранных языков (май 1959 г.) и, наконец, – в Сычуаньский университет иностранных языков (апрель 2013 г.) [Сычуаньский университет иностранных языков ...].

История ЮЗУ началась в 1906 г. с появлением Восточно-Сычуаньского педагогического училища. В 1950 г. на его базе создаются два независимых учебных заведения: Юго-Западный сельскохозяйственный колледж и Юго-Западный педагогический колледж, а в 1985 г. колледжи получают статус

университетов. И лишь в 2005 г. университеты объединяются в ЮЗУ [西南大学招生说明书, с. 3–4].

Факультет Русского языка открывается в октябре 1950 г., на базе института Иностранных языков Юго-Западного педагогического колледжа. Появление в университете новой, востребованной временем специальности считается и политически важным событием, так как факультет Русского языка начинает работать через год после образования КНР и ее признания советским союзом 2 октября 1949 г. (первым из всех стран мира).

В то время на факультете работало 13 преподавателей, в том числе 8 профессоров, среди которых известный китайский ученый У Ми (吴宓) (1894–1978), выдающийся специалист в области китайской литературы и философии, 1 доцент, 2 преподавателя и 1 ассистент. Одним из преподавателей была русская Галина (1926–2019) (к сожалению, ее фамилию не помнят дети и внуки), в 40-е гг. приехавшая на работу в Китай из Омска, после замужества Галина переехала в Чунцин, в район Бейбей, вскоре приняла китайское гражданство и китайское имя Чэнь Кели (陈克理). Галина, получившая в 1987 г. звание профессора, проработала в университете всю жизнь, после выхода на пенсию продолжала преподавать до начала 90-х [外国语学院史 ... , с. 19, 196].

С 1954 г. в университете также работала русская преподаватель Вера (1932–2003) (фамилия тоже утеряна). Вера приехала в КНР из Кемерово, впоследствии вышла замуж за китайца и получила гражданство КНР, всю жизнь работала в университете, с 1987 г. на должности доцента. Вера во всех университетских документах значится под китайским именем Сун Вейна (宋维娜) [外国语学院史 ...].

В 1953 г. из-за недостатка преподавателей русского языка на юго-запад КНР приглашаются преподаватели из Харбина для училищ и вузов; по программе «Советские учителя» приехала «группа советских граждан, преподавателей русского языка»; 7, по другим данным, 11 человек работали с февраля 1953 по июль 1954 г. на факультете русского языка Юго-Западного педагогического училища [外国语学院史 ... , с. 23, 190].

Следует отметить, что в 1954–1957 гг. СССР передал Китаю 4 261 учебную программу. Советские специалисты оказали помощь в подготовке преподавателей, освоении семинарского метода занятий, читали лекции, преподавали русский язык. В КНР с 1949 по 1960 гг. работали свыше 18 тыс. советских специалистов в различных отраслях, в том числе образовании. Советскими специалистами в КНР и СССР было подготовлено около 19 тыс. преподавателей, то есть четверть всего преподавательского

состава китайских вузов [Истрия Китая ... , Т. VIII].

Советские специалисты были первыми иностранными преподавателями в университете, после только лишь в 1979 г. институт Иностранных языков начал приглашать специалистов из США, Канады, Великобритании, Австралии, Японии. В период с 1954 до 1997 гг. на факультет Русского языка по приглашению приезжали только 3 преподавателя из СССР (1991) и России (1995, 1996). (Полный список иностранных преподавателей, работавших в институте Иностранных языков с 1953 по 2016 гг. [西南大学外国语学院史 ...]).

Во время основания факультета в институте было всего 67 студентов, обучавшиеся по специальности русский язык и английский язык [外国语学院史 ...]. Со временем количество студентов увеличивалось, уже в 1956 г. в институте обучалось 333 студента, из них 243 по специальности русский язык [外国语学院史 ... , с. 22].

Русская литература и язык в десятилетие «культурной революции» КНР (1966–1976) оказались под запретом. В период с 1973 по 1976 гг. институт Иностранных языков выпустил 358 человек с факультета русского и английского языков [外国语学院史 ...].

После окончания «культурной революции» (этот период китайские русисты называют процесс восстановления русского языка в

Китае «второй весной бурного развития» [Лю Лиминь]), в 1977 г. института Иностранных языков выпустил 123 человека, из них только 20 студентов по специальности Русский язык, в 1978 году в сентябре институт принял 185 студентов, из них 47 на специальность Русский язык, причем, старшему первокурснику было 33 года, а младшему 15 лет [外国语学院史 ... , с. 40].

За несколько десятилетий развития факультета Русского языка его посетило множество высокопоставленных советских экспертов и чиновников, таких как русский секретарь Советско-азиатской кинокомпании, переводчик советского ТАСС, советский переводчик и советник по вопросам иностранных дел при советском посольстве в Чунцине, преподаватель русского языка во Второй и Третьей школах полевой армии НОАК и многие другие видные деятели того времени [西南大学俄语专业介绍 ...].

К сожалению, интерес к русскому языку по политическим причинам (развал СССР), а также по причине сложности самого языка, особенно по сравнению с английским и японским языками, начал падать, а в 1997 году специальность Русский язык в Юго-Западном педагогическом университете была упразднена. Но, к счастью, преподавание некогда самого востребованного иностранного языка КНР в университете не закончилось, русский язык продолжил существовать в качестве второ-

го иностранного языка для студентов института Иностранных языков (изучался 3-4 семестра), а также как общеуниверситетская дисциплина для студентов всего вуза (изучался 4 семестра).

В сентябре 2010 г. произошло второе рождение специальности Русский язык в Юго-Западном университете. Случилось это благодаря инициативе и стараниям кандидата филологических наук, доцента Коу Сяохуа (寇小桦), которая с марта 2008 г. начала работать в университете в качестве заведующей кафедрой Русского языка, состоявшей тогда из 6 преподавателей. При поддержке руководства института, в первую очередь, директора, доктора наук, профессора Вэна Сю (文旭), известного своими научными исследованиями в области когнитивной лингвистики, автора нескольких монографий и многочисленных статей в ведущих китайских и зарубежных журналах.

Институт Иностранных языков ЮЗУ пригласил кандидата филологических наук из Воронежского государственного педагогического университета на работу преподавателя русского языка как иностранного и русской литературы и культуры. Мы, авторы данной статьи, гордимся тем, что вместе с другими преподавателями 刘继琼 (Лю Цзицун), 李立 (Ли Ли), 涂敏 (Ту Мин), 罗舒曼 (Ло Шуман) стояли у истоков нового рождения факультета Русского языка в

ЮЗУ и способствовали его быстрому развитию и процветанию. Первый набор студентов в сентябре 2010 г. составил 20 человек. Начиная с этого времени, ежегодно факультет набирает не более 23 студентов на курс. Кроме того, традиционно русский язык выбирают многие студенты и магистранты института в качестве второго иностранного, а также студенты других институтов ЮЗУ в качестве первого иностранного языка.

До настоящего времени факультет выпустил 7 групп студентов, примерно 140 человек. Выпускники факультета Русского языка ЮЗУ востребованы на рынке труда, уровень их трудоустройства на конец года составляет 100 %, хотя не все работают по специальности. Что касается профессий и рода занятости, связанной с русским языком, то выпускники факультета Русского языка ЮЗУ работают в государственных агентствах всех уровней, в том числе в Министерстве иностранных дел КНР, Министерстве национальной обороны КНР, в области образования и научных исследований, средствах массовой информации, прессе и издательском деле, на государственных предприятиях и в частных компаниях, предприятиях с участием иностранного капитала, туризме, в области торговли и экономики, связанной с Россией и русскоговорящими странами. Выпускники работают как в Китае, так и в китайских компаниях, имеющих свои представительства в русскоговорящих

странах: России, Украине, Беларуси, Казахстане, Узбекистане и пр.

Немало студентов после окончания факультета русского языка в ЮЗУ продолжают обучение в магистратуре. Ежегодно институт Иностранных языков выделяет для своих студентов-отличников 1-2 места для поступления в магистратуру по собеседованию, без сдачи государственных экзаменов. Обычно каждый год несколько студентов остается в магистратуре на факультете Русского языка ЮЗУ. География магистратуры выпускников ЮЗУ очень обширная. Пекин (Пекинский университет иностранных языков, Пекинский педагогический университет, Академия наук КНР, Китайский университет политических наук и права); Шанхай (Шанхайский университет иностранных языков, Шанхайский педагогический университет); Тяньцзинь (Нанкайский университет); Чженчжоу (университет Чженчжоу); Чэнду (Сычуаньский университет); Харбин (Хейлунцзянский университет иностранных языков); Чаньчунь (Цилиньский университет), Гонконг и пр.

Некоторые студенты после получения диплома о высшем образовании продолжают обучение в различных городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Казани, Ярославле, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Красноярске и др.

Небольшой процент выпускников факультета русского языка ЮЗУ решает продолжить обучение в магистратуре по другой специаль-

сти: политология, международные отношения, английский язык, история, экономика и бизнес административная, юриспруденция и пр.

На сегодняшний день известны 4 выпускника факультета русского языка, которые, закончив магистратуру (в ЮЗУ, в Воронеже), поступили в аспирантуру в Пекинский педагогический университет и Уханьский университет и в Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

Магистратура по специальности «Русский язык, литература и культура» также была открыта кандидатом филологических наук, доцентом Коу Сяохуа (寇小桦), директором института Иностранных языков, доктором наук, профессором Вэном Сю (文旭) при поддержке руководства института и университета в 2012 году. С 2015 года руководителем магистратуры является профессор Ли Сяотао, которая ответственно занимается усовершенствованием программ магистратуры, стараясь следовать требованиям нового времени, привлекает к чтению лекций и проведению семинарских занятий не только членов кафедры, но и известных профессоров из других вузов Китая и России.

Ежегодно в магистратуру ЮЗУ из разных китайских вузов поступает 5–7 человек, которые могут выбирать следующие направления: Литературоведение, Лингвистика, Культурология, а с недавнего времени и Регионоведение. руководи-

телями магистерских диссертаций являются китайские профессора и доценты, в качестве соруководителей магистранты могут выбирать иностранных преподавателей, работающих на факультете: профессора или доцентов из России и Украины. Это является особенностью нашего факультета.

Дипломные работы и магистерские диссертации пишутся и защищаются на русском языке, что демонстрирует высокий уровень владения языком, а также научно-исследовательской базой.

За 10 лет факультет Русского языка накопил богатый опыт в области подготовки кадров, научных исследований и социального обслуживания, добился значительных успехов, в числе которых одним из наиболее важных можно назвать открытие в 2017 г. Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР. Открытие стало возможным благодаря новому декану факультета профессору Се Чжоу (谢周), энергичность, креативность, научная любознательность которого стали созвучными с требованиями нового времени и инициативой правительства КНР «Пояс и Путь». При поддержке руководства института, в частности директора, профессора Лю Чэнью (刘承宇), а также руководства университета в лице ректора, профессора Чжана Вэйго (张卫国). Торжественное откры-

тие Центра и назначение директора состоялось в ЮЗУ осенью 2017 г. Научными сотрудниками Центра являются все преподаватели факультета, а также несколько приглашенных известных профессоров из ведущих университетов КНР. На базе Центра ведется работа над рядом научных регионоведческих проектов, сотрудники проводят исследования, создают учебные пособия, пишут и публикуют в ведущих журналах России и КНР научные статьи, выступают с докладами на конференциях и читают лекции студентам и магистрантам. Проводятся ежегодные научные семинары по регионоведению; ученые из различных городов Китая уже дважды: в 2018, 2019 гг., собирались в ЮЗУ и делились научными знаниями [Центр по изучению русскоговорящих стран ...]. Стоит также отметить, что в ноябре 2017 г. на базе ЮЗУ проводилась ежегодная международная конференция по русской литературе, организуемая Ассоциация китайских исследователей русской литературы в различных ведущих вузах КНР, место проведения конференции постоянно меняется, но уже долгие годы неизменной остается группа исследователей, во главе с председателем, знаменитым современным переводчиком, литературоведом, популяризатором русской литературы в Китае профессором Лю Вэньфэем (刘文飞). ЮЗУ гостеприимно принял более 200 исследователей рус-

ской литературы из Китая и России. Это мероприятие стало первым крупным и важным для факультета.

В 2019 г. вышел первый номер совместного китайско-российского научного журнала «Мир русскоговорящих стран», в редколлегию которого входят именитые профессора и деятели науки Китая, России и русскоговорящих стран, главными редакторами являются профессор Се Чжоу и профессор Елена Михайловна Болдырева.

Результаты неполных трех лет продуктивной работы Центра очень впечатляющие и весомые.

В настоящее время на факультете Русского языка института Иностранных языков Юго-Западного университета работает 12 преподавателей, в том числе 3 профессора, 7 доцентов, 3 иностранных преподавателя из России и Украины, 10 сотрудников имеют учёные степени докторов и кандидатов наук.

Большинство преподавателей факультета получали учёные степени или проходили стажировку за границей. Окончили известные китайские и зарубежные вузы такие как Пекинский университет иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков, Чжецзянский университет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко и др. Все преподаватели имеют возможность стажироваться в ведущих университетах РФ, за несколько лет профессора и

доценты факультета проходили стажировку в МГУ им. М. В. Ломоносова и РГПУ им. А. И. Герцена.

Все преподаватели прекрасно владеют русским языком, имеют богатый профессиональный опыт и обладают академическими исследовательскими способностями. Что отражается в многочисленных публикациях и выступлениях на научных конференциях и семинарах.

Факультет русского языка осуществляет активное международное сотрудничество и обмены с десятком известных университетов в русскоговорящих странах таких как Россия, Беларусь, Казахстан и Армения. Партнерами факультета русского языка Юго-Западного университета являются Воронежский государственный педагогический университет (ВГПУ) (с 2012 г.), Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ) (с 2015 г.), Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (НГЛУ), Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай Хана (КазУМОиМЯ).

Факультет также тесно сотрудничает с ВГПУ и ЯГПУ в области совместной подготовки студентов и магистрантов, обмена преподавателями и студентами, а также совместных научных исследований. Ежегодно в эти вузы, а также в Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова на годичную стажировку отправля-

ется до 95 % студентов 3 курса и магистрантов 2 курса.

Кроме данной программы обмена у студентов факультета русского языка ЮЗУ есть возможность получить государственную стипендию правительства КНР и на 3 курсе бакалавриата, 2 курсе магистратуры или после окончания обучения в ЮЗУ поехать на годичную стажировку в ведущие вузы России или на обучение в магистратуру или аспирантуру.

По инициативе ЮЗУ и ЯГПУ, при содействии института Конфуция в ЯГПУ в 2017 г. открыт Центр изучения китайского языка и культуры, который возглавила Коу Сяохуа. В Центре открыты курсы китайского языка, а также с 2018 г. в ЯГПУ открыта новая совместная с ЮЗУ специальность китайский язык. Студенты после первых двух лет обучения в ЯГПУ имеют право приехать на двухлетнюю учебу в ЮЗУ, а затем вернуться в ЯГПУ и завершить образование в России.

На факультете русского языка ЮЗУ проводятся регулярные мероприятия по русскому языку, активно работают внеаудиторные мероприятия. Доцентом О. А. Казьминой создан Русский клуб Юго-Западного университета, основная цель которого популяризация русского языка, литературы и культуры среди китайской молодежи. В рамках работы клуба проводятся как регулярные встречи, включающие знакомство с русской культурой и культурой русскоговорящих стран (Украина, Беларусь, Казахстан, Уз-

бекистан, Киргизстан, Туркменистан, Армения, Азербайджан, Молдова и пр.) посредством общения с иностранными студентами из этих стран, так и совместные мероприятия: празднование Нового года, Дня Славянской письменности и Культуры, Дня Победы, Дня русского языка, проведения Тотального диктанта и т. д. Содержание которых может проходить в форме обычной беседы, игры, совместного чаепития, просмотра фильмов и пр.

Студенты факультета русского языка ЮЗУ с 2011 года принимают участие в ежегодном Всекитайском конкурсе по русскому языку среди студентов и магистрантов. Победа в конкурсе – это наивысшая в КНР награда для русистов и главный показатель уровня владения русским языком и знания литературы, культуры и истории России. Победители в качестве награды получают возможность продолжить образование в стране изучаемого языка за счет Министерства образования РФ. За всю историю участия наши студенты дважды занимали призовое 3 место среди старшекурсников, и трижды занимали призовые места в обязательном программном конкурсе устного рассказа.

Кроме того, наши студенты успешно участвуют во Всекитайском конкурсе перевода. Китайские и зарубежные компании несколько лет активно приглашают студентов и магистрантов факультета русского языка ЮЗУ для письменного, устного и синхронного перевода, сопровождения иностранных деле-

гаций, в том числе высокопоставленных чиновников.

Выпускники факультета Русского языка ЮЗУ имеют глубокие базовые знания по русскому языку и различным научным областям, на хорошем уровне владеют русским и китайским языками, обладают широким интеркультурным видением и инновационным потенциалом, отличаются всесторонней развитостью, востребованы работодателями и высоко оценены всеми слоями общества.

Таким образом, в XXI в. факультет Русского языка ЮЗУ со-

храняет и продолжает давние традиции, сформулированные в девизе института Иностранных языков: «Повышение эрудиции, воспитание морали». За первое десятилетие плодотворной работы факультет Русского языка непрерывно приумножает достижения и увеличивает потенциал развития в области международного сотрудничества, совершенствования качества преподавания, усиления научной и образовательной базы.

Библиографический список

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. // Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский. Москва : Наука, 2013. 822 с.
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. // Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский. Москва : Наука, 2016. 996 с.
3. Лапин А. П. Первая школа русского языка в Китае. Москва : Восточная литература, 2009. 127 с.
4. Лю Лиминь. Русский язык в Китае. По материалам газеты «Жэньминь жибао». Русский язык. 14.10. 2004 г. с. 3–17
5. Мелихов Г. В. Белый Харбин: середина 20-х. Москва : Рус. Путь, 2003. 438 с.
6. Сычуаньский университет иностранных языков : сайт. Чунцин. URL: <http://ru.sisu.edu.cn/cwj.j.htm>. (Дата обращения: 03.09.2020).
7. Центр по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР : сайт. Чунцин. URL: <http://xidagu.swu.edu.cn> (Дата обращения: 05.09.2020).
8. 外国语学院史(西南大学组建10周年暨办学110周年丛书) /重庆 : 西南师范大学出版社, 2016. 393页.
9. 西南大学俄语专业介绍 : URL: <http://foreign.swu.edu.cn/viscms/foreignindex/zhuanyeshezhi2009/20180626/406313.html> (Дата обращения: 03.09.2020).
10. 西南大学招生说明书 / 重庆 : 西南师范大学出版社, 2019. 31 页.

11. 西南大学外国语学院史 1950-2017 (照片分册) /
重庆：西南师范大学出版社, 2019. 274 页.

Reference list

1. Istorija Kitaja s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. = The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: 10 volumes // T. VIII: Kitajskaja Narodnaja Respublika (1949–1976) / gl. red. akad. RAN S. L. Tihvinskij. Moskva : Nauka, 2013. 822 s.
2. Istorija Kitaja s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. = The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: 10 volumes // T. IX: Reformy i modernizacija (1976–2009) / gl. red. akad. RAN S. L. Tihvinskij. Moskva : Nauka, 2016. 996 s.
3. Lapin A. P. Pervaja shkola ruskogo jazyka v Kitae = First school of the Russian language in China. Moskva : Vostochnaja literatura, 2009. 127 s.
4. Lju Limin'. Russkij jazyk v Kitae. Po materialam gazety "Zhjen'-min' zhi-bao" = Russian language in China. According to the materials of the newspaper "Renmin Zhibao". Russkij jazyk. 2004. S. 3–17.
5. Melihov G. V. Belyj Harbin: seredina 20-h = White Harbin: mid-20-s. Moskva : Rus. Put', 2003. 438 s.
6. Sychuan'skij universitet inostrannyh jazykov = Sichuan University of Foreign Languages : sajt. Chuncin. URL: <http://ru.sisu.edu.cn/cwjj.htm>. (Data obrashhenija: 03.09.2020).
7. Centr po izucheniju ruskogovorjashhij stran Jugo-Zapadnogo universiteta pri Ministerstve Obrazovanija KNR = Center for the Study of Russian-Speaking Countries of Southwestern University under the Ministry of Education of the PRC : sajt. Chuncin. URL: <http://xidaru.swu.edu.cn>. (Data obrashhenija: 05.09.2020).
8. 外国语学院史(西南大学组建10周年暨办学110周年丛书)
/重庆：西南师范大学出版社, 2016. 393页.
9. 西南大学俄语专业介绍 : URL: <http://foreign.swu.edu.cn/viscms/foreignidex/zhuanyeshezhi2009/20180626/406313.html>. (Data obrashhenija: 05.09.2020).
10. 西南大学招生说明书 / 重庆：西南师范大学出版社, 2019. 31 页.
11. 西南大学外国语学院史 1950-2017 (照片分册) /
重庆：西南师范大学出版社, 2019. 274 页.

УДК 327

Цзян И

<https://orcid.org/0000-0001-8297-3786>

**История вопроса о китайско-российской границе
и значение его решения для укрепления
межгосударственных отношений России и Китая**

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Цзян И История вопроса о китайско-российской границе и значение его решения для укрепления межгосударственных отношений России и Китая // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 18–36. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-18-36

В данной статье рассматривается историческое значение урегулирования пограничных вопросов и выявляются основные трудности процесса решения проблем, касающихся китайско-российской границы. В статье подчеркивается, что с момента образования современного национального государства границы стали важной частью суверенитета и территориальной целостности государства, и в ходе формирования современных государств процесс установления границы между двумя странами почти всегда сопровождался полемикой, даже крупномасштабными войнами или угрозой войны. Формирование российско-китайской границы тоже происходило в аналогичных условиях. Автор подробно прослеживает историю российско-китайских отношений в плане урегулирования пограничных проблем, комментирует основные этапы китайско-российских переговоров по вопросам делимитации границ, характеризует основные договоры о границах, заключенные между Китаем и Россией (Нерчинский, Кяхтинский, Айгунский и Пекинский), оценивая сложности в подписании договоров с позиций китайской и российской сторон. В статье обосновывается значимость урегулирования китайско-российского пограничного вопроса: создание новых условий для сотрудничества во многих конкретных областях таких как экономические и торговые обмены, охрана окружающей среды, рациональное использование ресурсов, судоходство и совместная борьба с преступностью в приграничных районах; улучшение внешней обстановки и поддержание национальной безопасности в обеих странах. В статье делается вывод, что на сегодняшний день Россия и Китай в целом достигли урегулирования приграничных вопросов, что позволило создать условия для долгосрочных отношений стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, китайско-российская граница, договор, международное право, делимитация, картирование, Нерчинский договор, ратификация, пограничный пост.

Jiang Yi

**The history of the question on the china-russian border
and the importance of its solution to strengthen state-to-state
relations between Russia and China**

This article examines the historical importance in the settlement of border issues and identifies the main difficulties of the process of solving problems related to the Sino-Russian border. The article emphasizes that since the formation of the modern national state, borders have become an important part of the sovereignty and territorial integrity of the state, and during the formation of modern states, the process of establishing a border between the two countries has almost always been accompanied by controversy, even large-scale wars or the threat of war. The formation of the russian-chinese border also took place in similar conditions. The author traces in detail the history of Russian-Chinese relations in terms of resolving border problems, comments on the main stages of China-Russian negotiations on border delimitation issues, characterizes the main border agreements concluded between China and Russia (Nerchinsky, Kyakhtinsky, Aigong and Beijing), assessing the difficulties in signing agreements from the positions of the Chinese and Russian sides. The article justifies the importance in the settlement of the China-Russian border issue: the creation of new conditions for cooperation in many specific areas, such as economic and trade exchanges, environmental protection, rational use of resources, shipping and the joint fight against crime in the border areas; improving the external situation and maintaining national security in the both countries. The article concludes that today Russia and China as a whole have reached a settlement of border issues, which made it possible to create conditions for long-term relations of strategic partnership and mutually beneficial cooperation.

Key words: china-russian relations, china-russian border, treaty, international law, delimitation, mapping, Nerchinsk treaty, ratification, border post.

14 октября 2004 года – исторический день в развитии российско-китайских отношений. В дружественной атмосфере взаимопонимания и взаимных уступок две страны подписали «Дополнительное соглашение о восточном участке китайско-российской границы» в соответствии с общепризнанными нормами международного права. Это также знаменовало собой полное разрешение исторических вопросов, которые долгое время затрудняли отношения между двумя

странами. Министр иностранных дел России Сергей Лавров прокомментировал это соглашение по пограничному вопросу, достигнутое между Россией и Китаем, заметив, что оно имеет «прорывное значение», и 40-летние переговоры наконец подошли к концу.

Китай и Россия являются соседними странами с самой длинной сухопутной границей. Граница между ними формировалась в течение трехсот лет и имела сложную предысторию. С одной стороны,

граница является связующим звеном между двумя странами и неотъемлемой частью их отношений. С другой стороны, эта граница на протяжении столетий была проблемной зоной в отношениях между двумя странами и одним из основных аспектов конфронтации между ними. Сложность китайско-российского пограничного вопроса заключается также в том, что, хотя в истории российско-китайских отношений было много договоров, касающихся границ, по разным причинам граница между двумя странами так и не была однозначно определена, как это было признано обеими сторонами.

Граница представляет собой линию, отделяющую одно государство от территории и акватории соседнего государства. С момента образования современного национального государства границы стали важной частью суверенитета и территориальной целостности государства. В ходе формирования современных государств процесс установления границы между двумя странами почти всегда сопровождался полемикой, даже крупномасштабными войнами или угрозой войны. Формирование российско-китайской границы тоже происходило в аналогичных условиях. Вооруженный конфликт между Россией и Китаем по пограничным вопросам с угрозой применения силы продолжались с войны 1685 года до конфликта на острове Чжэньбао в 1969 году. В истории российско-

китайских отношений насчитывается более 20 договоров о границах, многие из которых были подписаны именно в этом контексте.

В то же время вопрос о российско-китайской границе имеет свои особенности. Царская Россия пришла к созданию единого государства в процессе постоянного расширения границ, в том числе на Восток. Царская Россия – европейская страна, которая находилась далеко от Китая на востоке Азии и не имела с ним границ. К концу XV – началу XVI веков, когда Россия сформировала единое государство, ее территория находилась в тысячах километров от бассейна китайской реки Хэйлунцзян. С тех пор царская Россия продолжала расширять свои границы. Во второй половине XVI века царская Россия пересекла Уральские горы и стала продвигаться в восточную Сибирь. В 1632 году Россия основала восточный опорный пункт Якутск в среднем течении реки Лена, а в это время ее территория постепенно приближалась к бассейну реки Хэйлунцзян в Китае. Начиная с 1643 года, когда Василий Поярков вошел в долину реки Хэйлунцзян, эта экспансия продолжалась, сначала это было своего рода разведкой казачьих землепроходцев, а затем превратилось в крупномасштабные правительственные действия регулярной армии. Таким образом, формирование российско-китайской границы с самого начала было результатом российской экспансии

(порой с элементами аннексии) на восток.

С позиций китайской стороны факторы формирования границ оказались еще более сложными. Во-первых, Китай – это многонациональное государство, поэтому отношения между центральной территорией и приграничными этническими меньшинствами исторически складывались противоречиво, а разделение и воссоединение различных областей было обычным явлением. Кроме того, этнические меньшинства на севере в основном живут кочевниками, и понятие сельской местности утрачивало свой статус. Некоторые из этих этнических групп в XVII веке представляли собой примитивные племенные общества, и между ними часто возникали столкновения. Все это открывало возможности для разгрома, раскола и завоевания со стороны внешних врагов. Этим во многом объясняется быстрое и легкое расширение царской России на восток. Даже когда династия Цин процветала, центральное правительство было осторожным в отношениях с царской Россией. Это стало причиной того, что Китай, имевший преимущество во время переговоров в Нерчинске, пошел на уступки.

Во-вторых, традиционно правители заботились о границах гораздо меньше, чем о стабильности королевской власти. Одним из вариантов решения проблем, связанных с иностранными нападениями, часто

является «уступка в обмен на безопасность» [张维华、孙西, 1997, с. 84]. Такое сознание наиболее полно проявилось в ранних китайско-российских пограничных территориальных спорах.

В-третьих, представление о разделении мира во время правления прошлых династий в Китае было чрезвычайно простым: существует Средиземье (средняя, центральная земля), близкие соседи и дальние страны. Центральные земли – основа королевской власти, а близких соседей называли «периферийными странами», отношения которых с центральной династией проявляются в подчинении и признании статуса сюзерена. Поскольку пограничные районы находятся между центральными землями и ближайшими соседями, их положение довольно неудобное: с одной стороны, районы находятся в центральном подчинении, а с другой – несколько оторваны от Китая. Следовательно, хотя центральное правительство создало здесь систему управления и назначило должностных лиц, в силу различных факторов, центральная власть не всегда способна управлять приграничными районами. Более того, некоторые этнические меньшинства на северной границе часто бросают вызов авторитету центрального правительства, что еще больше ослабляет способность центрального правительства контролировать границу.

В-четвертых, в процессе развития сельскохозяйственной цивилизации земля к югу от Великой стены стала богата ресурсами, население достаточно велико, чтобы дать мелким фермерам возможность обеспечивать самим себя. «Бесплодные» же районы на севере не представляли для правительства особого интереса. Даже такие меньшинства как Монголия, Маньчжурия, с момента своего вступления в этот район, в начале периода своего существования, были ослаблены, и внимание, и инвестиции в отдаленные районы, естественно, уменьшились. После подписания Нерчинского мирного договора, правительство Китая по-прежнему было обеспокоено вопросами безопасности границ. В какой-то степени отсутствие защиты привело к тому, что в течение десятилетий силы России неоднократно проникали в Хэйлунцзян, который в то время был «внутренней рекой» Китая.

В-пятых, в поздний период феодальной системы в Китае существовала коррупция и слабая национальная власть, и на этом фоне был подписан ряд важных договоров о территориальной границе между Китаем и Россией. В то время, когда происходило подписание договоров, правительство было либо слабым, либо некомпетентным, либо неспособным понять, что подобная акция приведет к множеству проблем с делимитацией границ и заложит корни будущих пограничных споров.

В-шестых, из-за того, что Китай не всегда располагал дипломатическими навыками и талантами, некоторые переговоры, контракты, касающиеся делимитации границ с Россией и СА оставляли значительное количество «лазеек» для неоднозначного толкования соглашений. Например, Нерчинский договор был первоначально подписан на пяти языках (на китайском, маньчжурском, монгольском, русском и латинском), и в разных текстах он был сформулирован по-разному, с различными формулировками и с некоторыми неясностями.

Переход между двумя важными историческими периодами в истории Китая является ключевым фактором, который позволил царской России неоднократно добиваться успехов в территориальных пограничных вопросах.

Первый исторический период пришелся на середину XVII века. В конце XVI – начале XVII веков маньчжуры возродились на северо-востоке и начали бросать вызов авторитету династии Мин на северо-востоке. Контроль центрального правительства Китая над ними был сильно ослаблен. В 1644 году династия Цин со всей своей силой вторглась на материк, и династия Мин сменилась. В последующие десятилетия правитель династии Цин был занят завоеванием и искоренением остатков династии Мин и укреплением господства нового режима во внутренних территориях к западу от заставы Шаньхайгуань,

включая объединение Тайваня (до 1683 г.). Таким образом, хотя Китай и Россия неоднократно участвовали в вооруженных конфликтах на северо-восточной границе с 1652 года, цинское правительство приняло лишь незначительные чрезвычайные меры и у него было мало времени, чтобы всерьез заняться пограничными вопросами. Только с установлением нового китайского режима в 1685 году возобновилась серьезная борьба с царской Россией за территориальные границы, в результате которой между двумя странами был подписан первый договор о демаркации территориальных границ – «Нерчинский договор».

Второй исторический период наступает после 1840 года. Более 100 лет Китай находился в состоянии политической нестабильности. Царская Россия, непосредственно граничащая с Китаем, естественно, была в то время самой процветающей страной. Особенно во время Второй опиумной войны в 1856 году и вторжения в Пекин британских и французских войск в 1860 году – в это время движение Тайпинов за Небесное Царство было в самом разгаре. Царская Россия воспользовалась внутренними и внешними трудностями цинского правительства, чтобы заставить Китай подписать два договора, по которым он уступал большую часть земель, – Айгунский и Пекинский.

Следует сказать, что царская Россия не так сильна на Востоке,

как в Европе, и ее агрессия против Китая также меньше связана с крупномасштабными войнами, такими как две Опиумные войны и китайско-японская война 1894–1895 годов. Однако, обладая географическими преимуществами, царская Россия часто использовала внутреннюю нестабильность Китая или серьезные удары иностранных врагов по Китаю для вторжения.

После победы Октябрьской революции советский режим немедленно выступил с позитивным заявлением о китайско-российских отношениях. В июле 1919 года в «Декларации гражданам Китая, а также правительствам Севера и Юга» (также известной как Первая декларация Советской России по Китаю) говорилось, что Советское правительство должно вернуть все, что царское правительство украло у китайского народа (само или совместно с Японией и союзниками). В сентябре 1920 года правительство Советской России выдвинуло «предложение из восьми пунктов» в ноте министерству иностранных дел Китая (Вторая декларация Советской России по Китаю). Во-первых, правительство Советской России объявило об отмене русского языка. Все договоры, заключенные между предыдущим правительством и Китаем, отказываются от земель, ранее захваченных у Китая, и бесплатно возвращают все, что было захвачено, в Китай. Правительство России надеялось использовать эти предложе-

ния как основу для заключения нового российско-китайского договора и установления нормальных отношений. Следует сказать, что с 1840 года это было первое дружеское обращение крупной страны к Китаю, а также первое признание равенства крупной страны Китаю. По сравнению с первой декларацией по Китаю предложение 1920 года является более четким и развернутым по сравнению со старым неравноправным договором [《中苏国家关系史资料汇编》... , с. 87].

Позднее выяснилось, что как с точки зрения национальной безопасности СССР и России, так и с точки зрения идеи продвижения мировой революции, советская власть высказывалась лишь на словах, что касается территориальных границ, то Россия и СССР вообще не намерены были идти на какие-либо уступки. В китайско-советском рамочном соглашении по урегулированию нерешенных вопросов, подписанном в 1924 году, было оговорено только решение изменить границы и сохранить первоначальную границу до ее делимитации. В 1920-х годах Советский Союз столкнулся с серьезной внешней угрозой безопасности, а внутри Китая тоже развернулись боевые действия, и у него не было времени позаботиться о защите границы. В 1930-х годах Япония оккупировала северо-восточный Китай, и центральное правительство Китая потеряло контроль над северной границей. В то время Со-

ветский Союз больше опасался дальнейшей агрессии Японии на север. История периода царской России повторилась снова, и это был критический момент внутренних и внешних проблем Китая. Исходя из собственных интересов, Советский Союз использовал возможность для дальнейшего расширения достижений царской России в пограничном вопросе: Советский Союз взял под свой контроль многие острова в районе реки Хэйлунцзян и Уссури. Такая ситуация сохранялась до основания Китайской Народной Республики.

Краткий обзор истории до основания Китайской Народной Республики показывает, что территориальные границы Китая и России значительно изменились за последние несколько сотен лет. Хотя на всей большой территории действовали договоры, многие из них являлись неравноправными [《中苏国家关系史资料汇编》, 1993, с. 271].

Поскольку в XX веке в обеих странах произошли очередные изменения в социальной системе, понимание старых договоров, урегулирование спорных вопросов между двумя сторонами и подлинное установление границы в соответствии с международным правом и международно признанными стандартами всегда были важными вопросами, стоящими перед обеими странами.

С самого начала существования Китайской Народной Республики вопрос о границах, естественно, не

поднимался сразу. В 1950-е годы советско-китайская граница в основном функционировала в мирной и стабильной обстановке, и обмена между приграничными районами двух стран также производились беспрепятственно. Но это не означало, что новое китайское правительство не занималось решением пограничных вопросов. В общей программе политических консультаций нового Китая 1949 года четко оговаривалось, что новое китайское правительство пересмотрит договоры и соглашения, подписанные между старым Китаем и зарубежными странами, и признает их в соответствии с их содержанием, пересмотрит или отменит. В соответствии с принципами международного права и международной практики после смены режима в стране договоры, предусматривающие демаркацию границ, должны в целом признаваться. Такое отношение Нового Китая на самом деле является принципиальным признанием всех предыдущих российско-китайских договоров о территориальных границах, но лишь стремлением к окончательному урегулированию спорных вопросов делимитации границ. Однако граница не была строго определена, и российская (советская) сторона использовала различные возможности для нарушения контракта. Эти проблемы касались территорий около 700 км² на восточной границе Советского Союза и более 27 600 км² на западе.

В конце 1950-х годов по мере укрепления нового китайского режима в стране начался новый этап государственного строительства, и на повестке дня стоял вопрос о делимитации неопределенной границы. «Предварительная подготовка к урегулированию границы – картирование, исследования и т. д. – началась практически сразу» [十年论战, 1999, с. 248]. В 1960 году министерство иностранных дел Китая создало Управление по вопросам российско-китайской границы, которое приступило к подготовке переговоров о границе с Советским Союзом. В этой связи Китай считал, что цель переговоров заключается в том, чтобы подчеркнуть неравноправие старых договоров, но для того, чтобы учесть реальное положение дел, он согласен с тем, что эти договоры должны служить основой для переговоров по вопросу о границах. Однако с конца 50-х годов между партиями Китая и СССР обострились идеологические разногласия. К 60-м годам отношения между Китаем и СССР еще больше обострились, и между двумя партиями развернулись открытые споры, которые охватили отношения между странами. Процесс урегулирования пограничных вопросов также серьезно осложнялся постепенным ухудшением общих отношений между двумя странами, и в последующие десятилетия было трудно добиться прогресса. В свою очередь, именно по-

граничный вопрос стал катализатором и серьезным препятствием для дальнейшего ухудшения отношений между Китаем и СССР.

После того, как отношения между Китаем и СССР стали напряженными, исторически сложившийся вопрос о границах, который в первые годы после образования КНР был беспроблемной зоной, вышел на первый план, отражая антагонистические настроения двух стран и вновь поднимая историческую проблему делимитации границы. В таких условиях пограничный вопрос нельзя было игнорировать или затягивать его решение, поэтому с 1964 года Китай и СССР провели три раунда переговоров по вопросу о делимитации границы. Однако в период с 1964 по 1978 год оба раунда переговоров завершились слишком большими разногласиями между сторонами, а также значительным отклонением от основных позиций обеих сторон по вопросу о границах в сочетании с конфронтацией в отношениях между двумя странами. Эти принципиальные разногласия сводятся к следующему:

Во-первых, они обусловлены исторической природой российско-китайского договора. Китай утверждает, что, поскольку земли, переданные царской России при династии Цин, были определены в договоре, китайская сторона лишь хотела провести переговоры о делимитации границы, не включив в них вопрос о 1,5 млн км² земли, которая исторически была отторгнута от

России. Вместе с тем Китай также подчеркивает, что многие исторические договоры, касающиеся территории и границ Китая и России, были неравноправными и Китай был вынужден подписать их с державами, когда феодальная династия Китая погрязла в коррупции, а влияние китайской государственной власти было крайне слабым. Однако Советский Союз не только отказывался признать неравенство многих договоров в истории, но и ошибочно утверждал, что первый договор о демаркации между Китаем и Россией, Нерчинский договор, был навязан России при династии Цин.

Во-вторых, разногласия касались цели переговоров. Китай считал, что цель совместной работы заключается в том, чтобы обсудить нерешенные пограничные проблемы между двумя странами и связанные с этим спорные региональные вопросы и найти разумное решение на основе переговоров. Советский Союз, со своей стороны, настаивал на том, что российско-советские границы и территории уже были урегулированы соответствующими договорами, которые, даже если они и не были четко определены, были исторически сформированы или давно контролировались Советским Союзом, в связи с чем никаких пограничных споров и вопросов, касающихся границы, не существовало, и что цель переговоров между сторонами заключалась лишь в обсуждении вопросов, касающихся отдельных районов, которые требуют пере-

смотра в результате изменения природной среды. В заявлении советского правительства перед началом переговоров советская сторона определила целью переговоров устранить возможные «недоразумения» в переговорах сторон по вопросу направления границы отдельных участков [苏联政府声明, 1963].

В-третьих, существуют разногласия в отношении того, что является основой для определения границ. Китай подчеркнул, что существующие договоры являются основой для делимитации границы между двумя сторонами, в то время как Советский Союз расширил эту основу, включив в нее не только договоры, уже заключенные обеими сторонами, но и ряд других документов. Например, в районе Хэйсяцзыдао (остров Черного Медведя) на восточном участке границы между Китаем и Советским Союзом у советской стороны есть российская карта, которая далека от первоначального договора. Что касается Памирского района на западной границе, то документы, имеющиеся у советской стороны, не менее парадоксальны. Советский Союз считал, что в период с марта по апрель 1894 года две страны достигли соглашения о делимитации границы. Фактически после того, как царские российские вооруженные силы вошли в регион Памира после 1891 года, неоднократные переговоры между Китаем и Россией потерпели неудачу.

К 1894 году обеим странам пришлось согласиться временно сохранить статус-кво. В четырех письмах (по два от Китая и Российской Федерации) не проводится делимитация границы, и их суть состоит в том, что обе стороны обязуются сохранять статус-кво в районах, находящихся под их фактическим контролем, и не выходить за рамки занимаемых ими позиций до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о делимитации этого района. В то же время Китай подчеркнул, что согласие на сохранение статус-кво не означает отказа от прав на территории, находящиеся за пределами зоны фактического контроля.

Следует отметить, что в первом раунде переговоров на уровне рабочих групп двух сторон был достигнут консенсус по делимитации границы между двумя странами на основе центральной линии основного фарватера реки Уссури. Если этого удалось бы добиться, то не только переговоры о границе принесли бы свои плоды, но и инцидента на острове Чжэньбаодао (Даманском) в 1969 году также можно было бы избежать. Однако в условиях ухудшения советско-китайских отношений Советский Союз явно не хотел идти на какие-либо уступки в соответствии с международной практикой. Этот консенсус не был признан советским руководством. По аналогии с российско-китайским соглашением о границе, подписанным в 1991 году,

очевидно, что переговоры и результаты после таких соглашений позволили бы вернуть возможность, которая была упущена в 1964 году. После этого раунда переговоров и в последующие несколько лет Центральный Комитет Советского Союза четыре раза издавал инструкции, требуя от науки, публикаций и газет Советского Союза «исправить» первоначальные исторические границы между Китаем и Россией. «Ошибка» была объяснена, и была создана группа исследователей, состоящая из многих китаистов для пересмотра истории китайско-российских отношений в расчете, что они «систематизируют» новые «свидетельства» по пограничным и историческим вопросам. Сформировавшаяся в это время «новая» история очень важна для «просвещения» многих россиян. По сей день взгляды некоторых россиян на историю китайско-российской границы сформировались под влиянием этой «новой» истории.

Длительная конфронтация в советско-китайских отношениях и продолжающаяся напряженность между протяженными границами двух стран явно не соответствовали стратегическим интересам обеих сторон. С точки зрения политики ослабления внешней напряженности, Советскому Союзу срочно необходимо улучшить свои отношения со своим крупнейшим соседом; а Китаю, который начал реформы открытости, также необходимо было создать стабильную и

мирную внешнюю среду. Именно на этом фоне Китай и Советский Союз с конца 1970-х годов постепенно пытались нормализовать свои отношения. Следует признать, что во время правления Горбачева он приложил конструктивные усилия для улучшения советско-китайских отношений, особенно для устранения барьеров безопасности, которые в то время особенно беспокоили Китай. В марте 1985 г. на пленуме ЦК избранный руководителем КПСС Горбачев выразил надежду на улучшение отношений с Китаем [戈尔巴乔夫 在苏共中央全会上 的讲话, 1985]. В своем выступлении во Владивостоке Горбачев впервые изложил свою новую позицию по разрешению советско-китайского пограничного вопроса, а именно, согласился определить границу между двумя странами по центральной линии основного фарватера реки Уссури в соответствии с международными принципами. Он также выразил надежду, что советско-китайская граница может стать мирной и дружественной границей. Конструктивная позиция советской стороны сразу же получила положительный отклик с китайской стороны.

В феврале 1987 года в Москве прошел третий раунд переговоров о границе. Во главе делегаций обеих сторон были заместители министров иностранных дел Цянь Цичэнь и И. А. Рогачев (китайское имя Ло Гаошоу), которые также отвечали за содействие нормализации

отношений между двумя странами [钱其琛, 2003]. В отличие от двух предыдущих, у этих переговоров были два конструктивных условия. Во-первых, вышеупомянутая новая позиция советской стороны по отношению к границам заложила основу для успешного проведения переговоров. Это также позволило сторонам установить общий принцип урегулирования пограничных вопросов на основе договора о российско-китайской границе и в духе взаимных консультаций и взаимных уступок в соответствии с общепризнанными нормами международного права и на основе справедливого и разумного урегулирования унаследованных от истории пограничных вопросов. Во-вторых, общее восстановление советско-китайских отношений, а также восстановление и развитие сотрудничества в различных областях позволили постепенно продвигаться вперед в нормализации двусторонних отношений. К 1988 году три препятствия на пути российско-китайских отношений были в основном устранены, и в мае 1989 года отношения между двумя странами окончательно нормализовались. Улучшение и развитие китайско-советских отношений создали благоприятную атмосферу для переговоров по пограничным вопросам и способствовали процессу урегулирования.

Именно на этой основе, несмотря на радикальные изменения, произошедшие в Советском Союзе,

советско-китайские переговоры могут быстро дать результаты. После более чем двухлетних переговоров обе стороны в основном пришли к соглашению о делимитации восточной границы, что являлось наиболее спорным вопросом. В мае 1991 г. министры иностранных дел двух стран подписали «Соглашение о восточном участке советско-китайской границы», состоящее из десяти пунктов, которое определило направление большей части восточного участка двух стран. Среди них статья 2 соглашения четко определяет 33 пограничных пункта вдоль восточной части государственной границы и указывает, что национальная граница обозначена красной линией на карте в масштабе 1:100000. Кроме того, в Соглашении предусматривается, что речные и морские суда обеих сторон могут свободно перемещаться от реки Уссури до реки Хэйлуунцзян (через Хабаровск) и что китайские корабли могут выходить в воды Тихого океана по нижнему течению реки Туманной. Это соглашение было ратифицировано законодательными органами Российской Федерации и Китая в феврале 1992 года, стало действовать вступившее с марта того же года. К 1999 году совместный комитет по демаркации границы двух стран очертил в общей сложности 4 195,44 км восточного участка границы между Китаем и Россией (без учета двух нерешенных участков на тот момент). Из них около 578 км суши, 3 547 км

реки и 70 км озера (озеро Синкай). В ходе демаркации обе стороны установили в общей сложности 1 180 пограничных постов и решили вопрос о собственности более чем 2 400 островов на пограничной реке между двумя странами. Обе стороны также нарисовали карты, на которых четко обозначено расположение государственных границ и пограничных постов.

Советский Союз не смог достичь окончательной договоренности с Китаем о западной границе. После распада Советского Союза бывшая западная граница Китая и Советского Союза стала границами между Китаем и Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном (китайско-российская граница составляет 50 км, китайско-казахстанская граница составляет 1 700 км, китайско-киргизская граница составляет 1 000 км, а китайско-таджикская граница – 1 000 км). Начиная с октября 1992 года, на основе установленных принципов и договоренностей, достигнутых на советско-китайских переговорах, Китай продолжил переговоры с указанными выше четырьмя странами по вопросу о западной границе. В это время пять стран сформировали новый переговорный механизм 4 + 1 (четыре республики бывшего Советского Союза и Китай), а именно два комитета по совместной демаркации и разоружению в приграничных районах. Это также стало механизмом «Шанхайской пятерки» и Шанхайской организации сотрудничества.

Вопрос о новых западных границах Китая и России не является сложным (все спорные районы стали проблемами Китая с другими странами Центральной Азии) и, следовательно, был решен более быстрыми темпами: в сентябре 1994 года Китай и Россия подписали в Москве соглашение о западной границе (около 54 км), которое было одобрено высшим законодательным органом обеих стран в октябре следующего года. В настоящее время 98 % российско-китайской границы юридически признаны мирным путем.

После распада Советского Союза Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан, являющиеся наследниками северо-западной границы бывшего Советского Союза, продолжили дружеские переговоры с Китаем. Соглашение о границе также остается открытым. Начиная с «Соглашения о границе между Китаем и Казахстаном» в апреле 1994 года и до подписания дополнительного соглашения о национальной границе между Китаем и Таджикистаном в мае 2002 года, направление первоначальной западной границы Китая и Советского Союза было очерчено, и все исторические вопросы, оставшиеся на северо-западной границе Китая, были решены.

После делимитации большей части границ Китай и Россия сосредоточили свои усилия на решении остающихся проблем, а именно на острове Абагайтуй на реке Аргунь и в районе острова Хэйсяцзыдао на

пересечении рек Хэйлунцзян (русское название реки Амур) и реки Уссури. Площадь острова Абагайтуй составляет около 62 км², и спор в основном вызван изменениями в природной среде и изменением русла реки. Остров Хэйсяцзы занимает площадь около 335 км². Из-за изменений гидрологических условий Китай называет его одним островом, а Россия – двумя островами. Он выходит на Хэйлунцзян на севере, реку Уссури на юго-востоке и водный путь Фуюань, соединяющий реки Хэйлунцзян и Уцзян на юго-западе. Остров находится в 11 км к западу от китайского округа Фуюань, и в 1 500 м к востоку от Хабаровска, важного города на Дальнем Востоке России, поэтому он стал серьезной проблемой в переговорах между двумя сторонами.

Конечно, проблема острова Хэйсяцзы возникла из-за присоединения Россией традиционных китайских территорий. Но с точки зрения Китая, это тоже была серьезная ошибка в истории китайской дипломатии. Остров Хэйсяцзы не является территорией, контролируемой царской Россией. Даже текст «Пекинского договора» 1860 года, который Китай рассматривает как неравноправный договор, ясно указывает на то, что две страны граничат с двумя реками (Хэйлунцзян и Уссури) и расположены на центральной линии основных речных фарватеров. Остров Хэйсяцзы на юге определенно является территорией Китая. Однако правительство

Цин, подписавшееся в то время от имени Китая, было безрассудно и в то же время дезориентировано коалицией Великобритании и Франции. Оно проигнорировало важность фиксации договора на карте, в то время как российская сторона в лице своего представителя обозначила на карте красную линию границы. В следующем году (июнь 1861 г.) цинское правительство и представители царской России провели встречу по демаркации границы между двумя странами на озере Синкай. На этой встрече были подписаны карты Пекинского договора. На фоне жесткой и хорошо подготовленной российской стороны китайские представители еще больше усугубили свои ошибки. В Дополнительных положениях к Пекинскому договору, подписанных по итогам Конференции, четко говорится, что основная цель Конференции заключается в подписании и обмене пограничными картами и подробными документами, составленными в соответствии с Пекинским договором, а также в том, чтобы обеспечить полное соответствие между всеми текстами обмена в качестве приложения к Пекинскому договору. Вместе с тем карта, составленная упомянутым выше представителем России, не только неточна, но и содержит серьезные ошибки, которые могут стать причиной для будущих споров между сторонами.

Фактически, остров Хэйсяцзы даже долгое время после этого

находился под юрисдикцией Китая. В начале XX века царское российское правительство изменило свое отношение к этому вопросу, заявив, что первоначальный «Пекинский договор» относится к границе не по рекам Хэйлунцзян и Уссури, а по Амурскому водному пути (водный путь Фуюань) к югу от острова Хэйсяцзы. В августе 1929 года, во время войны на Ближнем Востоке, Советская армия воспользовалась случаем, чтобы занять остров Хэйсяцзы. Позже, когда китайско-советские отношения были нормализованы, Дэн Сяопин в своем историческом разговоре с Горбачевым особо упомянул остров Хэйсяцзы как пример того, как Советский Союз наносит ущерб интересам Китая [邓小平, 1993].

После напряженных переговоров и при прямом содействии двух глав государств переговоры 2004 года по пограничным вопросам наконец увенчались успехом. Китай и Россия договорились о разделении двух спорных территорий. Во время визита Путина в Китай 14 октября 2004 г. Китай и Россия подписали Дополнительное соглашение между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о восточном участке китайско-российской границы, что позволило успешно завершить процесс окончательного урегулирования вопроса о границе, впервые за более чем трехсотлетнюю историю обменов между двумя странами. 27 апреля 2005 г. Постоянный комитет Всеки-

тайского собрания народных представителей принял решение об утверждении «Дополнительного соглашения между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о восточном участке китайско-российской границы»; 20 и 25 мая обе палаты российского парламента утвердили Дополнительное соглашение о восточном участке российско-китайской границы.

Полное определение направления китайско-российской границы имеет «прорывное» значение для развития двусторонних отношений. Ценность мирного урегулирования пограничного спора двумя крупными державами на основе разумного и взаимовыгодного подхода невозможно переоценить. Во-первых, урегулирование пограничного вопроса устранило серьезное препятствие в отношениях между двумя странами на долгое время и заложило основу для дальнейшего развития двусторонних отношений и развития равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Обе страны знают, как много Китай и Россия сделали для решения этого вопроса. Мы также очень хорошо знаем, насколько тяжелым для них стало политическое, экономическое и социальное бремя конфронтации между двумя странами в приграничных районах. Бывший посол России в Китае Ло Гаошю (И. А. Рогачев) сказал, что того факта, что Советский Союз потратил 30 млрд долларов США на про-

тивостояние с Китаем, должно быть достаточным напоминанием о том, что мы не можем вернуться к безнадёжной конфронтации [罗高寿, 2005, с. 53]. Сегодня пограничный вопрос окончательно вошел в историю отношений двух стран, и с тех пор граница между двумя странами протяженностью более 4 300 км может полностью стать мирной, дружественной и стабильной зоной добрососедства.

Во-вторых, решение пограничного вопроса создало новые условия для сотрудничества во многих конкретных областях таких как экономические и торговые обмены, охрана окружающей среды, рациональное использование ресурсов, судоходство и совместная борьба с преступностью в приграничных районах. Граница является не только знаком, разделяющим территорию Китая и России, но также может служить связующим звеном и мостом дружбы между двумя народами. Можно надеяться, что урегулирование пограничного вопроса создаст более благоприятную и спокойную атмосферу для торгово-экономического и кадрового обмена в приграничных районах обеих стран. В этих районах значительно ускорится развитие инфраструктуры, будет расширяться сотрудничество между различными сторонами в пограничных районах, что приведет к повышению уровня экономического развития и уровня жизни населения.

В-третьих, урегулирование пограничных вопросов открывает возможности для улучшения внешней обстановки и поддержания национальной безопасности в обеих странах. Создание благоприятной окружающей среды является необходимым условием мирного развития Китая. Россия, имеющая самую протяженную границу с Китаем, несомненно, является одним из важнейших факторов безопасности Китая. Полное урегулирование пограничного вопроса устранило беспокойство китайского правительства по поводу безопасности границ Китая и обеспечило уверенность в долгосрочной стабильности северной границы.

Формирование и поддержание благоприятной внешней среды для развития страны, стремление к созданию зоны добрососедства и предотвращение новой напряженности и конфликтов являются ключевыми задачами российской дипломатии, которая сталкивается с проблемами в различных формах, включая территориальные проблемы с другими странами. Урегулирование пограничного вопроса с Китаем также создало условия для безопасности и развития Дальнего Востока России.

В-четвертых, окончательное урегулирование пограничных вопросов является вкладом Китая и России в обеспечение стабильности и мира в регионе, и во всем мире и служит примером для решения споров по другим аналогичным во-

просам. Они также подтверждают принцип мирного и взаимовыгодного урегулирования спора в целом.

Наряду с оценкой важности решения пограничных вопросов необходимо сделать ряд замечаний. Это объясняется тем, что не все жители обеих стран хорошо понимают некоторые проблемы и не все могут объективно оценивать некоторые вещи.

Во-первых, с момента своего прихода к власти правительство Китайской Народной Республики никогда не требовало от России возвращения исторически отторгнутых 1,5 млн км². Эта позиция является последовательной, даже в самый сложный период отношений между двумя странами, когда между ними вспыхнул пограничный конфликт. Об этом свидетельствует тот факт, что с момента первых переговоров в 1964 году, после вторых переговоров в 1969-1978 годах и до третьих переговоров в 1987 году китайская сторона стремилась лишь провести делимитацию границы и никогда не включала в переговоры вопрос о присвоении земель площадью 1,5 млн км². Договор о добрососедстве и сотрудничестве между Россией и Китаем, подписанный в 2001 году, особо подчеркивает стремление обеих сторон не заявлять о своей территории и границах и тем самым подтверждает в законодательном порядке консенсус, достигнутый между двумя странами в процессе урегулирования пограничных вопросов.

Во-вторых, под влиянием различных факторов в отношениях между двумя народами сохраняется определенное отсутствие понимания или даже сомнений, а в отношении урегулирования пограничных вопросов существуют некоторые возражения в обеих странах.

Китай всегда считал, что некоторые территориальные и пограничные договоры в истории китайско-российских отношений являются неравноправными договорами, и их заставили подписать с иностранными державами, когда феодальная династия Китая была слабой и коррумпированной, а национальная мощь Китая падала. Однако мы также считаем, что Советский Союз и Российская Федерация сегодня не несут моральной ответственности за это. Мы также считаем, что старая история перевернута и что отношения между двумя странами сегодня и завтра могут вступить в новую фазу. Дэн Сяопин четко изложил базовую позицию Китая по историческим вопросам, когда советско-китайские отношения были нормализованы в 1989 году. Это должно положить конец прошлому и открыть перспективы для будущего [邓小平, 1993].

Некоторые китайские «патриотические националисты» не могут правильно и рационально понять и трактовать значение делимитации китайско-российской границы. Они считают, что Китай может «затянуть» этот вопрос и дождаться его решения, когда его национальная

мощь станет сильной, и к тому времени он может получить лучшие результаты. Следует сказать, что им обычно не хватает необходимого понимания истории, реальности и законов международного права. Независимо от того, сильна страна или нет, вопрос территориальных границ очень сложен, в нем задействовано множество факторов, не таких простых, как некоторые полагают. Еще более важным является то, что для укрепления и развития Китая требуется длительное время, необходимое для обеспечения мира и стабильности в соседних регионах, а также дружественных отношений с соседними странами. Это также требует превращения границ в стабильные и законные мирные зоны, что требует скорейшего решения оставшихся от истории проблем.

Необходимо признать, что решение пограничных вопросов является не результатом подчинения одной стороны другой и не результатом согласия одной стороны, а с другой – результатом того, что обе страны уважают историю и современность и одновременно принимают во внимание интересы друг друга, опираются на международное право и в полной мере учитывают практические возможности, а также взаимные компромиссы. Наше понимание и толкование решения пограничных вопросов должно основываться на общем контексте отношений между двумя странами, на стратегической высоте

построения долгосрочных дружественных отношений между двумя странами, а не на узком и предвзятом так называемом национал-патриотическом подходе; должны основываться на исторических, правовых и объективных фактах, а не на иррациональных умозаключениях, необоснованных субъективных предположениях.

Таким образом, подводя итоги российско-китайских отношений с момента создания Китайской Народной Республики, становится ясно, что вопрос о границе между двумя странами, несмотря на историческое наследие, не является единственным или главным аспектом отношений между двумя странами. В значительной степени пограничный вопрос является лишь барометром отношений между двумя странами и является отражением общих отношений между ними. Сегодня вопрос о границах может быть решен в полном объеме на справедливой и взаимовыгодной основе, и это зависит от здорового и стабильного развития отношений между двумя странами с 1990-х годов, от установления стратегических партнерских отношений между двумя странами и от углубления всеобъемлющего сотрудничества между ними. Когда в 1960-е годы отношения между двумя странами в целом ухудшились, граница оказалась на переднем крае конфронтации государств. Таким образом, главная и центральная задача обеих стран заключается в том, что необ-

ходимо еще больше углубить сотрудничество в различных областях, укрепить взаимопонимание и доверие между государствами, сохранить дружественную атмосферу между двумя странами. Исходя из этого, мы сможем обеспечить, что-

бы границы, которые были окончательно урегулированы, не породили новых проблем и чтобы границы, которые уже были установлены, оставались неизменными.

Библиографический список

1. 张维华、孙西《清前期中俄关系》. 山东教育出版社1997年。
2. 《中苏国家关系史资料汇编》(1917-1924), 中国社会科学出版社1993年。
3. 《十年论战》, 中央文献出版社. 1999年。
4. “苏联政府声明”, (苏)《消息报》. 1963年9月21日。
5. 戈尔巴乔夫在苏共中央全会上的讲话, 《真理报》. 1985, 年3月12日。
6. 钱其琛《外交十记》, 世界知识出版社. 2003年。
7. 邓小平“结束过去, 开辟未来”, 《邓小平文选》第三卷. 人民出版社. 1993年。
8. 罗高寿: 《20世纪末21世纪初的俄中关系》, 俄消息出版社. 2005年。

УДК 342.725

С. А. Колода

<http://orcid.org/0000-0001-8482-1524>

**Языковая политика как фактор современного украинского
внутриполитического противостояния**

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Колода С. А. Языковая политика как фактор современного украинского внутриполитического противостояния // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 37–55. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-37-55

В статье представлен анализ украинской языковой политики с 1989 года по настоящее время. Особенность этнолингвистической ситуации обусловлена многонациональностью и использованием большого количества языков для повседневного общения гражданами Украины. Автор дает описание национальной и языковой ситуации, приводит анализ этнической структуры в соответствии с выбором языка повседневного общения. Результатом противоречивого характера языковой политики является ожесточенная внутриполитическая борьба. Языковой вопрос был одним из ключевых на всех украинских выборах с 1989 по 2019 годы. Язык повседневного общения также имеет большое влияние на электоральное поведение граждан. Внимание автора сосредоточено на использовании языковых и этноконфессиональных противоречий украинскими политическими силами, ведущими борьбу за власть. Приводится анализ ключевых нормативно-правовых актов, реализующих, в той или иной степени, государственную языковую политику. Автор приходит к выводу о прочной законодательной базе, необходимой для осуществления языковой политики, учитывающей интересы всех граждан многонациональной Украины. Но принимаемые иные противоречивые законы и подзаконные акты, а также политические противоречия как во власти, так и между властью и оппозицией, создают конфликтную ситуацию, негативно влияющую на социально-политическую обстановку в стране. Негативную оценку отдельным украинским законам, регулирующим языковую политику, дали представители европейских государств, прежде всего Венгрии. В качестве основного аргумента приводится новый Закон об образовании, положения которого ущемляют права национальных меньшинств.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, национальная политика, президентские и парламентские выборы, государственный язык, миноритарные языки, закон о языке, языковые конфликты, выборы.

© Колода С. А., 2020

S. A. Koloda

Language policy as a factor of modern ukrainian domestic political confrontation

The article presents the analysis of the ukrainian language policy from 1989 to the present. The peculiarity of the ethnolinguistic situation is due to the multinationality and the use of a large number of languages for everyday communication by citizens of Ukraine. The author gives a description of the national and linguistic situation, brings the analysis of the ethnic structure in accordance with the choice of the language of everyday communication. The controversial nature of language policy is the result of a fierce internal political struggle. The language issue was one of the key issues in all Ukrainian elections from 1989 to 2019. The language of everyday communication also has a great influence on the electoral behavior of citizens. The author's attention is focused on the use of linguistic and ethno-confessional contradictions by Ukrainian political forces waging a struggle for power. The analysis of the key regulatory legal acts that implement, to one degree or another, the state language policy. The author comes to the conclusion about a solid legislative framework necessary for the implementation of a language policy that takes into account the interests of all citizens of multinational Ukraine. But the adopted other contradictory laws and by-laws, as well as political contradictions both in the government and between the government and the opposition, create a conflict situation that negatively affects the socio-political situation in the country. Representatives of European states, primarily Hungary, gave a negative assessment to certain Ukrainian laws regulating language policy. The main argument is the new Education Law, the provisions of which infringe on the rights of national minorities.

Key words: language policy, language planning, national policy, presidential and parliamentary elections, state language, minority languages, language law, language conflicts, election.

Языковой вопрос на Украине остается достаточно сложным на протяжении нескольких десятилетий. Несмотря на то, что с даты провозглашения независимости прошло почти 30 лет, дискуссии по вопросу языковой модели существования украинского государства не утихают до сих пор. Языковой вопрос стал одной из причин вооруженного конфликта на Донбассе в 2014 г. В последние годы на Украине происходят разнообразные процессы, связанные с региональ-

ной дифференциацией страны, а также проводимой политикой украинизации. Этим, в частности, и обусловлена важнейшая роль языковой политики (в первую очередь, в отношении русского языка) – фактора, который может как обеспечить политическую стабильность на Украине, так и дестабилизировать этноязыковую ситуацию [Кетцян, 2011]. Но причины сложных конфликтов, постигших Украину в эти годы, стоит искать в более отдаленном периоде. Сложность

языкового вопроса не возникла спонтанно. Его острота обусловлена рядом исторических, внешнеполитических, географических факторов. Украина – многонациональная страна. Национальный состав жителей страны представляют более 150 этнических групп. Самый крупный по численности народ Украины – *украинцы* (согласно последней переписи населения, составляют 77,82 %). Второй по численности народ – *русские* (17,28 %). Сравнительно большими этническими группами населения Украины являются: *белорусы* (0,57 %), *молдаване* (0,54 %), *крымские татары* (0,42 %), *болгары* (0,51 %), *венгры* (0,32%), *румыны*, *поляки* [Венгрия предупредила ...]. Однако по исследованиям Киевского международного института социологии структура украинского общества существенно отличается от её изображения в официальной статистике. Так, этническую структуру Украины во время переписи 2001 года составляли приблизительно 60–62 % моноэтнических украинцев, 23–25 % биетнических русско-украинцев, 90 % моноэтнических русских и около 5 % людей из других этнических групп. Около 10 тыс. *русинов* (по переписи 2001 г.) Закарпатской области подавляющим большинством украинского общества, в том числе его закарпатской части, осознаются как этнографическая или субэтническая группа украинского этноса. Вдвое больше, чем русинов на Украине

оказалось представителей иной этнографической группы – *гуцулов* (преимущественно в Ивано-Франковской области). *Русские на Украине* представляют самую большую русскую общину за пределами Российской Федерации и, таким образом, являются крупнейшим национальным меньшинством среди всех государств Европы. Русские после украинцев составляют наиболее многочисленную этническую группу населения Украины, более трёх четвертей всех национальных меньшинств на территории Украины. Лингвистическая характеристика населения Украины не менее разнообразна. Данные большинства опросов существенно расходятся с официальной статистикой. Согласно данным опроса, проведённого в 2004 г. Киевским международным институтом социологии (КМИС), русский язык использует дома 43–46 % населения Украины (то есть меньше, чем украинский язык). По данным опроса КМИС, в первую очередь используют для общения русский язык большая часть населения южных и восточных регионов. Так, в Крыму его использовали 97 % всего населения, в Днепропетровской области – 72 %, Донецкой – 93 %, Запорожской – 81 %, Луганской – 89 %, Николаевской – 66 %, Одесской – 85 %, Харьковской – 74 %.

По данным фонда «Общественное мнение» (2002), в областных центрах Украины 75 % населения предпочитает общаться на русском

языке (и только 9 % – на украинском), сплошные ареалы русского языка в сельской местности существуют в Крыму, на Донбассе, Слобожанщине (Харьковская область), на юге Одесской и Запорожской областей, островные русские говоры имеются в центральных областях и на Буковине. Кроме этого, по данным опроса, проведённого компанией *Research & Branding Group*, 68 % граждан Украины свободно владеют русским языком (украинским – 57 %). Наибольшее распространение русский язык получил в восточных и южных регионах, где он является более привычным, чем украинский, для 92 % граждан.

По данным всеукраинской переписи населения 2001 года, 85,2 % всего населения Украины назвали родным язык своей национальности (в 1979 – 88,5 %). Это данные единственной переписи на Украине. Перепись населения, назначенная на 2016 г. была отменена из-за сложной социально-политической обстановки в стране. Большинство населения республики – 32,6 млн чел. – по данным переписи назвало родным языком украинский (67,5 %), а 14,3 млн чел. – русский (29,6 %) и 1,2 млн чел. – иной язык (2,4 %). Доля украинцев, назвавших родным языком язык своей национальности, составляет 85,2 % (в 1979 – 93,5 %), а доля русских, назвавших родным языком язык своей национальности, превышает 95,9 %. Помимо этого, среди тех,

для кого родной язык не русский, свободно владеют (кроме родного) также русским языком 17,2 млн чел. или 35,6 %, а среди тех, для кого родной язык не украинский, свободно владеют (кроме родного) также украинским – 5,4 млн чел. или 11,2 % [Всеукраинская перепись населения ...].

Украинский язык более распространён в центральной части, на севере и на западе страны, русский – на юге и востоке. В крупных городах востока и юга Украины, и, кроме этого, в Киеве заметно преобладание русского языка в ежедневном общении, несмотря на значительную долю населения, указавшего украинский как родной язык. На Украине, особенно в этнически смешанных районах (Закарпатье, Донбасс, юго-западные районы Одесской области, западные районы Львовской области и др.), распространены явления билингвизма (двухязычия) и полилингвизма (многоязычия).

Согласно мнению авторитетных ученых, языковая политика – часть общей политики государства, которое принимает основные принципы политики в отношении языков, функционирующих на его территории. А языковое планирование – часть более общего понятия «языковая политика», или, точнее, – реализация языковой политики [Вахтин, 2004, с. 163]. Определение **языкового планирования** впервые было дано норвежским лингвистом Эйнармом Хаугеном в ходе его дея-

тельности по языковому планированию в Норвегии в 1959 г. Под языковым планированием он понимал любое воздействие на язык, осуществляемое со стороны официальных организаций или частных лиц, имеющее официальный или неофициальный характер [Haugen]. Языковая политика составляет важнейший компонент национальной политики в многонациональных государствах и благодаря этому становится системообразующим фактором, определяющим конституирование государства, а, следовательно, и государственной власти. Отсюда обратное воздействие языковой политики на государство. Поэтому любые действия, связанные с нормированием языка/языков, оказывают непосредственное влияние прежде всего на внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Перекосы в реализации языковой политики могут привести к языковому конфликту. Обострение языковых разногласий происходит в основном в странах, где языки имеют разные социальные статусы и неравные общественные функции. Языковая политика современной Украины отличается высокой степенью отстраненности от реальной языковой ситуации. Противоречивый характер языковой политики является результатом ожесточенной внутривнутриполитической борьбы. Языковой вопрос часто использовался в качестве инструмента политической борьбы. Язык повседневного общения также имеет большое влияние

на электоральное поведение граждан. Вместе с тем, органы государственной власти Украины вместо стабилизации ситуации в этой сфере принимают такие радикальные решения националистического толка, которые еще больше раскалывают общество по этноязыковому признаку. В отличие от многих европейских стран, история формирования этнической структуры населения которых определялась тенденциями моноэтнического характера, в Украине сложилась традиция определять ее как политэтническую или многонациональную страну [Власенко]. Именно эта многонациональность стала главным фактором вначале просто тлеющего, а затем уже и ярко разгоревшегося языкового конфликта в независимой Украине.

Результаты большинства социологических опросов свидетельствуют, что Украина является, фактически двуязычным государством. Так, например, в публикациях Института социологии Национальной Академии наук Украины (далее ИА НАНУ) за 2005 год отмечено, что 3/5 населения декларируют украинский язык родным, 1/3 – русский. Языком общения в семье респонденты называют украинский (42 %) и русский (36 %). Часть респондентов отметили, что их повседневное общение является двуязычным (21 %). По данным ИС НАНУ (2005), за предоставление русскому языку статуса официального выступали:

– «78 % опрошенных на востоке Украины и 71 % в южных регионах;

– 86 % русских и 40 % украинцев;

– 81 % граждан, считающих родным языком русский, и 31 % украинских граждан, которые назвали родным языком украинский» [Паніна, 2005, с. 70].

Уже в 1989 г. языковой вопрос с успехом эксплуатировался кандидатами в Верховный Совет СССР от национальных республик. Именно тогда народным депутатом Советского Союза стал один из наиболее последовательных защитников снижения статуса русского языка, украинский писатель Владимир Яворивский. Тогда же вопрос языка был горячо поддержан не только Народным Рухом за перестройку, но и депутатами Верховной Рады УССР, которые приняли как на то время достаточно прогрессивный закон о языках. Поддержка украинского языка на республиканском уровне стала первым шагом к выходу Украины из Советского Союза. Эксплуатация именно языковой тематики позволила консолидировать электорат оппозиции на западе и в центре Украины и получить почти 120 мест в Верховной Раде первого созыва на выборах в 1990 году [Уколов]. В дальнейшем тактика использования языкового вопроса была реализована на всех украинских выборах. На парламентских выборах 1998 года тема статуса русского языка вновь использовалась в политической борь-

бе. Если в начале 1997 года только Коммунистическая партия Украины и Прогрессивная социалистическая партия Украины требовали повысить статус русского языка, то в конце года это требование поместили в свои программы ещё 6 партий и блоков.

Причина сложности реализации языковой политики кроется в намеренном использовании языковых и этноконфессиональных противоречий политическими силами, ведущими борьбу за власть. Анализ ключевых нормативно-правовых актов демонстрирует наличие прочной законодательной базы, необходимой для осуществления языковой политики. В статье 10 Конституции Украины записано: «Государственным языком Украины является украинский. Государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины. В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского языка, других языков национальных меньшинств. Государство способствует изучению языков международного общения. Использование языков в Украине гарантируется Конституцией Украины и определяется законом» [Конституция Украины, с. 4]. В разные годы были приняты постановления Кабинета министров Украины (1997 г. «Комплексные меры по обеспечению всестороннего развития и функционирования

украинского языка»; 2003 г. «Государственная программа развития и функционирования украинского языка на 2004-2010 гг.»), целью которых являлось развитие, поддержка и защита государственного языка. Неоднократно языковой вопрос выносился на парламентские слушания в Верховной Раде, отдельные попытки укрепления государственной языковой политики определялись Указами Президента (Указ № 625/2006 от 18.06.2006; Указ № 161/2010 от 15 февраля 2010).

Все Президенты Украины обращались с призывами к русскоязычному населению Украины с обещаниями сохранить их национально-языковую идентичность и равные права. Первым такие обещания в 1990 г. давал Л. М. Кравчук. В агитационных листовках он обещал сделать все от него зависящее, для полного удовлетворения политических, экономических, социальных и духовных запросов русского населения, для государственной защиты его законных интересов. Не допустить насильственной украинизации русских [«К русским соотечественникам» ...]. Справедливости ради отметим, что только пятый Президент Украины П. А. Порошенко перед своими выборами на второй строк во главу угла своей избирательной кампании поставил лозунг «Мова, Віра, Армія» («Язык, Вера, Армия»), предполагая поддержку исключительно украинорусскоязычного электората.

Оппонент Кравчука на досрочных выборах Президента в 1994 г. Л. Д. Кучма опирался на уже несколько изменившуюся философию – защиту русскоязычного населения от начавшихся в 1989 году националистических проявлений. Руководитель избирательного штаба В. Гринев выбирает тактику разделения электората на «свой» и «чужой», оппонировав классическому приверженцу настроений Западной Украины Леониду Кравчуку, который на русском говорил с ощутимым акцентом и время от времени заигрывал с Народным Рухом («Народный Рух України» (рус. «Народное Движение Украины») – политическая партия современной Украины, созданная как общественное движение в 1989 году). В 1994 3/4 русскоязычных избирателей отдали голоса за Л. Кучму, который единственный из кандидатов на президентских выборах выступал за придание русскому языку статуса второго государственного. Получив 11 июля 1994 г. свой президентский мандат, Л. Д. Кучма не выполнил свое обещание о придании статуса второму государственному русскому языку.

Следующий ренессанс языкового вопроса припадает опять на выборы президента 1999 г. Однако на этот раз языковой вопрос поднимают сразу три кандидата: Леонид Кучма, Наталия Витренко и Петр Симоненко. Леонид Кучма победил во втором туре выборов с 56,25 % голосов избирателей. В период сво-

его первого президентского срока он подробно останавливается на вопросе о двуязычии на Украине, приводя аргументы о несвоевременности придания русскому языку статуса официального.

Языковой вопрос вновь становится фактором политической борьбы в 2004–2006 гг. На этот раз, на кроме уже баллотировавшихся ранее А. Мороза и Н. Витренко, к кандидатам в президенты добавились Виктор Медведчук, Виктор Ющенко, Виктор Янукович. Все они старались использовать русскоязычный электорат в своих целях. 18 октября 2004 г. стало известно, что кандидат в президенты Виктор Ющенко намерен подписать проект указа «О защите прав граждан на использование русского языка и языков других национальностей Украины», которым обяжет чиновников общаться с гражданами на родном для них языке. Указ должен был увидеть свет ещё в феврале 2005 года, однако этого так и не произошло, а уже в апреле 2005 года Ющенко заявил, что никогда подобного проекта указа не подписывал [Ющенко гарантирует права ...].

Парламентские выборы 2006 г. также не обошлись без эксплуатации вопроса о статусе русского языка. За придание русскому языку статуса государственного выступали партии, добившиеся наибольшего успеха в восточных и южных регионах Украины: центристская Партия регионов (лидер партии – В. Янукович) и партии левой

ориентации – коммунистическая (П. Симоненко) прогрессивно-социалистическая (Н. Витренко). Против повышения статуса русского языка выступали политические силы, победившие в западных и центральных регионах, – прежде всего силы национально-демократического спектра, в том числе крупнейшие из них – Блок Юлии Тимошенко и «Наша Украина» (В. Ющенко), а также левоцентристская Социалистическая партия Украины.

Наиболее сложные события, связанные с языковым вопросом, произошли в период президентства Виктора Януковича (2010–2014 гг.). В начале избирательной кампании В. Янукович сделал заявление, что в случае победы не будет предоставлять русскому языку статус государственного. Некоторые аналитики оценили это как негативный фактор для этого кандидата в претенденты. «... Размытие одного из главных идеологических меседжей Януковича может дорого ему стоить», – заявил политолог, президент Аналитического центра «Открытая политика» Игорь Жданов [Заявление Януковича ...]. Между тем, предвыборная программа В. Януковича предусматривала предоставление русскому языку статуса государственного. Во время торжеств по случаю годовщины со дня рождения поэта Тараса Шевченко в Каневе, кандидат в Президенты заявил, что украинский язык будет единственным государственным

языком страны [Янукович отрекся ...]. При этом пункты о придании русскому языку статуса государственного содержались в программе Виктора Януковича и Партии регионов на выборах в 2004, 2006, и 2007 гг. [Янукович опять ...].

Другие кандидаты на президентский пост также использовали языковой вопрос в своей предвыборной кампании. 20 августа 2009 г. во время пребывания во Львове Юлия Тимошенко высказала убеждение, что в Украине может быть лишь один государственный язык – украинский [Янукович опять ...].

Давление со стороны оппозиции, тенденции к восстановлению языковых прав представителей этнических меньшинств все же заставили В. Януковича подписать новый языковой закон после его вступления в должность Президента Украины. Не стоит забывать, что подписание такого закона ждали не только русскоязычные граждане Украины, но и представители других меньшинств. Поэтому в законе не должна была идти речь только о русском как о языке, на котором говорят представители разных этносов. В сентябре 2010 г. в Верховную Раду был представлен проект нового закона о языках, расширяющий функции русского языка. Венецианская комиссия одобрила проект в марте 2011 г., после чего депутаты от Партии регионов В. Кивалов и В. Колесниченко разработали новый проект закона «Об основах государственной язы-

ковой политики», также получивший положительный отзыв Венецианской комиссии, но при этом не одобренный парламентским комитетом по культуре.

В 2012 г. Верховной Радой Украины по инициативе депутатов от Партии регионов был принят Закон «Об основах государственной языковой политики». Действие закона носило обязательный общенациональный характер и основывалось на результатах данного вопроса о родном языке, который задавался в ходе переписи населения Украины при условии достижения языком планки в 10%. Закон предусматривал, что при таком количестве носителей язык может становиться региональным на соответствующей территории. Это позволяло бы 17 языкам стать региональными в той или иной местности. В Законе были предусмотрены разные уровни придания языку регионального статуса: область, район, село, город. При этом за украинским сохранялся статус единственного государственного языка. Отметим, что подобное предусмотрено Европейской Хартией региональных и минориарных языков (язык становится региональным при наличии 2–10% носителей данного языка). Несмотря на достаточную взвешенность и перспективность для дальнейшего снятия языковой напряженности в стране, принятие закона сопровождалось протестами в Верховной Раде. В срыве принятия Закона Кивалова-

Колесниченко была заинтересована тогдашняя оппозиция, которая уже через два года, после свержения В. Януковича, становится властью.

23 февраля 2014 г. Верховная Рада проголосовала за отмену этого закона, что вызвало негодование органов местного самоуправления в регионах, воспользовавшихся возможностями, которые предоставлял отмененный, но не вступивший в силу закон. 3 марта 2014 г. и.о. Президента Украины Александр Турчинов заявил, что не подпишет решение парламента об отмене Закона о языковой политике до тех пор, пока Верховная Рада не примет новый. Таким образом, длительное время данный Закон фактически являлся действующим. И эта неопределенность стала еще одним фактором радикализации государственной языковой политики на Украине [Медведев, 2018]. Только 28 февраля 2018 г. этот закон был признан неконституционным, при этом Конституционный суд Украины (КСУ) оценивал не сам закон, а метод его принятия. Здесь и сыграло на руку активное противодействие принятию закона оппозиции во главе с Андреем Парубием (на момент отмены действия закона, А. Парубий уже был спикером Верховной Рады, что также может свидетельствовать о давлении на КСУ). Судьи установили, что имели место ряд нарушений при его принятии [Языковой закон ...].

Придя к власти в 2014 г., Пётр Порошенко в интервью француз-

ской газете «Фигаро» заявил, что принятое Верховной Радой решение лишить русский язык статуса регионального было ошибкой и что «в ходе моей предвыборной кампании я неоднократно подчёркивал, что никогда подобный закон не получит моего одобрения» [Порошенко: решение ...]. Тем не менее, все законодательные инициативы в языковой сфере, принятые в ходе президентства Порошенко, были направлены на вытеснение русского языка. В сентябре 2017 г. П. Порошенко подписал новый Закон об образовании. Значительная часть этого закона регламентирует использование государственного языка и языков меньшинств в учебном процессе. Некоторые положения закона вызвали критику как внутри страны, так и за рубежом. Так, данный закон фактически вводит запрет на обучение в школах и вузах на любом языке, кроме государственного – украинского. Переход на полное обучение на украинском языке должен завершиться до 1 сентября 2020 г. [Закон України ...]. Протест против принятия закона выразили министр иностранных дел Венгрии, министр по делам венгров за рубежом и Национальное собрание Венгрии [Парламент Венгрии ...]. МИД Венгрии подал жалобы в ОБСЕ, ООН и Евросоюз; со стороны венгерских представителей последовали угрозы блокировать дальнейшее сближение Украины и ЕС в рамках программы Восточное партнерство, иници-

ировать пересмотр Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС и введение санкций, прозвучало утверждение о том, что Украина «может забыть о европейской интеграции» [Венгрия предупредила ...]. Критику высказали также МИД России и президент Молдавии. Парламент Румынии выразил озабоченность, а президент Румынии заявил об отмене официального визита на Украину [Президент Румынии ...]. В совместном письме озабоченность и глубокое сожаление по поводу принятия закона выразили министры иностранных дел Венгрии, Греции, Румынии, Болгарии; болгарский МИД также вызвал к себе представителя Украины для обсуждения этой темы [Bulgaria ...]. Заместитель министра иностранных дел Польши прокомментировал закон, сказав, с одной стороны, «понимаем также обеспокоенность и украинской стороны», с другой – «мы хотели бы Украину также предостеречь, чтобы эти изменения не вызвали конфликта с международными обязательствами Украины о языках национальных меньшинств». МИД Словакии высказал желание провести консультации с украинским правительством по поводу Закона об образовании [Рада приняла ...]. Министр образования Латвии, напротив, поддержала закон [Латвия поддержала ...]. Венецианская комиссия (консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы), рассмотрев

положения закона, указала на то, что он предполагает дискриминацию в отношении «языков, которые не являются официальными языками ЕС, в частности, русского языка, как наиболее широко используемого негосударственного языка» [Беляков, 2017].

Вторым противоречивым документом, реализующим украинскую языковую политику, стал Законопроект № 5670-д «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». Уходящий после разгрома на выборах Петр Порошенко заявил, что хотел бы подписать скандальный документ. Венгрия, которая, как и Россия, с самого начала активно выступала против данного акта, считает закон – нарушением прав национальных меньшинств, в том числе – венгров, проживающих в Закарпатье. Вступивший в должность Президента Украины 20 мая 2019 г. Владимир Зеленский пообещал, что внимательно изучит закон о государственном языке. По его словам, законодательство в этой чувствительной области не должно нарушать права всех без исключения граждан Украины. Из заявлений Владимира Зеленского можно сделать вывод, что он выступает за естественную, а не насильственную украинизацию общества. То есть задача государства – популяризация украинского языка, а не его навязывание [Словакия высказалась ...]. С 16 июля 2019 г. действующими стали многие нормы нового

языкового закона. Законопроект № 5670-д, который был принят Верховной Радой 25 апреля 2019 года большинством украинских парламентариев [Рада приняла ...], вызывает многочисленные споры как внутри страны, так и в тех странах, которые имеют те или иные интересы на Украине. Так, исключительно на украинском языке должна быть реклама, а также делопроизводство, надписи и афиши, обслуживание пассажиров, проведение спортивных мероприятий. Государственным языком должны пользоваться при исполнении служебных обязанностей политики, чиновники, военнослужащие, работники медицинской и образовательной сфер. Против реализации закона активнее всего выступает МИД Венгрии. Будапешт надеется, что Владимир Зеленский положит конец дискриминации нацменьшинств на Украине, а закарпатские венгры не будут чувствовать себя ущемленными. Во внешнеполитическом ведомстве отметили, что фактически «за исключением частных бесед и религиозных служб закон делает обязательным использование украинского языка», а неграмотное употребление государственного языка может привести к судебному разбирательству [Размолвай и властуй ...].

Уже с 1 сентября 2020 г. все школы начали обучение только на украинском языке. Критики считают такие решения дискриминационным для национальных мень-

шинств и требуют его пересмотра. Депутаты правящей коалиции предлагают отсрочить этот переход до 2023 года. В частности, за пересмотр документа высказывался спикер Верховной Рады Дмитрий Разумков. Он заявил, что Закон «Об особенностях функционирования украинского языка как государственного» необходимо пересматривать с учетом позиций всех граждан Украины [Языковой закон ...]. В начале июля 2020 года дело в отношении закона о государственном языке начал рассматривать КСУ. Группа народных депутатов, подавших заявление в КСУ, считает, что закон дискриминирует нацменьшинства по языковому признаку. При этом сразу же начались акции протеста сторонников теперь уже власти, но с другими видениями путей выхода из сложной языковой ситуации. 1 июля 2020 г. около 30 человек собрались у здания парламента с протестами против высказываний спикера Рады [Возле Рады ...]. В этот спор вступил также секретарь Совета национальной безопасности и обороны Алексей Данилов. В частности, он заявил, что только один язык может быть государственным – украинский. В отношении необходимости появления второго языка (возможно официального?) Данилов высказался за английский [Не русский ...].

Фактически, мы наблюдаем не стремление найти эффективные способы решения сложных языковых вопросов в многонациональ-

ном государстве, а лишь попытки через использование болезненных для общества противоречий достичь собственных политических целей. Такие действия политических сил и власти ведут к созданию дополнительной социальной напряженности в украинском обществе и провоцируют новые конфликты, теперь уже языковые. Если говорить про использование языкового фактора в политической мобилизации, то ситуация по мнению многих украинских исследователей, более чем парадоксальна. Ведь она одновременно отражает и стремление основных акторов вместить в ее содержание идеологию, теорию и практику разнообразных форм самоопределения и самоутверждения языковых и национальных групп, и легитимную и самопровозглашенную деятельность реальных лидеров общественных ассоциаций, движений, землячеств, конгрессов, съездов народов, общин, форумов для решения разнообразных заданий – от экономических до языковых, от культурных до политических. Но при всей своей парадоксальности «языковая карта» становится важным фактором политических технологий и существенно влияет на результаты избирательных кампаний [Мовна ситуація ..., 2008, с. 210].

В заключении отметим, что на Украине язык – не только язык. Это символ не только национальной идентичности, сколько знак принадлежности к определенной политической и общественной идее. Украинская публичная политика в значительной степени политика идентичностей. И тот, кто будет играть по ее правилам, сможет получить определенный успех. Однако, ни один принятый закон или подзаконный акт так и не снял напряжения в языковой ситуации. Напротив, действия многих политиков только в период агитации и избирательной кампании гарантировали равные права как титульной нации, так и представителям национальных меньшинств. Менялся лишь их смысл: когда нужна была поддержка русскоязычного населения – обещания были направлены на него, когда нужна была поддержка носителей украинского языка – все обещания касались укрепления позиций украинского языка и ущемления языковых прав национальных меньшинств. От такой политики страдают только украинские избиратели, политики же получают рейтинги, а в дальнейшем и голоса на выборах. Но придя к власти, не выполняют своих обещаний, продолжая усиливать языковой конфликт в угоду уже иным политическим интересам.

Библиографический список

1. Беляков И. Венецианская комиссия рекомендовала Киеву исправить закон «Об образовании» // Российская газета: сайт. 2017. 8 дек. URL:

Языковая политика как фактор современного украинского внутривнутриполитического противостояния

<https://rg.ru/2017/12/08/venecijskaia-komissii-rekomendovala-kievu-ispravit-zakon-ob-obrazovanii.html>. (Дата обращения: 06.08.2020).

2. Вахтин Н. Б. Социоллингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. Москва : Гуманитарная академия, 2004. 388 с.

3. Венгрия предупредила Украину о возможных санкциях из-за закона об образовании. Новое время: сайт 2017. 11 окт. URL: <https://nv.ua/ukraine/politics/vengrija-predupredila-ukrainu-o-vozmozhnyh-sanktsijah-za-zakona-ob-obrazovanii-2006068.html>. (Дата обращения: 05.08.2020).

4. Власенко Д. Конституційно-правове регулювання мовних відносин в Україні. Права людини в Україні // Інформацій портал Харківської правозахисної групи: сайт. URL: <http://khpg.org>. (Дата обращения: 03.08.2020).

5. Всеукраинская перепись населения. Государственный комитет статистики: официальный сайт. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>. (Дата обращения: 04.08.2020).

6. Возле Рады прошла акция против пересмотра языкового закона. // Lb.ua: сайт. 2020. 1 июл. URL: https://lb.ua/society/2020/06/01/458842_vozle_radi_proshla_aksiya_protiv.html. (Дата обращения: 04.08.2020).

7. Закон Украины про освіту. Верховна Рада України: официальный сайт. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19#Text>. (Дата обращения: 05.08.2020).

8. Заявления Януковича относительно русского языка может привести к потере симпатий избирателей на востоке, юге и в Крыму – политологи. // Интерфакс Украина: сайт. 2009. 11 дек. URL: <https://interfax.com.ua/news/press-conference/27507.html>. (Дата обращения: 03.08.2020).

9. Кетцян Г. В. Этноязыковая политика как институциональный фактор развития межнациональных отношений на постсоветском пространстве (на примере России, Армении и Украины) : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Кетцян Григор Ваникович. Москва, 2011. 24 с.

10. Конституция Украины. Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР Украины), 1996, № 30.

11. «К русским соотечественникам» – как в 1991-м проходила агитация за независимость Украины? // Gazeta.ua: сайт. 2013. 16 июл. URL: https://gazeta.ua/ru/articles/history/_k-russkim-sootechestvennikam-kak-v-1991m-prohodila-agitaciya-za-nezavisimost-ukrainy/507113. (Дата обращения: 03.08.2020).

12. Латвия поддержала украинский закон об образовании // Корреспондент: сайт. 2017. 30 сент. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/3891570-latvija-podderzhala-ukraynskyi-zakon-ob-obrazovanuu>. (Дата обращения: 05.08.2020).

13. Медведев Н. П. Языковая политика Украины как фактор этнополитической дестабилизации: научно-практический журнал / Н. П. Медведев,

Л. Н. Краснов // Проблемы постсоветского пространства. 2018. № 5 (2). С. 161–169.

14. Мовна ситуація в Україні: між конфліктом і консенсусом. Київ: ПІЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2008. 398 с.

15. Не русский, а английский: В СНБО сказали, какой язык должен быть вторым государственным в Украине // 112.ua: сайт. 2020. 6 июл. URL: <https://112.ua/obshchestvo/russkiy-ne-mozhet-byt-vtorym-gosudarstvennym-yazykom-v-ukraine-sekretar-snbo-danilov-541910.html>. (Дата обращения: 06.08.2020).

16. Парламент Венгрии единогласно осудил украинский закон об образовании // Интерфакс-Украина: сайт. 2017. 19 сент. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/449715.html>. (Дата обращения: 05.08.2020).

17. Паніна Н. Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг. Київ: ТОВ «Видавництво Софія», 2005. 160 с.

18. Порошенко: решение Рады о лишении русского языка статуса регионального было ошибкой // ТАСС: сайт. 2014. 28 июн. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1285750>. (Дата обращения: 04.08.2020).

19. Президент Румынии отменил визит на Украину из-за нового закона об образовании // Deutsche Welle: сайт. 2017. 22 окт. URL: <https://www.dw.com/ru/a-40638711>. (Дата обращения: 05.08.2020).

20. Рада приняла закон об украинском языке // LB.UA: сайт. URL: https://lb.ua/news/2019/04/25/425488_rada_prinyala_zakon_ukrainskom.html. (Дата обращения: 06.08.2020).

21. Размовляй и властвуй: Венгрия потребует от Зеленского защитить языки // Известия: сайт. 2019. 17 май. URL: <https://iz.ru/878476/aleksei-zabrodin/razmovliai-i-vlastvui-vengriia-potrebuuet-ot-zelenskogo-zashchitit-iazyki>. (Дата обращения: 01.06.2020)

22. Словакия высказалась по поводу нового закона об образовании // 2000.UA: сайт. 2017. 27 сент. URL: https://www.2000.ua/novosti/mir_novosti/slovakija-vyskazalas-po-povodu-novogo-zakona-ob-obrazovanii.htm. (Дата обращения: 05.08.2020).

23. Уколов В. Русский язык и украинская электоральная мифология // Українська правда: сайт. 2006. 29 май URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2006/05/26/4400043/>. (Дата обращения: 03.08.2020).

24. Ющенко гарантирует права русского языка и языков и языков других национальностей. Проект Указа // Пресс-служба Виктора Ющенко: сайт. 2004.18.окт. URL: <http://www.yuschenko.com.ua/rus/Future/decrees/1318/>. (Дата обращения: 03.08.2020).

25. Языковой закон должен учитывать позиции всех, – Разумков // INTERFAX: сайт. 2020. 1 июн. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/666094.html>. (Дата обращения: 03.08.2020).

26. Языковой закон Кивалова-Колесниченко признан неконституционным. Lb.ua: сайт. 2018. 28 февр. URL: https://lb.ua/news/2018/02/28/391408_yazikovoy_zakon.html. (Дата обращения: 04.08.2020).

27. Янукович отрёкся от обещания сделать русский язык государственным // Delo: сайт. 2010. 09 март. URL: <https://delo.ua/economuandpoliticcsinukraine/janukovich-otkazalsja-ot-russk-138255>. (Дата обращения: 03.08.2020).

28. Янукович опять обещает русифицировать Украину // Delo: сайт. 2009. 02 сент. URL: <https://delo.ua/economuandpoliticcsinukraine/janukovich-snova-obecshaet-rus-129418/>. (Дата обращения: 03.08.2020).

29. Bulgaria, Greece, Hungary and Romania Urge Ukraine not to Introduce Restrictions on Mother-Tongue Study //Bulgarian News Agency: сайт. 2017. 14 сент. URL: <http://www.bta.bg/en/c/DF/id/1652006>. (Дата обращения: 05.08.2020).

30. Haugen E. Language Conflict and Language Planning. Harvard University Press, 1959. 393 P.

Reference list

1. Beljakov I. Venecijskaja komissija rekomendovala Kievu ispraviti' zakon «Ob obrazovanii» = Venice Commission recommends Kiev to amend the law "On Education"// Rossijskaja gazeta: sajt. 2017. 8 dek. URL: <https://rg.ru/2017/12/08/venecijskaia-komissii-rekomendovala-kievu-ispraviti-zakon-ob-obrazovanii.html>. (Дата obrashhenija: 06.08.2020).

2. Vahtin N. B. Sociolingvistika i sociologija jazyka = Sociolinguistics and sociology of the language / N. B. Vahtin, E. V. Golovko. Moskva : Gumanitarnaja akademija, 2004. 388 s.

3. Vengrija predupredila Ukrainu o vozmozhnyh sankcijah iz-za zakona ob obrazovanii. Novoe vremja = Hungary warned Ukraine of possible sanctions due to the education law. New time sajt 2017. 11 okt. URL: <https://nv.ua/ukraine/politics/vengrija-predupredila-ukrainu-o-vozmozhnyh-sanktsijah-za-zakona-ob-obrazovanii-2006068.html>. (Дата obrashhenija: 05.08.2020).

4. Vlasenko D. Konstitucijno-pravove reguljuvannja movnih vidnosin v Ukraїni. Prava ljudini v Ukraїni // Informacij portal Harkivs'koї pravozahistnoї grupi: sajt. URL: <http://khp.org>. (Дата obrashhenija: 03.08.2020).

5. Vseukrainskaja perepis' naselenija. Gosudarstvennyj komitet statistiki = All-Ukrainian population census. State Statistics Committee oficial'nyj sajt. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results_general/nationality/. (Дата obrashhenija: 04.08.2020).

6. Vozle Rady proshla akcija protiv peresmotra jazykovogo zakona = Near the Rada there was an action against the revision of the language law // Lb.ua: sajt. 2020. 1 ijul. URL: <https://lb.ua/society/2020/06/01/458842>

_vozle_radi_proshla_aktsiya_protiv.html. (Data obrashhenija: 04.08.2020).

7. Zakon Ukraïni pro osvitu. Verhovna Rada Ukraïni: oficial'nyj sajt. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19#Text>. (Data obrashhenija: 05.08.2020).

8. Zajavlenija Janukovicha odnositel'no russkogo jazyka mozhet prive-sti k potere simpatij izbiratelej na vostoce, juge i v Krymu – politologi = Yanukovyh's statements regarding the Russian language may lead to a loss of voter sympathy in the East, South and the Crimea - political scientists // Interfaks Ukraina: sajt. 2009. 11 dek. URL: <https://interfax.com.ua/news/press-conference/27507.html>. (Data obrashhenija: 03.08.2020).

9. Ketcjan G. V. Jetnojazykovaja politika kak institucional'nyj faktor razvitija mezhnacional'nyh odnosenij na postcovetskom prostranstve (na primere Rossii, Armenii i Ukrainy) = Ethno-linguistic policy as an institutional factor in the development of interethnic relations in the post-Soviet space (using the example of Russia, Armenia and Ukraine) : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk / Ketcjan Grigor Vanikovich. Moskva, 2011. 24 s.

10. Konstitucija Ukrainy. Vedomosti Verhovnoj Rady Ukrainy (VVR Ukrainy) = Constitution of Ukraine. Statements of the Verkhovna Rada of Ukraine (VBR of Ukraine), 1996, № 30.

11. «K russkim sootechestvennikam» – kak v 1991-m prohodila agi-tacija za nezavisimost' Ukrainy? = "To Russian compatriots" – how was the agitation for the independence of Ukraine arranged in 1991? // Gazeta.ua: sajt. 2013. 16 ijul. URL: https://gazeta.ua/ru/articles/history/_k-russkim-sootechestvennikam-kak-v-1991m-prohodila-agitaciya-za-nezavisimost-ukrainy/507113. (Data obrashhenija: 03.08.2020).

12. Latvija podderzhala ukrajinskij zakon ob obrazovanii = Latvia supports Ukrainian education law // Korrespondent: sajt. 2017. 30 sent. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/3891570-latvyia-podderzhala-ukrajnskyi-zakon-ob-obrazovanyy>. (Data obrashhenija: 05.08.2020).

13. Medvedev N. P. Jazykovaja politika Ukrainy kak faktor jetnopoliticheskoj destabilizacii = Language policy of Ukraine as a factor of ethnopolitical destabilization: nauchno-prakticheskij zhurnal / N. P. Medvedev, L. N. Krasnov // Problemy postsovestskogo prostranstva. 2018. № 5 (2). S. 161–169.

14. Movna situacija v Ukraïni: mizh konfliktom i konsensusom. Kiïv : IPiEND imeni I. F. Kurasa NAN Ukraïni, 2008. 398 s.

15. Ne russkij, a anglijskij: V SNBO skazali, kakoj jazyk dolzhen byt' vtorym gosudarstvennym v Ukraine = Not Russian, but English: The NSDC said what language should be the second state language in Ukraine //112.ua: sajt. 2020. 6 ijul. URL: <https://112.ua/obshchestvo/russkiy-ne-mozhet-byt-vtorym-gosudarstvennym-yazykom-v-ukraine-sekretar-snbo-danilov-541910.html>. (Data obrashhenija: 06.08.2020).

16. Parlament Vengrii edinoglasno osudil ukraïnskij zakon ob obrazovanii = Hungarian parliament unanimously condemned Ukrainian education law // Interfaks-Ukraina: sajt. 2017. 19 sent. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/449715.html>. (Data obrashhenija: 05.08.2020).

17. Panina N. Ukraïn'ske suspil'stvo 1994–2005: sociologichnij monitoring. Kiïv: TOV «Vidavnictvo Sofija», 2005. 160 s.

18. Poroshenko: reshenie Rady o lishenii russkogo jazyka statusa regional'nogo bylo oshibkoj = Poroshenko: the decision of the Rada to deprive the Russian language of regional status was a mistake // TASS: sajt. 2014. 28 ijun. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1285750>. (Data obrashhenija: 04.08.2020).

19. Prezident Rumynii otmenil vizit na Ukrainu iz-za novogo za-kona ob obrazovanii = Romanian President cancels visit to Ukraine due to new education law // Deutsche Welle: sajt. 2017. 22 okt. URL: <https://www.dw.com/ru/a-40638711>. (Data obrashhenija: 05.08.2020).

20. Rada prinjala zakon ob ukraïnskom jazyke = Rada adopted a law on the Ukrainian language // LB.UA: sajt. URL: https://lb.ua/news/2019/04/25/425488_rada_prinyala_zakon_ukraïnskom.html. (Data obrashhenija: 06.08.2020).

21. Razmovljaj i vlastvuj: Vengrija potrebuët ot Zelenskogo zashhitit' jazyki = Blur and rule: Hungary will require Zelensky to protect languages // Izvestija: sajt. 2019. 17.maj URL: <https://iz.ru/878476/aleksei-zabrodin/razmovliai-i-vlastvui-vengriia-potrebuët-ot-zelenskogo-zashchitit-iazyki>. (Data obrashhenija: 01.06.2020)

22. Slovakija vyskazalas' po povodu novogo zakona ob obrazovanii = Slovakia commented on the new education law // 2000.UA: sajt. 2017. 27 sent. URL: https://www.2000.ua/novosti/mir_novosti/slovakija-vyskazalas-povodu-novogo-zakona-ob-obrazovanii.htm. (Data obrashhenija: 05.08.2020)

23. Ukolov V. Russkij jazyk i ukraïnskaja jelektoral'naja mifologija = Russian language and Ukrainian electoral mythology // Ukraïns'ka pravda: sajt. 2006. 29 maj URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2006/05/26/4400043/>. (Data obrashhenija: 03.08.2020).

24. Jushhenko garantiruet prava russkogo jazyka i jazykov i jazykov drugih nacional'nostej = Yushchenko guarantees the rights of the Russian language and languages of other nationalities Proekt Ukaza // Press-sluzhba Viktora Jushhenko: sajt. 2004.18.okt. URL: <http://www.yuschenko.com.ua/rus/Future/decrees/1318/>. (Data obrashhenija: 03.08.2020).

25. Jazykovej zakon dolzhen uchityvat' pozicii vseh, – Razumkov = Language law should take into account the positions of everyone, - Razumkov // INTERFAX: sajt. 2020. 1 ijun. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/666094.html>. (Data obrashhenija: 03.08.2020).

26. Jazykovej zakon Kivalova-Kolesnichenko priznan nekonstitucionnym = Kivalov-Kolesnichenko language law declared unconstitutional Lb.ua: sajt. 2018. 28 fevr. URL: https://lb.ua/news/2018/02/28/391408_yazikovoy_zakon.html. (Data obrashhenija: 04.08.2020).

27. Janukovich otreksja ot obeshhanija sdelat' russkij jazyk gosudarstvennym = Yanukovich reneged on the promise to make Russian the state language // Delo: sajt. 2010. 09 mart. URL: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/janukovich-otkazalsja-ot-russk-138255>. (Data obrashhenija: 03.08.2020).

28. Janukovich opjat' obeshhaet rusificirovat' Ukrainu = Yanukovich again promises to Russify Ukraine // Delo: sajt. 2009. 02 sent. URL: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/janukovich-snova-obecshaet-rus-129418/>. (Data obrashhenija: 03.08.2020).

29. Bulgaria, Greece, Hungary and Romania Urge Ukraine not to Introduce Restrictions on Mother-Tongue Study //Bulgarian News Agency: sajt. 2017. 14 sent. URL: <http://www.bta.bg/en/c/DF/id/1652006>. (Data obrashhenija: 5.08.2020).

30. Haugen E. Language Conflict and Language Planning. Harvard University Press, 1959. 393 P.

УДК 821.161.1

Е. М. Лепишева

<https://orcid.org/0000-0003-3779-7394>

Terra incognita белорусской литературы

Для цитирования: Лепишева Е. М. Terra incognita белорусской литературы // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 55–73. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-56-73

В центре внимания статьи – идейно-эстетический потенциал белорусской литературы, остающейся не достаточно известной для читателя не только зарубежного (в частности, российского), но и отечественного. Показано, что на протяжении ее развития, начиная с интенсивного становления на рубеже XIX–XX веков (Я. Купала, Я. Колос, М. Богдановичи др.) и заканчивая постсоветским периодом (позднее творчество писателей-«шестидесятников» В. Быкова, А. Адамовича, а также С. Алексиевич, В. Некляева и их молодых последователей О. Бахаревича, З. Вишнева, В. Мартиновича), наблюдается устойчивость проблемного поля, сконцентрированного на «маргинальном» мироощущении человека. Доминирование этой проблемы связывается с такими историческими, социокультурными факторами, предопределившими особенность белорусского пространства как неустойчивая национальная самоидентичность, геополитическое положение на пересечении поликультурных влияний (России и Европы). На примере двух произведений: «антиромана» Змитра Вишнёва «Если присмотреться – Марс синий» и романа Ольгерда Бахаревича «Собаки Европы» (последний переведен на русский язык и отмечен премией «Большая книга») – выявлена реактуализация «маргинального» мироощущения в новейшей белорусской литературе. Его актуальность и для русской литературы (от Достоевского до «другой прозы» конца XX века) углубляет представление о межлитературных взаимосвязях, обусловленных общим для ряда авторов «экзистенциальным типом художественного сознания» (В. Заманская).

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, национальная идентичность, национально-культурное возрождение, национальная ментальность, «антироман».

E. M. Lepisheva

Terra incognita of belarusian literature

The article is focused on the content and aesthetic potential of Belorussian literature, which still remains not widely known not for a foreign (including Russian) only, but native reader as well. It is shown that during its development from progressive beginning at the turn of XIX-XX centuries (Y. Kupala, Y. Kolos, M. Bogdanovich, etc.) to the post-Soviet period (late "Sixtiers" 1960s, V. Bykov, A. Adamovich, S. Alexievich, V. Neklyayev and their young followers O. Bakharevich, Z. Vishnev, V. Martinovich), problematic array still focused on "marginal" point of view is showing stability. Interest in the problem is related to following historical, sociocultural factors that predetermined the peculiarity of the Belorussian cultural space as unstable national self-identity, geopolitical location at the multicultural cross-road of two major cultural influences of Europe and Russia. By the example of two texts: "Antinovel" by Zmitr Vishnev "If you look closely – Mars is blue" and "Dogs of Europe" by Olgerd Bakharevich (the second one was translated to Russian and granted the "Grand book" award, the reactualization of the "marginal" worldview in the modern Belorussian literature was presented, which actuality for Russian literature from Dostoyevsky to "other prose" late XX, comprehends the image of Russian-Belorussian literature references, caused by "existential type of artistic consciousness" common to a number of authors (V. Zamanskaya).

Key words: russian literature, belarusian literature, national identity, national cultural revival, national mentality, "antinovel".

Термин «экзистенциальный тип художественного сознания» введен в научный оборот и детально разработан В. Заманской [Заманская, 2002, с. 14], хотя, безусловно, близость мировоззрения ряда русских писателей философии экзистенциализма отмечалась и другими учеными (Г. Белой, В. Линковым, Г. Нефагиной, А. Собенниковыми др.) [Белая, 1996; Линков, 1995; Нефагина, 1994; Собенников, 1997]. Основополагающей для данного типа стала сконцентрированность текста на ощущении тотальной неустроенности в мире. В русской литературе это проявилось в произ-

ведениях Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, А. Чехова, представителей Серебряного века, а впоследствии реактуализировалось в «другой прозе» конца XX века. Яркие примеры предлагает и новейшая белорусская литература, в которой данные настроения (закономерные для «переломных» моментов истории) предопределены изначально отягощенной национальной идентичностью, «маргинальностью» положения на перекрестке поликультурных влияний (России и Европы). Эти особенности белорусской ментальности осмыслялись отечественными историками (В. Орловым [Ор-

лов, 1993]), философами (В. Акудовичем, И. Бобковым [Акудовіч, 2007; Бабкоў, 2014]), культурологами (Э. Дубенецким, Ю. Чернявской [Дубянецкі, 1993; Чернявская, 2020]), литературоведами (Н. Блищ, А. Рагулей, И. Чаротой [Блищ, 2020; Рагуля, 2012; Чарота, 1995]).

«Смотровой площадкой» для наших наблюдений стали две книги белорусских писателей, в которых проблема национальной ментальности переведена в координаты современности, хотя прямо и не заявлена. Это «антироман» Змитра Вишнёва «Если присмотреться – Марс синий» («Калі прыгледзецца – Марс сіні») (2018) и роман Ольгерда Бахаревича «Собаки Европы» (2017) (последний из них вышел в авторском переводе на русский язык (изд. «Время», 2020) и отмечен премией «Большая книга»). Будут ли эти произведения интересны зарубежному читателю, скажем, российскому? Ответ кажется парадоксальным: новейшая белорусская литература – это terra incognita для читателя не только зарубежного, но и белорусского.

Но парадокса здесь нет. Белорусская литература – это литература сложной судьбы, с имиджем «местячковой», «малой», вытолкнутая «на обочину» логикой истории. Принято считать, что ее «запоздалое» становление пришлось на рубеж XIX–XX веков. Но в данном случае за точку отсчета берется бытование литературы в «Северо-Западном крае» Российской империи, когда отсутствовал государ-

ственный суверенитет, а положение белорусского языка было нелегитимным (в начале XIX века он сохранялся среди «сялян» и «шляхты засцянкавай»), где и возникли произведения на «местном наречии»). Если же обратиться к национальной культуре более раннего периода – времен первопечатника Франциска Скорины (в 1517 году он создал белорусский извод Библии), Велико-го Княжества Литовского (все три Статута которого были написаны на старобелорусском языке), династии Радзивиллов (меценатов XVIII века, хорошо известных в Европе), то возникает сожаление о литературе, надолго растратившей свою пассионарность и витальную мощь.

Но ведь и развивалась она в условиях ассимиляции зарубежными культурами: польской – в составе Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.), русской – в составе России, затем СССР с его политикой интернационализма и унификации. Современное существование белорусской литературы – это официальный (но не фактический) билингвизм, при котором беларуская мова остается языком меньшинства. Так, в начале 2009 г. ЮНЕСКО внесла белорусский в список языков, которым грозит исчезновение, а, согласно, официальной статистике 2011 г. 62 % белорусов не интересуется отечественной литературой, а 13 % совсем не умеют читать по-белорусски [13 процентов ...]. Это вовсе не означает, что большинство белорусов сознательно отрицают свою этническую принадлежность. Речь идет о выработанной веками

«памярковности», внешней мимики, сдержанном переживании «своего» [Бабкоў, 2014; Чернявская, 2020]. Разумеется, и о незнании истоков белорусской культуры, ее потенциала, прорывающегося в новейших текстах.

Отсюда – особая востребованность идеи национально-культурного возрождения в художественных практиках. В период интенсивного развития белорусской литературы в начале XX века (Я. Купала, Я. Колос, М. Богданович, Э. Пашкевич (Тётка) и др.) эта идея была овеяна возвышенно-романтическим флером, очарованной надеждой обрести истинную, «справедливую» Беларусь. И вместе с тем, в некоторых текстах она представляла в «модифицированном» варианте, учитывающем сложность социокультурных процессов. Так, в трагикомедии «Здешние» («Тутэйшыя») Я. Купалы, повести «Две души» («Дзвядушы») М. Горьцкого недостижимость национальной мечты осмыслялась как трагедия «внутренняя»: расколотое сознание героя-интеллекта, не находящего опору ни в «чужой» культуре, ни в опозитизированном народе, от которого он отчужден ментально. Как пишет Ю. Чернявская, в Беларуси исторически сложилась ситуация, не ведомая ни русской, ни польской культуре: «Пути народных масс и шляхетской интеллигенции настолько разошлись, что можно без преувеличения говорить не только о разных типах самоидентификации, но даже и о разных типах менталитета – полонизированного шляхетского и бе-

лорусского “крестьянского”» [Чернявская, 2020].

Позднее тема самоидентификации нашла отражение в произведениях нонконформистов-«шестидесятников» В. Быкова, А. Адамовича, затем – С. Алексиевич, В. Некляевас их подцензурной правдой о реалиях «Беларуси советской». Актуальна она и сегодня. В сегменте ангажированном – адаптируется к задачам госидеологии в произведениях исторической и патриотической тематики. В творчестве «поколения сорокалетних» (О. Бахаревиц, З. Вишневец, В. Мартинович) – переосмыляется в русле экспериментальной эстетики и нац-арта: радикальной реакции на стереотип о «неразвитой» белорусской культуре, верной наивно-романтическому мифу.

Не близка эта тема только большинству «массовых» читателей, поскольку наиболее ощутима в литературе «элитарной» с достаточно узкой белорусскоязычной аудиторией. Отчасти связь с «массами» восполняет театр. В нашумевшей в 2016 году постановке Купаловского театра по повести М. Горьцкого «Две души» (реж. Н. Пинигин) противоречия белорусской ментальности раскрыты как трагедия национальная. Важны и попытки молодых белорусских драматургов говорить о национальном кризисе на понятном рядовому зрителю художественном языке. Так в середине 2010-х возникли пьесы-вербатим «Возможно?» («Мабыць?») Д. Богославского, «Границы. Net» А. Марченко, «Игра без правил и с неизвестной целью» («Гульня без

правілаў і з невядомай мэтай») А. Андреева и др., в которых зафиксирован опыт национального самоопределения жителей современной Беларуси [Заманская, 2002]. Закономерно, что в российской «новой драме» пьесы-вербатим появились раньше, в начале 2000-х, в центре их внимания – иные аспекты кризиса идентичности (социальный, культурный и др.) [Лепишева, 2019].

Эстетическое видение «своего» пространства предлагают известные белорусские прозаики, поэты, публицисты – Ольгерд Бахаревич и Змитер Вишнёв. Оба принадлежат к поколению «сорокалетних», пришедшему в литературу в середине 1990-х. Оба были «столпами» художественного движения «Бум-Бам-Лит», возникшего в 1995 году как продолжение прерванной традиции белорусского авангарда в радикальных для того времени формах: «друкописах» (самиздатовских книгах поэзии с иллюстрациями), перформансах групп «Театр психической нестабильности» («Тэатр псіхічнае неўраўнаважанасці»), «Спецбригада африканских братьев» («Спецбрыгада афрыканскіх братоў»), акциях, игровой характер которых зачастую неадекватно воспринимался консервативной общественностью и приводил к скандалам (например, в одной из радиопередач участников перформанса «На волнах стекла» («На хвалях шкла»), показанного 10.04.1999 г. в Национальной библиотеке Беларуси, обвинили в неуважении к национальной культуре

и порнографии (артисты были в плавках) [Жыбуль, 1999] (Однако указанный в статье фрагмент в него не вошел. Он был предоставлен автору статьи самим поэтом). И главное – предлагают свои версии проблемы национальной ментальности, увиденной сквозь призму взаимоотношений героя и социума, явленного вовне мощью городских проспектов, гранитом памятников, государственной символикой.

Два романа – это два подхода (конвенциональный у Бахаревича и нарочито экспериментальный у Вишнёва) в рамках общего для писателей осознания и стоического принятия периферии социума и шире – онтологии. А еще – это авторефлексия литературы, поскольку и О. Бахаревич, и З. Вишнёв (каждый по-своему) решают вопрос: способно ли художественное слово отразить незавершенные еще социальные процессы, которые составляют наш повседневный опыт? Забегая вперед скажу, что ответ звучит не просто утвердительно, а прогностически. Романы, созданные в 2017–2018 годах, транслируют мироощущение человека в ситуации утопических преобразований и катаклизмов «конца истории» с явной проекцией на становящуюся «здесь-и-сейчас» постпандемийную, поствыборную Беларусь-2020.

**В круге первом:
«Синий роман» Змитра Вишнёва**

Реформатор и активный популяризатор белорусской литературы, руководитель частного издательства «Голиафы», Змитер Вишнёв регулярно задевал публику: обстреливал смелыми метафорами, спутывал сетью смыслов, провозглашал диктатуру творческого раскрепощения в духе постконцептуализма в поэзии (друкописы «Африканские мотивы» («Афрыканскія матывы»), «Клёкатамус» (оба – 1995)), прозе (романы «Замок, построенный из крапивы» («Замак, пабудаваны з крапівы») (2008)), живописи, публицистике («Тамбурный москит» («Тамбурны маскіт») (2001), «Верификация рождения» («Верыфікацыя нараджэння») (2005)), перформансах (группа «Спецбригада африканских братьев», 1999–2015), шокировал откровениями в соцсетях – словом, взывал, тормозил, посылал SOS. В «антиромане» «Если присмотреться – Марс синий» (2018) он махнул на публику рукой.

Презентация и первое обсуждение книги состоялись в книгарне «Логвинов» (Минск, 28.02.2018), за ними последовали дискуссия на Белорусском Коллегиуме [Обсуждение «антиромана» ...], немногочисленные рецензии (где подмечены экспериментальность авторского замысла, узкая целевая аудитория, атмосфера ностальгии [Адам, 2019; Гарбацкі, 2019; Жыбуль, 2019]).

С моей точки зрения, для адекватного прочтения «антиромана»

нужна новая исследовательская оптика, новый язык, способный описать нетривиальную жанровую модель на стыке дневниковой медитации и политического памфлета.

Произведение с указанным жанровым подзаголовком стоит особняком в белорусской литературе и на сегодняшний день аналогов не имеет. Возникновение «антиромана» связывают с западноевропейским нео(пост)авангардизмом середины XX века (А. Роб-Грийе, Ж.-П. Сартр, Н. Саррот, Ф. Кафка и др.). В русле данной тенденции З. Вишнев и создает свой интеллектуальный лабиринт, испещренный разными шрифтами, пробелами между абзацами, номерами строк, сюрреалистическими иллюстрациями. Но это лишь форма, «каркас»: по-разному оформленные нарративы, знаковые детали Минска (библиотека в форме футбольного мяча, люди в штатском, книгарня в здании бывшего завода), травестированные образы литераторов-современников, символы движения «Бум-Бам-Лит».

Собирать все это воедино предстоит читателю. Отсюда – очевидная неконвенциональность, рецептивная сложность текста, в процессе чтения которого, тем не менее, возникает чувство психологического слома, надрыва. Он предстает на страницах фатально не преодолимым, даже если «усмирить» весь хаос художественного мира: вернуть на место укатившуюся библиотеку, закрыть все бары и злачные места, найти отсеченную голо-

ву книготорговца Егора Ковалева – одного из alterego повествователя.

Но выдержит ли все это «массовый» читатель с его поверхностным мировосприятием и нежеланием читать по-белорусски? Очевидно, нет. И это хорошо известно автору, который провоцирует его раздражение не только стилизованными изысками, но и «формулами» маскультуры, вкрапленными в художественную ткань «антиромана». Здесь можно встретить почти дословные повторы эпизодов, отсылающие к бессмысленным сериалам, сюжетные ходы детектива (расследование таинственного исчезновения головы Егора Ковалева), шпионского романа (эпизоды с людьми в штатском). Автор четко называет ценностные ориентиры их любителей – «колбасу и унитаза».

Но есть ли у такого текста читатель «идеальный» – «Другой-для-меня» (М. Бахтин), в диалоге с которым обретает смысл «завуалированное» художественное высказывание, или автор создает эстетическое «я-для-себя»? Не только форма «антиромана» (с его «потокосознания», стыком сна и яви), но и содержание позволяют предположить второе. Я увидела в этом не снобизм и заведомую элитарность (иначе эксперимент подавался бы не «в лоб», а дозированно, с расчетом на аудиторию пошире), а литературную «маску», за которой – боль, кризис эгоцентричного сознания, замкнутого в кругу тавтологических взаимоотражений. Добавлю: знающего о своей замкнутости и непреодолимом раздрае.

Неслучайно хаос становится принципом организации художественной структуры. Сюжет «антиромана» невозможно пересказать: это коллаж принципиально не пересекающихся линий, каждая из которых включает как реалистическое повествование, так и условно-фантастическое. Линия первая связана с книгарней «Марс», где происходит убийство директора Егора Ковалева, обернувшееся сюрроном: помещение превращается в джунгли, сотрудники исполняют дикий танец, переговариваются по телефону со Сталиным и др. Вторая – с частной жизнью героя-повествователя, где в благопристойный семейный быт (нарушаемый, правда, попыткой людей в штатском завербовать героя) вторгаются разговоры с Головой, алкогольные вояжи по ночному городу с бессонными казино, ловушками-такси, инфернальными приятелями. Третья – с миром сказки (А. Лингрен, бр. Гримм, А. Толстой, Ю. Олеся и др.) и литературы (М. Булгаков, Набоков, А. Мицкевич, Кафка, Джойс, Маркес, Пруст и др.).

Понятно, что обитатели этого художественного универсума балансируют на тонкой грани между реальностью и вымыслом. Субъекту повествования отнюдь не отводится здесь центральное место: он дробится на многочисленные alterego, обнажая предельную раздробленность сознания / подсознания. Каков этот герой-нарратор? Он ведет двойную жизнь: обычного человека с осязаемыми социально-психологическими, явно автобиографическими, чертами (рабо-

тает директором книгарни, имеет семью, новую квартиру, соседей) и вместе с тем пребывает в «пограничном» состоянии между творческой медитацией и погружением в гипертрофированный быт (еду и алкоголь), которые воспринимаются как экзистенциальный выбор, суррогат смысла жизни в тоталитарном социуме. Более того, в «антиромане» (наряду с персонажами-фантомами, такими, как говорящий червяк или пластилиновые человечки, симулякрами Сталиным, Буковски и др.) действуют его alterego: Егор Коваль, капитан Борода, Майкл Кривой, «гротескный субъект» – Голова, ведущая диалоги с повествователей, «овнешвляя» его Другого (или Других). Реализующие их нарративы я разделила на два типа: «объективированный» (повествователь описывает внешние по отношению к нему явления: сюрр в книгарне, город etc.) и «трансгрессивный» (алогичные явления становятся частью вовлеченного в хаос сознания / подсознания), как, например, в начале II части:

«... голова не исчезла. Она осталась. Более того, она обрела...тело! Или тело обрело голову? Это было похоже не на работу хирурга, который пришивает или ампутирует, а скорее на работу ювелира. Тут мне вспомнились яйца Фаберже. <...> Даже казалось, что перед тобой не человек, а его скульптурный образ. К тому же появился важный атрибут принадлежности к власти – капитанская форма. Фуражка, китель – все как должно быть у настоящего капитана. Напротив меня сидел странный морской человек и

молчал. Эта сцена что-то мне напоминала из прошлого. Только что? Я не мог вспомнить. А может, и не хотел» [Вишнёў, 2018, с. 57] (*Перевод с белорусского мой. – Е. Л.*)

Психоделический эффект достигается и за счет релятивного времени-пространства. Оно отражает как реалии Минска – «города-призрака», «загрязненного милицейскими мигалками, кэґэбэшным шепотом, пьяным дыханием рабочих с многочисленных заводов» [Вишнёў, 2018, с. 176] (и др. знаками тоталитарного социума, поданными с помощью гротеска), где почти нет места андеграунду (подпольным барам, галереям альтернативного искусства, вызывающими у читателя ностальгию), так и маргинальность онтологическую – космос, свергнутый в хаос (планета Марс, мир Земли, который «перевернулся и пошел расщелинами» [Вишнёў, 2018, с. 233]). Их авторское видение близко концепции «дионисийского» начала мироустройства (Ф. Ницше), модифицированной в русле синергетики, для которой мир – это бифуркационно изменчивая, самоорганизующаяся система (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен). Только творится ли из хаоса космос в романе?

При чтении меня не покидало чувство, что это невозможно, несмотря на новый ракурс, предложенный в названии «Если присмотреться – Марс синий» (принято считать, что Марс красного цвета), несмотря на приметы городского андеграунда, напоминающие о творче-

ском раскрепощении 1990-х. Но сама образная система, сам стиль «антиромана» с его переходами к ритмизированной прозе, «рваными» цезурами в стихотворных строфах («*платформы форма Плафон На плато стаяў мікрафон Папкорн – корм Для кармавых быкоў*» [Вишнёў, 2018, с. 241]), различными нарративами (один из них, «трансгрессивный», не всегда поддается дешифровке), интертекстом препятствуют гармонизации художественного универсума. Создается впечатление, что автор намеренно перегружает текст неконвенциональными приемами, чтобы зафиксировать кульминацию распада сознания / подсознания героя-повествователя «здесь-и-сейчас», на глазах у читателя. Это увеличивает перформативно-рецептивный потенциал произведения, созданного, с одной стороны, с расчетом на со-творчество, с огромным доверием к читателю (лишь его внимание, «включенность» помогут «считать» авторский message), с другой – со скепсисом в отношении как его, так и собственной стратегии. Неслучайно многие страницы «антиромана» содержат следы творческой авторефлексии – попытку постичь феномен художественного мышления с приоритетом интуитивного, нерационального начала. Отсюда – образ Критикессы (персонификация автоцензора), рассуждения об отсутствии сюжета, «уничтожении читателя», «тусклых очертаниях» героев.

Какое впечатление оставляет «антироман» З. Вишнёва? В начале чтения он раздражает рецептивной

сложностью, после знакомства с «белорусским романом» В. Месяца «Искушение архангела Гройса» (2018), который завершается войной людей и диких кабанов, – вызывает недоумение в связи с чрезмерно фантазмагоричным образом Беларуси. Но в контексте социокультурных процессов 2020 года (сложной эпидемиологической обстановки, выбора политического курса Республики Беларусь) «антироман» видится востребованным и актуальным. Замкнувшись в кругу эстетического «я-для-себя», автор достиг цели – показал в напускном социальном благополучии такой внутренний разлад, такую расщепленность сознания / подсознания современного белоруса, которые могут вылиться в хаос публичных протестов, социальную нестабильность, самоощущение глобальной неукорененности в бытии.

**«Собаки Европы»
Ольгерда Бахаревича:
новый райх в головах**

Смещение реальности в условно-фантастическую плоскость явно проступает и в романе Ольгерда Бахаревича «Собаки Европы» (2017). События его первой части происходят в городе М. во «времена всеобщего помрачения». И все же роман не содержит мораль и назидание «на злобу дня». Его этос – это призыв к свободе, который воспринимается как credo, личное и творческое. Перед нами особая эстетическая оптика: взгляд из «толпы», из глубины молчаливо-

го социального отчаяния на уникальность «присутствия “я” в “мире”», явленном в калейдоскопическом разнообразии в Слове.

Призыв этот наднационален, судя по интересу к русскоязычной версии романа в России: впервые белорусский писатель становится финалистом премии «Большая книга» (2019), а зарубежный роман называют «главной прозаической книгой года» (А. Саломатин) [Ольгерд Бахаревич ... , 2019]. И это несмотря на различные отзывы, в том числе и отрицательные (за многословие, нечеткую композицию, большой объем) [Мягков, 2019]. Но главное — о белорусской литературе заговорили как о новом векторе осмысления особой грани человеческого бытия. Для меня это предельно «маргинальное» мироощущение, в целом характерное для рубежа XX–XXI веков, но усиленное неустойчивой национальной идентичностью.

Роман сконцентрирован на проблеме свободы, которая понимается широко. Это пластичность самой формы, прежде всего языка, очевидная не только в оригинальном тексте (где используются несколько инвариантов белорусского языка), но и в авторском переводе, где русский литературный язык с оттенком «добротной европейской прозы» (Е. Абдуллаев) [Слом иерархий ... , 2020, с. 253] сочетается с конлангом *бальбута*, «*трасянкой*» (русско-белорусским просторечием), *беларускай мовай*, английскими, немецкими словами, а лаконичная проза — со стихами и звукописью.

Но это и свобода национальная, проблематичная в силу ментальности белорусов — «странного народа, прозрачного, неуловимого» [Бахаревич, 2020, с. 10]. А еще — геополитическая (заявленная в названии), социальная, выстроенная на противостоянии «я — das Man» (поэтому о романе можно писать в терминологии экзистенциализма (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю), от чего сознательно отказываюсь как от несвободной интерпретации) и даже чувственная в силу мотивов эротических. Но прежде всего роман о свободе экзистенциальной, поскольку в центре художественного универсума — человек, который совершает выбор между освобождением «внутренним» (в творчестве, языке, культуре) и добровольным подчинением (тоталитарному государству, умоглядной идее, Богу). Именно поэтому Новый Райх в антиутопических частях книги стал для меня не конкретным пространством (Россией или Европой), но подсознательным согласием на несвободу, кризисом в головах.

Та же проблема раскрывается в «антиромане» З. Вишнёва, но здесь ее решение конвенционально (обращено к широкой аудитории, безусловно, «элитарной»), что не исключает «тайны»: недоговоренности, сквозящей между строк. Что это? Сверхзадача автора, намеренно запутавшего читателя? Скорее, интуитивный ход, возникший в результате особой техники письма (Бахаревич жонглирует разными языками

и стилями, использует «поток сознания», например, в эпизоде, с Верочкой в Ч. I), отказом от расстановки акцентов как от готовых ответов на поставленные вопросы.

А то, что они общие, несмотря на мнимую нестыковку линий сюжета, сомнений не вызывает. «Это роман обо всем», – иронично сказал автор [Ольгерд Бахаревич ... , 2019]. Я же уточню, что 6 его частей – это 6 историй о *свободе / несвободе* с отчетливыми точками пересечения. Так, проекция судеб Молчуна (Ч. II) и последнего белорусского поэта (Ч. VI) на скандинавскую сказку о Нильсе Хольгерсоне позволяет предположить, что это одно и то же лицо. Есть и другие «общие места»: детали «биографий» героев (например, бабка Бенигна, лечившая в детстве Каштанку (Ч. I), станет главной героиней Ч. III), пространственно-временные связи (город М.-2015 (Ч. I) – Белые Росы-2049 (Ч. II) – Лига Наций-2050 (Ч. VI), символы-лейтмотивы (книга, перо, камень etc.). Все это знаки, оставленные внимательному читателю, который может выстроить сюжет в логической последовательности, а может просто наслаждаться его хитросплетением, смысловым многообразием, принципиальными для автора. Между ними выстраивается «диалог» (М. Бахтин), невозможный без со-творчества.

Это ощутимо и в героях, которые наделены узнаваемыми социально-психологическими чертами, даже если действуют в условно-фантастическом (жители Белых Рос,

Бенигна, ТерезиусСкима) или сказочном (Нильс) пространстве. Отсюда – эффект самоидентификации, максимальная включенность читателя в ситуацию выбора свободы / несвободы каждым из них. Это даже не выбор как таковой (традиционный для литературы экзистенциальной ориентации от Достоевского, Сартра до «военной», «лагерной» прозы), а то, что обнаруживается за ним, – подсознательное согласие на несвободу. Неслучайно повествование начинает Олег Олегович – герой во многом автобиографичный, но не лишенный авторской иронии. Ее «выдает» повествование: за внешним снобизмом и оппозиционностью проступает тайное восхищение властью в эпизодах детства, допроса. Сбивчивый, местами истеричный, намеренно многословный нарратив говорит о «раздвоенности» сознания, метании между несогласием и готовностью подчиниться. Так создается психологический портрет человека из «толпы» с бременем несвободы коллективной, национальной, что делает его «внутренние» противоречия в принципе неразрешимыми. Поэтому и выход из «Эпохи Поражения» с помощью творчества – создания конланга *бальбута* – амбивалентен и может показаться панацеей лишь наивному читателю. В дальнейшем мы увидим, что воспользоваться правом на свободу смогут не все герои: одни подменят ее диктатурой «идеи» (в том числе и национальной, как Максим Кривичанин в Ч. III) и совершат преступление, другие обретут само-

идентичность, вернутся к самим себе (ТерезиусСкима в Ч. VI).

Авторский «диалог» с читателем проявляется и во времени-пространстве, которое воспринимается как постсоветская Беларусь и вместе с тем как постапокалиптический мир будущего, учитывая логику социокультурных процессов, отечественных и зарубежных. Какова она, Беларусь «реальная», представленная в Ч. I? Скорее, это пространство реально-ирреальное, «двойственное», тоталитарное, где сочетаются конформистская жизнь большинства («широкие плакатные улицы», почётный караул на Площади Победы) и «темные щели между явью и сном» фриков, людей «легких, как бумага», инакомыслие которых пресекается [Бахаревич, 2020, с. 67, 57]. Именно в таких условиях мог возникнуть искусственный язык *бальбута*, основанный «на разнообразии, свободе и поэзии» [Бахаревич, 2020, с. 36], по сути, творческое сопротивление прессингу социума (и шире – мира). Но способно ли появление «языка свободы» стать шагом к свободе подлинной?

Не способно: в этом убеждают последующие части романа. В «антиутопической» Ч. II. в традициях поэтики жанра (Е. Замятин, А. Платонов, О. Хаксли, Дж. Оруэлл и др.) прогнозируется общество-2049: Новый Российский Райх (результат политики империализма и национального шовинизма), окруженный Стратегическим лесом. На его границе – Белые Росы: пространство не столько социальной, сколько экзистенциаль-

ной периферии в силу «суженного» сознания его обитателей – людей-оборотней без памяти о прошлом и родного языка, доведенных пропагандой и маскультом до умственного коллапса и физической деградации (результат русификации, идеологического воспитания, авторитарного стиль руководства современной Беларуси). Появление «чужака» – Стефки из организации сопротивления, использующей *бальбуту* как тайный язык, только усугубляет ощущение несвободы. Не случайно Молчун, подобно Нильсу Хольгерсону, улетает из Белых Рос во время битвы этой диверсантки и русского майора Лебеда, преодолевая трагическую «маргинальность» своего положения между двух враждебных миров.

В Ч. III речь идет о несвободе от диктатуры «идеи», в которую выродается мечта о Беларуси «настоящей», аутентичной. Ее моделью становится остров Кривья, возникший как «утешение разочарованных, сон тех, чья страна так и не сбылась» [Бахаревич, 2020, с. 376], а ставший «антидомом», сконструированным по умозрительным лекалам и потому нежизнеспособным (колонисты его покидают, а основатель Максим Кривичанин убит). Абсурдность ситуации подчеркивает повествование от лица бабки Бенигны, воспринимающей и Кривью, и реальный Минск как часть условно-фантастического «андертальского леса».

Иллюзия локальности несвободы в постсоветском пространстве окон-

чательно разрушается в Ч. VI, поскольку ощущение «периферии» возникает не только в Белых Росах и Новом Райхе, но и в европейской Лиге Наций. Формула детектива (расследование обстоятельств смерти неизвестного поэта) и сюрреалистичная образность создают в этой части наиболее таинственную атмосферу, сквозь которую, тем не менее, проступает постапокалиптический облик Западной Европы-2050. Здесь бисексуальность и телесные импланты, виртуализированное инфантильное мировосприятие привели к одичанию духовному и физическому. Вот почему «дистрофические человекообразные» европейцы напоминают жителей Белых Рос. И главное – здесь умерла культура (книжный магазин стал «бумажным концлагерем», вечера поэзии – изощренной пыткой), а быть причастным к литературному процессу значит обрекать себя на забвение и гибель. И все же в этом пространстве несвободы, метафорой которой становится собачий «лай-вызов, лай-зов, лай, который означает присутствие и готовность» [Бахаревич, 2020, с. 686], зарождается потребность во «внутреннем» освобождении Терезиуса Скимы. Его трансгрессия – это обретение самоидентичности, что можно интерпретировать и как приобщение к национальным истокам.

Я опускаю ряд интереснейших моментов, касающихся стиля повествования (красочная палитра отсылает к «необарокко», а интимность и «примитивизм» отдельных

стихотворных фрагментов – к стихам капитана Лебядкина у Достоевского, миниатюрам Хармса, городскому фольклору), литературных реминисценций, аллюзий (Ф. М. Достоевский, Ф. Кафка, Д. Джойс, М. Пруст и др.) и даже мистификаций (альбом Франсуазы Дарлон). Хочется оставить свободу – для новых прочтений и исследований. Но о творческой авторефлексии в «Собаках Европы» упомяну, поскольку к ней обращается и З. Вишнёв «антиромане».

Попытка осмыслить собственное творчество отражена не только в Ч. III (фрагмент о несохраненном на компьютере тексте), но и в лингвоконструировании вместе с читателем, который приобщается к тайне языка («Бальбута. Грамматика и словарь»), переводит с бальбуты отдельные слова и выражения, а может – и целую главу. Есть в романе и рефлексия металитературная: фигуры белорусских писателей (среди них – литературные «маски» самого Бахаревича и его жены, поэтессы и переводчицы Юлии Тимофеевой), рассуждения о вторичности «сучбеллита» (от бел. «сучасная беларуская літаратура» – рус. «современная белорусская литература») и особенно заключительная часть сосредоточены на месте литературы в иерархии социальных ценностей. Вытеснение ее на периферию может привести к антропологической деградации – таков вывод автора.

Что остается после прочтения романа? Благодарность за со-

творчество, диалог, множество прочтений (в частности, Белорусский Свободный театр сделал социально-политический акцент, решив спектакль «Собаки Европы» как абсурдную брутальную феерию с чрезмерной обнаженной телесностью, виртуозной хореографией [Мартинович, 2020]). Тем самым Ольгерд Бахаревич дает возможность свободного восприятия – текста и мира.

Заключение

Подводя итог, выскажу предположение о том, какой след в истории оставит новейшая белорусская литература, что даст мировой культуре,

будучи литературой «малой». Реалии 2020 года изменили многие устоявшиеся представления: мир столкнулся с угрозой пандемии, закрылись целые континенты, традиционная система европейских ценностей показала свое практическое бессилие и декларативность. Именно в этих условиях становится очевидна растерянность человека с бременем не-свободы, что дало основание назвать его HomoConfusus (Т. Черниговская). Значит, литература, возникшая как осмысление и принятие положения «на периферии», может стать новым словом о нем и мире.

Библиографический список

1. Адам М. Пабачыць Марс і...зразумець // ЛіМ. 2019 9 апр. URL: <http://zviazda.by/be/news/20190409/1554789697-pabachyc-mars-i-zrazumec>. (Дата обращения: 06.04.2019).
2. Акудовіч В. В. Код адсутнасці. Асновы беларускай ментальнасці. Мінск : Логвінаў, 2007. 216 с.
3. Арлоў У. У пошуках украдзенага скарбу : гістарычнае эсе // Польша. 1993. № 2. С. 136–170.
4. Бабкоў І. Калі скончыцца беларуска-беларуская вайна? // Bramaby : сайт. 2014. 25 сент. URL: <http://www.bramaby.com/ls/blog/bel/1472.html>. (Дата обращения: 25.09.2014).
5. Бахаревич О. Собаки Европы : роман. Москва : Время, 2020. 768 с.
6. Белая Г. А. Смена кода в русской культуре XX века как экзистенциальная ситуация // Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 111–116.
7. Блищ Н. Л. Национальный характер белоруса в зеркале русской прозы XX века: мифы и стереотипы // Русский язык и литература в славянском мире : материалы Межнар. науч-практ. конф. в он-лайн формате. Москва : Изд-во МГУ. С. 503–511.
8. Болотян И. Новая драма: опыт типологии / И. Болотян, С. Лавлинский // Вестник РГГУ. 2010. № 2. С. 35–45.
9. Вішнёў З. Калі прыгледзецца – Марс сіні: антыраман. Мінск : Выдавец А. М. Янушкевіч, 2018. 276 с.

10. Гапеева В. Пінгвінячы трэш, або Шчырасць і трагізм авангарду: антырэцэнзія на антыраман // Дзеяслоў. 2019. № 101. С. 237–241.
11. Гарбацкі У. Сіні раман Вішнёва: ода Менску, якога больш няма // Новы час. 2019. 28 снежня. URL: <http://www.novychas.by/kultura/sini-roman>. (Дата обращения: 28.11.2019).
12. Дубянецкі Э. Менталітэт беларусаў: спроба гістарычна-псіхалагічнага аналізу // Беларусіка. Кн. 2. Мінск: Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1993. С. 192–201.
13. Жыбуль В. Дзённік бумбамлітаўца (авторская рэдакцыя, 1999). Воспоминания Виктора Жибуля – известного белорусского поэта-авангардиста, члена художественного движения «Бум-Бам-Лит» – на сегодняшний день опубликованы лишь частично в альманахе «Тэксты» (Мінск: Галіяфы, 2004–2014).
14. Жыбуль В. Я проста здэкеуюся з паперы, альбо Каменныя прыступкі беларускага антыраману // Радыё Свабода. Сайт. 2019. 19 сакавіка. URL: <http://www.svaboda.org/a/29829621.html>. (Дата обращения: 19.04.2019).
15. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX в.: диалог на границах столетий. Москва : Флинта ; Наука, 2002. 304 с.
16. Лепишева Е. М. Мы беларусы...: перформативный потенциал белорусской документальной драмы начала XXI века в поиске национальной самоидентичности // Перформатизация современной русской драмы: славянский контекст. Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2019. P. 87–100.
17. Линков В. Я. Скептицизм и вера Чехова. Москва : Изд-во МГУ, 1995. 79 с.
18. Мартинович Д. Россия – Новый Рейх, Беларусь – в ее составе. Свободный показал мрачную антиутопию «Собаки Еўропы» // tut.by. сайт. 2020. URL: <https://afisha.tut.by/news/culture/675519.html>. (Дата обращения: 09.03.2020).
19. Мягков А. Книжное старообрядчество: роман «Собаки Европы» // ГодЛитературы. сайт. 2019. URL: <http://www.godliteratury.ru/projects/knizhpoe-staroobryadchestvo-sobaki-ev>. (Дата обращения: 26.09.2019).
20. Нефагина Г. Л. Динамика стилевых течений в русской прозе 1980-х – 1990-х годов : монография. Минск : БГУ, 1994. 194 с.
21. Обсуждение «антиромана» З. Вишнева на Белорусском Коллегиуме (образовательной и творческой платформе, организованной во второй половине 1990-х годов по инициативе негосударственных организаций и культурных деятелей Беларуси). URL: <https://web.facebook.com/kalegium/videos/1586502038151427/>. (Дата обращения: 21.09.2020).

22. Ольгерд Бахаревич о своем романе «Собаки Европы» // labirint. сайт. 2019. URL: [http://www. labirint.ru/books/695480/?p=5767](http://www.labirint.ru/books/695480/?p=5767). (Дата обращения: 05.04.2019).

23. Рагуля А. Філасофскі тэатр Кандрата Крапівы // Шлях да Браны Неўміручасці: матэрыялы рэсп. навук. чыт., прысвеч. 115-годдзю з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі Кандрата Крапівы. Мінск : Бел.навука, 2012. С. 10–119.

24. Слом иерархий: блогеры обживают реал. Литературные итоги 2019 года // Дружба народов. 2020. № 1. С. 252–265.

25. Собенников А. С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 222 с.

26. Чарота І. А. Пошук спрадвечнай існасці : беларуская літаратура XX стагоддзя у працэсах нацыянальнага самавызначэння : манаграфія. Мінск : Навука і тэхніка, 1995. 159 с.

27. Чернявская Ю. Пять парадоксов национального самосознания белорусов // ИНДЕКС. сайт. URL: [http://www. index.org.ru/journal/15/15-chern.html](http://www.index.org.ru/journal/15/15-chern.html). (Дата обращения: 10.07.2020).

28. 13 процентов белорусов не умеют читать на родном языке // gometoday. сайт. 2012. URL: [http://www. gometoday.rus/news/belarus/17988/](http://www.gometoday.rus/news/belarus/17988/). (Дата обращения: 31.01.2012).

Reference list

1. Adam M. Pabachyc' Mars i...zrazumec' // LiM. 2019 9 apr. URL: <http://zviazda.by/be/news/20190409/1554789697-pabachyc-mars-i-zrazumec> (data obrashhenija: 06.04.2019).

2. Akudovich V. V. Kod adsutnasci. Asnovy belaruskaj mental'nasci. Minsk : Logvinaŭ, 2007. 216 s.

3. Arloŭ U. U poshukah ukradenaga skarbu : gistorychnae jese // Polymja. 1993. № 2. S. 136–170.

4. Babkoŭ I. Kali skonchycca belarуска-belaruskaja vajna? // Bramaby : sajt. 2014. 25 sent. URL: [http://www. bramaby.com/ls/blog/bel/1472.html](http://www.bramaby.com/ls/blog/bel/1472.html). (Data obrashhenija: 25.09.2014).

5. Baharevich O. Sobaki Evropy = Dogs of Europe : roman. Moskva : Vremja, 2020a. 768 s.

6. Belaja G. A. Smena koda v russkoj kul'ture XX veka kak jekzistencial'naja situacija = Code change in Russian culture of the XX century as an existential situation // Literaturnoe obozrenie. 1996. № 5/6. S. 111–116.

7. Blishh N. L. Nacional'nyh harakter belorusa v zerkale russkoj prozy XX veka: mify i stereotypy = The national character of the Belarusian in the mirror of Russian prose of the XX century: myths and stereotypes // Russkij jazyk i

literatura v slavjanskom mire : materialy Mezhnar. nauch-prakt. konf. v on-lajn formate. Moskva : Izd-vo MGU. S. 503–511.

8. Bolotjan I. Novaja drama: opyt tipologii = New drama: typology experience / I. Bolotjan, S. Lavlinskij // Vestnik RGGU. 2010. № 2. S. 35–45.

9. Vishněy Z. Kali prygladzecca – Mars sini: antyraman. Minsk : Vydavec A.M. Janushkevich, 2018. 276 s.

10. Gapeeva V. Pingvinjachy trjesh, abo Shchyrasc' i tragizm avangardu: antyrjecenzija na antyraman // Dzejasloŭ. 2019. № 101. S. 237–241.

11. Garbacki U. Sini raman Vishněva: oda Mensku, jakoga bol'sh njama // Novy chas. 2019. 28 snezhnja. URL: <http://www.novychas.by/kultura/sini-raman>. (Data obrashhenija: 28.11.2019).

12. Dubjanecki Je. Mentalitjet belarusaŭ: sproba gistarychna-psihalagichnaga analizu // Belarusika. Kn. 2. Minsk: Nacyjanal'ny navukova-avsetny cjentr imja F. Skaryny, 1993. S. 192–201.

13. Zhybul' V. Dzënnik bumbamlitaŭca (avtorskaja redakcija, 1999). Vospominanija Viktora Zhibulja – izvestnogo belorusskogo pojeta-avangardista, chlena hudozhestvennogo dvizhenija “Bum-Bam-Lit” – na segodnjashnij den' opublikovany lish' chastichno v al'manahe “Tjeksty” (Minsk: Galijafy, 2004–2014).

14. Zhybul' V. Ja prosta z'dzekujusja z papery, al'bo Kamennyja prystupki belaruskaga antyramanu // Radyë Svaboda. Sajt. 2019. 19 sakavika. URL: <http://www.svaboda.org/a/29829621.html>. (Data obrashhenija: 19.04.2019).

15. Zamanskaja V. V. Jekzistencial'naja tradicija v russkoj literature XX v.: dialog na granicah stoletij = Existential tradition in Russian literature of the XX century: dialogue at the borders of centuries. Moskva : Flinta ; Nauka, 2002. 304 s.

16. Lepisheva E. M. My belarusy...: performativnyj potencial belorusskoj dokumental'noj dramy nachala XXI veka v poiske nacional'noj samoidentichnosti = We are Belarusians...: The performance potential of the Belarusian documentary drama of the beginning of the XXI century in the search for national identity // Performatizacija sovremennoj russkoj dramy: slavjanskij kontekst. Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2019. P. 87–100.

17. Linkov V. Ja. Skepticizm i vera Chehova = Chekhov's scepticism and faith. Moskva : Izd-vo MGU, 1995. 79 s.

18. Martinovich D. Rossija – Novyj Rejh, Belarus' – v ee sostave. Svobodnyj pokazal mrachnuju antiutopiju “Sabaki Eŭropy” = Russia - New Reich, Belarus - in its composition. Free showed the dark dystopia of “Dogs of Europe” // tut.by. sajt. 2020. URL: <https://afisha.tut.by/news/culture/675519.html>. (Data obrashhenija: 09.03.2020).

19. Mjagkov A. Knizhnoe staroobryadchestvo: roman “Sobaki Evropy” = Book old believers: the novel “Dogs of Europe” // GodLiteratury. sajt. 2019. URL: <http://www.godliteratury.ru/projects/knizhnoe-staroobryadchestvo-sobaki-ev>. (Data obrashhenija: 26.09.2019).

20. Nefagina G. L. Dinamika stilevyh techenij v russkoj proze 1980-h – 1990-h godov = Dynamics of style currents in Russian prose in 1980–1990s: monografija. Minsk : BGU, 1994. 194 s.

21. Obsuzhdenie “antiromana” Z. Vishneva na Belorusskom Kollegiume (obrazovatel'noj i tvorcheskoj platforme, organizovanoj vo vtoroj polovine 1990-h godov po iniciative negosudarstvennyh organizacij i kul'turnyh dejatelej Belarusi) = Discussion of Z. Vishnev's “anti-novel” at the Belarusian Collegium (an educational and creative platform organized in the second half of the 1990s at the initiative of non-state organizations and cultural figures of Belarus). URL: <https://web.facebook.com/kalegium/videos/1586502038151427/>. (Data obrashhenija: 21.09.2020).

22. Ol'gerd Baharevich o svoem romane “Sobaki Evropy” = Olgerd Bakharevich about his novel “Dogs of Europe”// labirint. sajt. 2019b. URL: <http://www.labirint.ru/books/695480/?p=5767>. (Data obrashhenija: 05.04.2019).

23. Ragulja A. Filasofski tjeatr Kandrata Krapivy // Shljah da Bramy Neŭmiruchasci: matjeryjaly rjesp. navuk. chyt., prysvech. 115-goddzju z dnja narodzhennja narodnaga pis'mennika Belarusi KandrataKrapivy. Minsk : Bel.navuka, 2012. S. 10–119.

24. Slom ierarhij: blogery obzhivajut real. Literaturnye itogi 2019 goda = Scrapping hierarchies: bloggers live real. Literary results of 2019 // Druzhiba narodov. 2020. № 1. S. 252–265.

25. Sobennikov A. S. “Mezhdou “est' Bog” i “net Boga”... ”: (o religiozno-filosofskih tradicijah v tvorcestve A.P. Chehova) = Between “there is God “and” there is no God... ””: (about religious and philosophical traditions in the works of A. P. Chekhov). Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1997. 222 s.

26. Charota I. A. Poshuk spradvechnaj isnasci : belaruskaja litaratura XX stagoddzja u pracjesah nacyjanal'naga samavyznachjennja : managrafija. Minsk : Navuka i tjehnika, 1995. 159 s.

27. Chernjavskaja Ju. Pjat' paradoksov nacional'nogo samosoznanija belorusov = Five paradoxes of Belarusian national identity // INDEKS. sajt. URL: <http://www.index.org.ru/journal/15/15-chern.html>. (Data obrashhenija: 10.07.2020).

28. 13 procentov belorusov ne umejut chitat' na rodnom jazyke // gomel.today. sajt. 2012. URL: <http://www.gomel.today/rus/news/belarus/17988/>. (Data obrashhenija: 31.01.2012).

УДК 811.581

Л. В. Кирюхина

<https://orcid.org/0000-0001-8445-4701>

Китайская грамматика Н. Я. Бичурина: ретроспективный взгляд

Для цитирования: Кирюхина Л. В. Китайская грамматика Н. Я. Бичурина: ретроспективный взгляд // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 74–86. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-74-86

Статья посвящена первому в нашей стране пособию для изучения китайского языка – «Китайской грамматике, сочинённой монахом Иакинфом». Описывается содержание указанной работы, которое иллюстрируется примерами автора и анализируется в соответствии с современными положениями грамматической науки, выявляется важность данной «Грамматики...» для развития китаеведения. Подчёркиваются следующие ключевые моменты: 1) отсутствие специализированной литературы для обучения китайскому языку и потребность в развитии китаеведного образования в Российской империи послужили причиной написания «Грамматики...» о. Иакинфа; 2) данная «Грамматика...» долгое время была единственным пособием для преподавания китайского языка; 3) к моменту приезда Н. Я. Бичурина в Китай европейские миссионеры создали внушительное количество трудов, описывающих китайский язык, которые он тщательно изучил; 4) в рассматриваемой «Грамматике...» представлено описание работ европейцев по грамматике китайского языка и даётся их критическая оценка; 5) Н. Я. Бичурин на высоком уровне владел китайским языком, разбираясь в тонкостях как письменного, и разговорного его варианта; 6) знание китайского языка позволило ему изучить работы китайских филологов, достижения которых в области классификации словарного состава языка представлены в отдельной главе; 7) описывая разделение слов по частям речи, автор обращает особое внимание на возможность китайских слов выступать в функции разных частей речи; 8) было выделено девять частей речи, среди которых присутствует такая свойственная исключительно китайскому языку категория, как «дополнительные слова», маркирующие отношения между знаменательными словами; 9) выражение грамматического значения связывается с синтаксической позицией знаменательного слова и наличием специальных служебных слов.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика, Н. Я. Бичурин, отец Иакинф, «Хань-вынь ци-мын», «Китайская грамматика, сочинённая монахом Иакинфом».

L. V. Kiryukhina

N. Ya. Bichurin's chinese grammar: a retrospective view

The article is devoted to the first in Russia (and in Russian) textbook of Chinese – “Chinese grammar by Fr. Hyacinth”. The article describes the content of this grammar book according to modern grammar studies. It is shown the following issues: 1) there were no special books for the purpose of teaching Chinese in Russia, so it was necessary to make such a textbook; 2) for a long time this “Grammar...” was the only textbook to teach the Chinese language; 3) when N. Ya. Bichurin came to China, European missionaries had already created an impressive number of works describing the Chinese language, and he studied carefully these works; 4) European books about Chinese are described and critiqued in Hyacinth's grammar; 5) N. Ya. Bichurin had a good command of Chinese, was well up in the differences between the written language and the spoken language; 6) knowing Chinese very well, he could study works of Chinese philologists and also described them in his “Grammar...”; 7) Hyacinth noticed that Chinese words can function as different parts of speech; 8) he talked about nine parts of speech including unique to the Chinese language “function words”; 9) the expression of grammatical meaning is linked with the syntactic position of content words and the presence of function words.

Key words: chinese language, grammar, N. Ya. Bichurin, Hyacinth, Iakinf, “Hanwen qimeng”, “Chinese grammar composed by the monk Iakinf”.

Введение

Научное наследие Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853) не раз выступало объектом изучения различных исследователей (см., например, [Полевой...; Тихвинский, Пескова, 1977; Мясников, Попова, 2002; Золотов, 2003; 李伟丽, 2007; 闫华, 2015; Чэнь Пэйцзюнь, 2017; Чэнь Пэйцзюнь, 2018; Кожа, 2018; Григорьев, 2019] и др.). Н. Я. Бичурин не только описывал быт Китая, он также на протяжении всей жизни выполнял переводы китайской исторической литературы, создал китайско-русские словари, является автором первой грамматики китайского языка, написанной на русском языке (работа Г. З. Байера была напечатана

в 1730 г. в России, однако выполнена она была на латинском языке), четырежды был лауреатом Демидовской премии [Емельянов, 2014], вручавшейся учёным, которые внесли значительный вклад в развитие науки (премию он получал в том числе и за свою «Граматику...»). В данной статье мы рассмотрим теоретические положения, представленные в «Китайской грамматике» о. Иакинфа с учётом современных лингвистических знаний.

Изучение Китая европейцами началось благодаря деятельности католических миссионеров в эру географических открытий [Фишман, 2003], которые уже в XVI в. создали первые грамматики и словари для изучения китайского языка

ка. Русские в Китае оказались позже, соответственно, и знакомство с этой страной началось не так рано, как у европейцев. Н. Я. Бичурин установил контакты с католическими миссионерами, изучал труды западных синологов [Тихвинский, 1977]. Именно с его именем принято связывать становление научного этапа развития отечественной синологии [Мясников, Попова, 2002, с. 1102]. Свою грамматику отец Иакинф назвал *《汉文启蒙》* «*Ханьвэнь цимэн*» (досл. «Основы письменного китайского языка»), она была издана в 1838 г. по поручению Азиатского департамента Министерства иностранных дел для преподавания китайского языка в Кяхтинском училище – первом в России учебном заведении, где обучали китайскому языку [Григорьев, 2019, с. 141].

1. Содержание «Граматики...» Н. Я. Бичурина

В предисловии к своей работе Н. Я. Бичурин отмечает, что у китайского языка нет ничего общего с другими языками, и этот факт осложняет его изучение [Иакинф, 1908, с. III–IV]. Там же он говорит об истории возникновения и эволюции китайского письма, анализирует грамматику китайского языка европейцев, акцентирует внимание на отличии разговорного китайского языка от письменного, указывает, что помимо работ европейцев при написании своей грам-

матики пользовался китайскими словарями и учебниками, в частности – *《读书作文谱》* «*Как читать книги и писать сочинения*» Тан Бяо 唐彪, династия Цин (1644–1911).

Грамматика о. Иакинфа состоит из двух частей, каждая из которых включает 12 глав: Часть I, содержащая в себе основные понятия о китайском языке и письме; Часть II, содержащая в себе грамматические правила китайского языка [Иакинф, 1908].

Первая часть включает главы: 1) о китайском языке; 2) о разделении звуков по произношению; 3) о китайском письме; 4) о составлении условных знаков; 5) о начертании условных знаков; 6) о разных видах начертания; 7) о правописании и знаках препинания; 8) о выговоре условных знаков; 9) об ударениях; 10) о разделении букв на классы; 11) о чистописании; 12) дополнение к основным понятиям о китайском письме.

Тут представлены общие сведения о китайском языке, структуре слога и иероглифических знаков (подробно рассказывается о шести категориях Сюй Шэня 许慎), описываются особенности произношения, классификация звуков речи, порядок написания черт иероглифов, развитие стилей китайского письма, принципы записи иностранных слов китайскими иероглифическими знаками.

Вторая часть включает главы: 1) об изменяемости слов в китайском языке и о частях речи; 2) об имени существительном; 3) об имени прилагательном; 4) о местоимении; 5) о глаголах; 6) о наречиях; 7) о предлогах; 8) о союзах; 9) о междометиях; 10) о китайском разделении частей речи; 11) о размещении существительных букв; 12) о размещении пустых букв.

В китайском языке выделяется 9 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, междометие, дополнительные слова.

Автор отмечает, что в китайском языке вместо словоизменения в соответствии со склонением и спряжением, родом и числом имеется «словоизменение умственное» [Иакинф, 1908, с. 38–40]. На примере слова 善 *добро* он показывает функционирование одного слова в качестве разных частей речи, что связывается с расположением рассматриваемого слова относительно других слов. Так, в сочетании 至善 *высочайшее добро* (здесь и далее приводится перевод Н. Я. Бичурина) 善 выступает в функции существительного, в сочетании 善心 *доброе сердце* – в функции прилагательного, в 善之 *одобрять что-то* – функционирует как глагол, в 善马射 *искусно стрелять из лука с лошади* – как наречие [Иа-

кинф, 1908, с. 39] (马射 *конная стрельба из лука*).

Также к «умственному словоизменению» Н. Я. Бичурин относил случаи, когда отношения между словами выражаются при помощи других слов. Например, 子思明道之本源曰。Цзы-сы, объясняя корень и источник естественного закона, сказал... В этом предложении, как отмечает автор, слово 之 показывает, что находящее перед ним существительное поставлено в родительном падеже: 道之本源 *корень и источник (чего?) естественного закона* (досл. «естественного закона корень и источник»).

К. А. Кожа проводит аналогии между концепцией «умственных изменений» Н. Я. Бичурина и глубинными семантико-синтаксическими связями, описанными позднее в работах Ч. Филлмора [Кожа, 2018, с. 181]. Типологические особенности китайского языка, «скрытый» характер выражения грамматического значения выдвигают на главенствующее место именно синтаксические отношения между словами. Такой подход также присутствует, например, у Ма Цзяньчжуна 马建忠 в его «Грамматике...» 1898 г. (см., например, [Кирюхина, 2011]).

Рассматривая имена существительные, Н. Я. Бичурин указывает, что по большей части названия отвлечённых предметов – это глаголы

и имена прилагательные, которые употребляются в функции имён существительных [Иакинф, 1908, с. 41]:

君赏善罚恶。Государь награждает добро, наказывает зло. В данном предложении 赏 награждать и 罚 наказывать – глаголы. 其赏罚分明。Его награды и наказания распределяются с точностью. Здесь 赏 награждать и 罚 наказывать стоят на месте существительного в именительном падеже.

В главе о прилагательных автор отмечает, что существительные и глаголы, предшествующие существительному, функционируют как прилагательные: 城门 городские ворота (город + ворота), 渡船 перевозное судно (переправлять + лодка); также указывает на употребление «дополнительного слова» 的. Числительные были отнесены к разряду прилагательных (к слову, также было сделано в уже упоминавшейся работе Ма Цзяньчжуна).

При рассмотрении местоимений указано, что вместо личных и притяжательных местоимений первого и второго лица употребляются «учтывые выражения», например, при разговоре со старшими принято вместо «вы» говорить «老长兄 Г. Старший брат», а вместо «я» –

«弟 младший брат» [Иакинф, 1908, с. 56].

В главе о глаголах Н. Я. Бичурин называет вспомогательными «такие глаголы, которые находясь при других глаголах означают их залог, время или действие, а своё собственное значение теряют» [Иакинф, 1908, с. 59]. Так, 见 вижу и 被 одеваю «означают страдательный залог следующего за ними глагола»; 已 перестаю и 了 исправляю – «прошедшее время»; 得 приобретаю и 着 надеваю – «прошедшее время следующих за ними глаголов и случай или возможность достижения чего»; 来 прихожу и 去 отхожу – «первый означает приближение к месту, а второй движение с места»:

海舟已入河口。Корабли уже вошли в устье реки. Отметим, что у 已 также есть значение наречия уже, которое указывает на законченный характер действия, выражаемого следующим за ним глаголом. Как и другие наречия, в китайском предложении оно ставится перед сказуемым. Видится логичным считать в данном случае 已 наречием, а не вспомогательным глаголом.

他们搬了家。Они перешли на другую квартиру. 了 в современных грамматиках принято рассматривать как видо-временной суффикс

глагола, который показывает, что действие, выражаемое предшествующим ему глаголом, уже состоялось.

挪来 *переставь сюда*, 挪去 *отставь*. 挪 значит *перемещать*. 来 и 去, пользуясь современной терминологией, – простые модификаторы, которые выражают направление движения с точки зрения говорящего: к нему (来) или от него (去).

Таким образом, «вспомогательные глаголы» Н. Я. Бичурина сейчас мы бы «глаголами» не назвали, хотя, безусловно, у всех этих слов есть «глагольные» значения. 见 и 被 – служебные слова, которые, сочетаясь с последующим глаголом, маркируют страдательный залог, 已 – наречие времени *уже*, 了 и 着 – глагольные суффиксы, 得 – служебное слово, передающее значение возможности (инфикс), 来 и 去 – модификаторы направления движения.

К наречиям были отнесены, например, 前日 *третьего дня*, 下月 *в следующем месяце*, которые сейчас принято относить к существительным-темпоративам.

Касательно предлогов отмечается, что они – «суть глаголы и прилагательные имена, получающие силу предлогов по смыслу в речи и месту, которое занимают в одной» [Иакинф, 1908, с. 67]. В зависимости от расположения предлогов,

они разделяются на «поставляемые перед своими управляемыми» и «поставляемые после своих управляемых»:

从都于此地 *От столицы до сего места*. Предлог 从 *от* предшествует 都 *столица*; предлог 于 *к* предшествует словосочетанию 此地 *данное место*. У «поставляемых перед своими управляемыми предлогами» есть и глагольные значения, так, у 从 *от* есть значение *следовать из*, 于 – *направляться (куда-то)*, именно такие «поставляемые перед своими управляемыми предлоги» сейчас и относят к предлогам.

城门外山上 *За городскими воротами на горе*. Предлог 外 *вне* стоит после словосочетания 城门 *городские ворота*, предлог 上 *на* следует за 山 *гора*. Авторы современных грамматик «поставляемые после своих управляемых предлоги» считают существительными-директивами (см., например, [Готлиб, 2008]).

Десятую главу Н. Я. Бичурин посвятил описанию классификации слов в традиционной китайской филологии. Все «буквы» (то есть «字», «слова») делятся «на буквы существенные 实字 *ши-цзы* и буквы пустые 虚字 *сюй-цзы*» [Иакинф,

1908, с. 70]. Существенными называют «такие, которые в речи означают предмет какой-либо, или качество, действие и состояние предмета» [Иакинф, 1908, с. 71]; пустыми – «которые означают качества действия, отношение предметов между собою, связь между суждениями и выражения сердечных движений, или только придают выразительность и известный оборот мысли, не имея сами по себе никакого значения в речи [Иакинф, 1908, с. 71]. «Существенные буквы» делятся на «изменяемые 活字 *хо-цзы* (живые, подвижные)» и на «неизменяемые 死字 *сы-цзы* (мёртвые)». «К первым принадлежат глаголы, коих значение изменяется от места; к последним имена, коих значение постоянно» [Иакинф, 1908, с. 71]. Также выделяются «речения»: «начинательные 起语词 *ци-юй-сы*», «соединительные 接语辞 *цзп-юй-сы*», «пояснительные 转语辞 *чжуань-юй-сы*», «дополнительные 衬语辞 *чень-юй-сы*», «собирательные 束语辞 *шу-юй-сы*», «жалобные 叹语辞 *тхань-юй-сы*», «окончательные 歇语辞 *сп-юй-сы*».

Термины 实字 *полные слова* и 虚字 *пустые слова*, а также 死字 *мёртвые слова* и 活字 *живые слова* активно использовались китайскими филологами, однако их содержа-

тельное наполнение могло в существенной мере отличаться у разных авторов [Кирюхина, 2017]. «Речения» соответствует классификации, предложенной Ван Минчаном 王鸣昌 в работе 1694 г. 《辩字诀》 «*Бянь цзы цзюэ*» («Метод различения слов») [《辩字诀》研究].

В одиннадцатой главе описываются грамматические отношения между знаменательными словами («существенными буквами») в зависимости от порядка их следования в предложении. В двенадцатой – порядок расположения служебных слов («пустых букв»), использующихся и для выражения «плавности, круглоты и благозвучия».

Свою работу Н. Я. Бичурин дополняет девятью таблицами: 1) таблица начертания смешанных букв (указан порядок начертания сложных иероглифических знаков); 2) таблица шести почерков (приведены примеры написания знаков разными стилями); 3) таблица знаков, ошибочно употребляемых в смысле других; 4) таблица изменённых знаков; 5) таблица древних знаков, заменённых новейшими; 6) таблица ключевых знаков (дополненная вариантами начертания ключей); 7) прибавление об изменённых ключах; 8) таблица числительных знаков (перечень счётных слов); 9) таблица китайского цикла; 10) таблица учтивых речений, употребляемых вместо местоимений «я», «мы», «мой», «наш», «вы» и «ваш».

2.«Грамматика...»
Н. Я. Бичурин в истории
китаеведения

1) Создание 《汉文启蒙》
《Ханьвэнь цимэн》 было связано с практической потребностью: у нас в стране не было пособий для обучения китайскому языку. Работы других авторов появляются только в следующем веке (например, «Опыт мандаринской грамматики» П. П. Шмидта – в 1902 г. [Шмидт, 1902], «Грамматика современного китайского языка» А. И. Иванова и Д. Е. Поливанова – в 1930 г. [Иванов, 2003] и др.).

2) Н. Я. Бичурин в своей работе затрагивает вопрос употребления слов в функции разных частей речи (Н. В. Солнцева и В. М. Солнцев, например, называли такое явление «конверсионной омонимией» [Солнцева, 1978], С. Е. Яхонтов говорил о «необычном употреблении отдельных частей речи» [Яхонтов, 1965]):

人人亲其亲。长其长。而天下平。
Пусть каждый любит своих родителей, почитает своих старших, и тишина водворится в Поднебесной [Иакинф, 1908]. 亲 употребляется сначала в значении *любить*, затем – в значении *родители*; 长 – сначала в значении *почитать*, затем – *старший*. Значение слова в китайском языке (его частеречная отнесённость) связано с местом в пред-

ложении, с переменной места изменяется и значение слова.

У слова 故, например, может быть четыре таких значения [Иакинф, 1908]:

故言有不同耳。Почему в словах есть противоречие. 故 в начале предложения – союз со значением *поэтому*.

孟子故设其难。Мэн-цзы с намерением представил сие затруднение. 故 перед глаголом – наречие со значением *нарочно, намеренно*.

不幸在军营病故。К прискорбию в лагере от болезни умер. 故 в конце предложения – глагол со значением *умирать*.

因思还故土。Почему и хотели возвратиться на прежние земли. 故 перед существительным – *прежний, старый, бывший*.

Замечательнейшей в силу своего разнообразного употребления «буквой» Н. Я. Бичурин называет «之» [Иакинф, 1908, с. 85–87]:

孟子之平陆。Мэн-цзы прибыл в Пинлу. 之 – глагол со значением *направляться в..., достигать*.

诚者天之道也。Истина есть закон Неба. 之 после существительного перед другим существительным «служит знаком родительного падежа», то есть в данном

случае является «дополнительным» словом, которое маркирует атрибутивные отношения между словами, связывает определение с определяемым словом.

孔子称其言而善之。Конфуций, приводя сие изречение, одобряет (оное). 之 – показатель формы глагола, «служит знаком прошедшего времени».

今日之实。Настоящее обстоятельство. 之 «поставленная после наречия служит знаком для него прилагательного». По сути 今日 сегодня – существительное-темпоратив, но у Н. Я. Бичурина оно относится к наречиям (уже отмечалось выше). Знак 之 показывает, что то, что находится перед 之, является определением к тому, что находится после 之.

自古有之。Искони водится.

В данном случае 之 «употребляется для одного благозвучия», является эфонической частицей.

Таким образом, именно позиция слова в предложении позволяет определить, в каком значении слово будет употреблено в конкретном случае. Китайские учёные традиционного этапа развития китайского языкознания также обращали внимание на такую особенность китайских слов [Кирюхина, 2017].

3) В «Грамматике...» отмечают различия в разговорном и книж-

ном употреблении. Так, указывается на характерное для разговорного или книжного языка употребление определённых «вспомогательных глаголов» [Иакинф, 1908, с. 59–60] и наречий [Иакинф, 1908], использование в разговорном языке неодносложных существительных с десемантизированными «дополнительными словами» 子 сын, 头 голова, 儿 мальчик [Иакинф, 1908, с. 41], употребление в разговорном языке местоимений 这 сей и 那 оный и на наличие после них слова 个 (в отличие от книжных 此 сей, 兹 сей, 是 этот, 其 оный, 已 этот, 彼 тот) [Иакинф, 1908, с. 56], говорится о свойственном именно для разговорной речи употреблении «пустых букв» 呢 и 麼 [Иакинф, 1908, с. 90], «дополнительного слова» 的 [Иакинф, 1908, с. 55] и т. д. В целом, книжным языком «пишут все вообще», а разговорным – «только романы, повести и песни народные» [Иакинф, 1908, с. VII].

4) В предисловии автор даёт критическую оценку работам европейских миссионеров по китайской грамматике (это грамматики Ф. Варо, Г. З. Байера, Э. Фурмона, Ж. Премара, Дж. Маршмана, Р. Мориссона, Ж.-П. Абель-Ремюзы, Гонзальва), что даёт возможность проследить историю изучения китайского языка европейцами. В десятой же главе второй ча-

сти представлена традиционная для китайской филологической традиции классификация слов.

5) Н. Я. Бичурин активно пользуется китайской терминологией: «начальные буквы 字母 *цзы му*» (то есть «инициали»), «окончания 韵 *юнь*» (то есть «финали»), «шесть видов составления условных знаков 六书 *лю-шу*» (то есть «шесть категорий иероглифов»), «ровное ударение 平声 *пъхинь-шенъ*» (то есть «ровный тон») и др. Автор «Грамматики...» кропотливо изучал труды китайских языковедов, что позволило ему детально разобраться в тонкостях языковых исследований традиционной китайской филологии.

Заключение

Н. Я. Бичурин в своём сочинении затрагивает такую важную для китайской грамматики проблему, как 词类活用 «подвижное» (*свободное*) функционирование частей речи. Вследствие типологических особенностей китайского языка грамматические значения выражаются посредством синтаксических

отношений и специальных служебных слов (на что обращает внимание и Н. Я. Бичурин), поэтому вопрос относительно критериев выделения частей речи в китайском языке и даже возможности/необходимости такого выделения стоит довольно остро. Н. Я. Бичурин считает, что части речи в китайском языке есть, однако определения им не приводит, считая уже известными, кроме того, он отмечает, что слова могут функционировать в качестве других частей речи.

Собственно «грамматика» понимается Н. Я. Бичуриным широко: в работе рассматриваются произношение, письмо, отличия устного и письменного языков, история изучения китайского языка и проч. По сути 《汉文启蒙》 «Ханьвэнь цимэн» – пособие, в котором собрана основная информация, которая может понадобиться изучающим китайский язык. Затронутые в данной статье вопросы актуальны и в наши дни, что подчёркивает значимость «Грамматики...» Н. Я. Бичурина для современных исследований.

Библиографический список

1. Готлиб О. М. Практическая грамматика современного китайского языка. Москва : АСТ ; Восток – Запад, 2008. 287 с.
2. Григорьев В. С. Вклад китаеведа Н. Я. Бичурина в формирование преемственности традиций просвещения народов России // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов XII Международной научно-практической конференции. Казань : Издательство «Фэн» АН РТ, 2019. С. 137–145.

3. Емельянов Б. В. Четыре демидовских премии монаха Иакинфа // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров : Вятский государственный университет. 2014. № 9. С. 6–10.
4. Золотов В. А. Никита Бичурин – востоковед, литератор, историк и педагог (1777–1853). Чебоксары ; Санкт-Петербург, 2003. 64 с.
5. Иакинф, архимандрит [Бичурин]. Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. Пекин : Пекин. духов. миссия, 1908. XVI, 118, [1] с.
6. Иванов А. И. Грамматика современного китайского языка / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
7. Кирюхина Л. В. Китайская «падежная грамматика» // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2011. № 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17686009_89101235.pdf. (Дата обращения: 02.02.2020).
8. Кирюхина Л. В. О грамматической терминологии в традиционной китайской филологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 1. С. 90–93.
9. Кожа К. А. Несколько слов о теории «умственного изменения» в китаеведных лингвистических трудах о Иакинфа (Бичурина) // Вестник Института востоковедения РАН. Москва : Институт востоковедения РАН, 2018. № 5. С. 179–184.
10. Мясников В. С. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н. Я. Бичурина / В. С. Мясников, И. Ф. Попова // Вестник Российской Академии наук. 2002. Т. 72, № 12. С. 1099–1106.
11. Солнцева Н. В. Теоретическая грамматика современного китайского языка (Проблемы морфологии) / Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев. Москва, 1978. 152 с.
12. Тихвинский С. Л. Выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин / С. Л. Тихвинский, Г. Н. Пескова // Новая и новейшая история. 1977. № 5. С. 146–159.
13. Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2003. 544 с.
14. Чэнь Пэйцзюнь Отец Иакинф (Бичурин) в современном Китае // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 256–263.
15. Чэнь Пэйцзюнь Лингвистическое комментирование как один из способов этнографического описания в трудах о. Иакинфа (Бичурина) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 157–164. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.157-164.
16. Шмидт П. П. Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Владивосток : Типография Т-ва Сущинский и К, 1902. 208 с.

17. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. Москва : Наука, 1965. 115 с.
18. 《辩字诀》研究. URL: <http://zazhijie.com/paper/wxlw/714.html>. (Дата обращения: 05.02.2020).
19. 李伟丽. 尼·雅·比丘林及其汉学研究. 北京 : 学苑出版社, 2007. 179页.
20. 闫华. 汉文启蒙 研究. 北京 : 人民出版社, 2015. 424页.

Reference list

1. Gotlib O. M. Prakticheskaja grammatika sovremennogo kitajskogo jazyka = Practical grammar of modern Chinese Moskva : AST: Vostok – Zapad, 2008. 287 s.
2. Grigor'ev V. S. Vklad kitaevoda N. Ja. Bichurina v formirovanie preemstvennosti tradicij prosveshhenija narodov Rossii = The contribution of the Chinese scholar N. Ya. Bichurin to the formation of the continuity of the traditions of enlightenment of the peoples of Russia // Rossija – Kitaj: istorija i kul'tura: sbornik statej i dokladov XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Kazan' : Izdatel'stvo "Fjen" AN RT, 2019. S. 137–145.
3. Emel'janov B. V. Chetyre demidovskih premii monaha Iakinfa = Four Demidov Prizes of the Monk Iakinfa // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Kirov : Vjatskij gosudarstvennyj universitet. 2014. № 9. S. 6–10.
4. Zolotov V. A. Nikita Bichurin – vostokoved, literator, istorik i pedagog = Nikita Bichurin - orientalist, writer, historian and teacher (1777–1853). Cheboksary, Sankt-Peterburg, 2003. 64 s.
5. Iakinfa, arhimandrit [Bichurin]. Han'-vyn' ci-myn. Kitajskaja grammatika, sochinennaja monahom Iakinfom = Chinese grammar written by the monk Iakinfa. Pekin : Pekin. duhov. missija, 1908. XVI, 118, [1] s.
6. Ivanov A. I. Grammatika sovremennogo kitajskogo jazyka = Modern Chinese grammar / A. I. Ivanov, E. D. Polivanov. Moskva : Editorial URSS, 2003. 304 s.
7. Kirjuhina L. V. Kitajskaja "padezhnaja grammatika" = Chinese "case grammar" // Magister Dixit: jelektronnyj nauchno-pedagogičeskij žurnal Vostočnoj Sibiri. 2011. № 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17686009_89101235.pdf. (Дата обращения: 02.02.2020).
8. Kirjuhina L. V. O grammatičeskoj terminologii v tradicijnoj kitajskoj filologii = On grammatical terminology in traditional Chinese philology // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2017. № 3 (69): v 3-h ch. Ch. 1. S. 90–93.

9. Kozha K. A. Neskol'ko slov o teorii "umstvennogo izmenenija" v kitaevednyh lingvisticheskikh trudah o. Iakinf (Bichurina) = A few words about the theory of "mental change" in the Chinese linguistic works of Fr. Iakinf (Bichurin)// Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. Moskva : Institut vostokovedenija RAN, 2018. № 5. S. 179–184.

10. Mjasnikov V. S. Vklad o. Iakinf v mirovuju sinologiju. K 225-letiju so dnja rozhdenija chlena-korrespondenta N. Ja. Bichurina = Contribution of Fr. Iakinf to world sinology. On the 225th anniversary of the birth of corresponding member N. Ya. Bichurin / V. S. Mjasnikov, I. F. Popova // Vestnik Rossijskoj Akademii nauk. 2002. T. 72. № 12. S. 1099–1106.

11. Solnceva N. V. Teoreticheskaja grammatika sovremennogo kitajskogo jazyka (Problemy morfologii) = Theoretical grammar of modern Chinese (Morphology Problems) / N. V. Solnceva, V. M. Solncev. Moskva, 1978. 152 s.

12. Tihvinskij S. L. Vydajushhij russkij kitaeved N. Ja. Bichurin = Outstanding Russian Chinese scholar N. Ya. Bichurin / S. L. Tihvinskij, G. N. Peskova // Novaja i novejsaja istorija. 1977. № 5. S. 146–159.

13. Fishman O. L. Kitaj v Evrope: mif i real'nost' = China in Europe: Myth and Reality (XIII–XVIII vv.). Sankt-Peterburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 544 s.

14. Chjen' Pjejcjun' Otec Iakinf (Bichurin) v sovremennom Kitae = Father Iakinf (Bichurin) in modern China // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2017. № 4. S. 256–263.

15. Chjen' Pjejcjun' Lingvisticheskoe kommentirovanie kak odin iz sposobov jetnograficheskogo opisanija v trudah o. Iakinf (Bichurina) = Linguistic commenting as one of the methods of ethnographic description in the works of Fr. Iakinf (Bichurin)// Kommunikativnye issledovanija. 2018. № 4 (18). S. 157–164. DOI: 10.25513/2413- 6182.2018.4.157-164.

16. Shmidt P. P. Opyt mandarinskoj grammatiki s tekstami dlja uprazhnenij = Experience of Mandarin grammar with texts for exercises Vladivostok : Tipografija T-va Sushhinskij i K, 1902. 208 s.

17. Jahontov S. E. Drevnekitajskij jazyk = Ancient Chinese language Moskva : Nauka, 1965. 115 s.

18. 《辩字诀》研究. URL: <http://zazhijie.com/paper/wx1w/714.html> (дата обращения: 05.02.2020).

19. 李伟丽. 尼·雅·比丘林及其汉学研究. 北京 : 学苑出版社, 2007. 179页.

20. 闫华. 汉文启蒙 研究. 北京 : 人民出版社, 2015. 424页.

УДК 821.161.1

Ван Цяньцянь

<https://orcid.org/0000-0003-0742-3033>

Т. Ж. Калинина

<https://orcid.org/0000-0002-6823-2313>

**Пространственный нарратив в творчестве В. С. Маканина:
перевернутая ось мироздания**

Для цитирования: Ван Цяньцянь, Калинина Т. Ж. Пространственный нарратив в творчестве В. С. Маканина: перевернутая ось мироздания // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 87–104. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-87-104

Статья посвящена анализу пространственной структуры в творчестве Владимира Маканина в таких произведениях как «Долог наш путь...», «Лаз», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине», «Андеграунд, или Герой нашего времени», данные тексты рассматриваются с точки зрения концепции пространственного нарратива. Авторами отмечается, что со второй половины прошлого века в сфере гуманитарных наук наметился поворот в толковании функции пространства в художественном тексте, в науку вошло понятие «пространственный нарратив». Если традиционная нарративная теория придавала большое значение временному измерению, пространство было просто фоном, то во многих модернистских и постмодернистских произведениях, по мере преодоления традиционного толкования категории времени, пространственное измерение заняло ничуть не меньшее место в структуре текста, чем ранее временное измерение, что наблюдается в большинстве произведений В. С. Маканина: будучи необходимым элементом, пространство участвует в продвижении сюжета, создании образов персонажей и организации самой формы произведения. Писатель ставит проблему сохранения индивидуальности героем, его личностной целостности и самоидентичности. В этих произведениях В. С. Маканин особым способом создает разнообразные пространственные миры, и благодаря пространственным образам герои В. С. Маканина с переменным успехом ищут путь сохранения собственного «я» в этой жизни. В статье также представлен краткий обзор изучения творчества В. С. Маканина в китайском литературоведении.

Ключевые слова: В. С. Маканин, пространственная форма, пространственный нарратив, фрактальный нарратив, личность, двоимирие, абсурд, гипербола.

Wang Qianqian, T. Z. Kalinina

**Spatial narrative in the works of V. S. Makanin:
the inverted axis of the universe**

The article is devoted to the analysis of the spatial structure in the works of Vladimir Makanin, in works such as “Our Way is Long...”, “Laze”, “Table covered with the cloth and with the water-bottle in the middle”, “Underground, or Hero of our time”, these texts are considered from the point of view of the concept of spatial narrative. The authors note that from the second half of the last century in the field of the humanities there was a turn in the interpretation of the function of space in the literary text, the concept “spatial narrative” was included in science. If traditional narrative theory attached great importance to temporal measurement, space was simply a background, then in many modernist and postmodern works, as the traditional interpretation of the time category was overcome, the spatial dimension took no less place in the structure of the text than the previously temporal dimension, which is observed in most of Makanin's works: being a necessary element, space participates in the promotion of the plot, the creation of character images and the organization of the form of the work itself. The writer poses the problem of maintaining individuality as a hero, his personal integrity and self-identity. In these works, Makanin creates a variety of spatial worlds in a special way, and thanks to spatial images, Makanin's heroes with varying degree of success are looking for a way to preserve their own self in this life. The article also provides a brief overview of the study of V. Makanin's work in Chinese literary criticism.

Key words: Makanin, spatial form, spatial narrative, fractal narrative, personality, two-worldness, absurd, hyperbole.

Владимир Семёнович Маканин является значимой фигурой среди писателей современной русской литературы: «Он не просто мэтр, не просто самый плодовитый, публикуемый и награждаемый из “серьёзных” авторов нашей дней – он главный психоаналитик вся Руси <...>» [Амусин, 2010, с. 121]. Творчество Маканина разнообразно по стилю, эволюционирует с течением времени, откликается на новые литературные тенденции. Сам В. С. Маканин не причисляет себя к какому-либо литературному

направлению. Являясь во многом новатором, Маканин, одновременно, наследует определенные черты русской классической литературы.

Несомненно, такой писатель, как В. С. Маканин, и его творчество привлекает не только российских, но и зарубежных критиков и исследователей. Ведь «он оказался практически единственным литератором, который своим творчеством сумел склеить позвонки двух столетий, более того – двух контрастных эпох российского бытия» [Амусин, 2010, с. 138].

Изучение творчества писателя в китайском литературоведении началось с 80-х годов XX века. Его произведения, переведенные на китайский язык, постепенно входят в кругозор китайских читателей и русистов. Но исследовательская база в это время ограничивается несколькими рецензиями. В 1990-е годы внимание к творчеству Маканина возросло, что закономерно, поскольку за это время писателем были созданы такие литературные бестселлеры, как: «Лаз» (1991), «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993), «Кавказский пленный» (1997), «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) и др. Тем не менее, до первого десятилетия нашего века количество статей и диссертаций по творчеству В. С. Маканина в Китае невелико. Однако в последние годы тенденция изменилась – на В. С. Маканина обратили свое внимание следующие учёные: Дун Сяо, Ся Цюфэнь, Юй Шуанянь, Тянь Хунминь, Хоу Вэйхун.

Дун Сяо перевела повесть «Долог наш путь...», подчеркнув ее антиутопические черты. Заметила антиутопию в произведениях В. С. Маканина и Чжао Ян, посвятив автору параграф своей монографии «Подрыв и восстановление: об антиутопии в русской постмодернистской литературе» (《颠覆与重构:论俄罗斯后现代主义文学的反乌托邦性》).

Ся Цюфэнь написала рецензию на повесть «Стол, покрытый сукном и с графином посередине». Юй Шуанянь опубликовала несколько статей, посвященных анализу тематики, композиционному своеобразие и постмодернистским чертам в произведениях В. С. Маканина. Тянь Хунминь предложила литературно-лингвистический подход к анализу его творчества, выделив в текстах писателя несколько ключевых глаголов, имеющих особый смысл и многократно повторяющихся в его произведениях. Хоу Вэйхун в своей диссертации описала художественный стиль В. С. Маканина, перевела повесть «Отдушина», написала рецензию на роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» и взяла у писателя интервью. В своей книге «Современная русская проза» (《当代俄罗斯小说研究》) она рассмотрела роман «Андеграунд» как образец постреалистической литературы. Имя В. С. Маканина встречается во многих монографиях, посвященных современной русской литературе, занимая все более прочное место в плеяде современных русских классиков.

Однако далеко не все аспекты творчества писателя исследованы в достаточной степени. Интересы исследователей сосредоточены, в основном, на постмодернистских или постреалистических чертах творчества писателя, а также на анализе системы героев его произ-

ведений. В данной статье на материале наиболее знакомых китайским читателям текстов («Долог наш путь...», «Лаз», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» и «Андеграунд, или Герой нашего времени») мы предлагаем новый ракурс исследования – анализ произведений с точки зрения пространственной организации текста, а именно пространственно-нарратива.

Со второй половины прошлого века в сфере гуманитарных наук появилось множество теорий, касающихся значимости «пространственного измерения» в структуре художественного текста. Если ранее традиционная нарративная теория придавала большое значение временному аспекту текстов, а пространство было просто фоном для развития действия, «во многих модернистских, постмодернистских произведениях, по мере прорыва или подрыва в традиционном понимании времени, пространственное измерение приобретает иную значимость, поднимается на небывалую структурную и смыслообразующую высоту» [龙迪勇 ... , с. 7]. «Роман является и пространственной и временной конструкцией» [让·伊夫·塔迪埃 ... , с. 169]. Йозеф Франк считал, что модернистские литературные произведения по форме – это пространственность, они заменяют одновременность пространства последовательностью времени. Михаил Бахтин называл

такую «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1975, с. 264] хронотопом, то есть единством времени и пространства. Он писал: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин, 1975, с. 264]. Габриэль Зонан рассматривал нарративное пространство как целостность, которое можно вертикально делить на географическое, хронотопное и текстовое пространства, а горизонтально делить на общее пространство, пространственный комплекс и единицу пространства. Хотя разные учёные определяют пространство в повествовании по-разному, но все они выделяют два аспекта пространственного измерения: пространственный нарратив (по содержанию) и пространственную форму (по форме). Конечно, не всегда можно чётко определить их границы, так как во многих ситуациях пространство или разные прострественные образы играют важную

роль и в повествовании, и в создании формы текста. Соответственно, современные писатели уже не представляют пространство только как место действия, они активно используют его для представления времени, для организации структуры произведений, и даже для стимуляции нарративного процесса. Очевидно, что в современной литературе категория «пространства» стала использоваться как художественный прием или средство литературного мастерства» [龙迪勇 ... , с. 112]. Нам кажется, что в большинстве произведений В. С. Маканина мы сталкиваемся именно с таким использованием пространства. Эти произведения близки по времени создания и публикации, внутри них существует некая скрытая логическая связь – все они конструктивно, хоть и по-разному, связаны с категорией «пространства», имеют пространственную специфику, генерирующую структурно-смысловую каркас текстов, объединенных, таким образом, общей темой: поиск героем собственного жизненного пути и обретение внутренней свободы через пространственные образы.

Гастон Башляр в своей книге «Поэтика пространства» анализировал серию часто встречающихся пространственных образов, например, таких как дом, вышка, подполье и т. д., и отметил, что все они являются образами пространственных прототипов, значимых для

внутренней сущности человека. Упоминание дома часто вызывает чувство безопасности и теплоты, а образ подполья порождает ощущение душевной темноты и вызывает страх. Пространственный образ в большинстве случаев выполняет важную повествовательную функцию: несет на себе смысловую нагрузку текста или становится нарративным принципом развития событий. Такие образы в произведениях В. С. Маканина встречаются довольно часто. Зачастую пространственный образ появляется уже в заголовке произведения («Лаз», «Долог наш путь...», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине») и даже название романа «Андеграунд» отсылает к определению места). Поэтому нам кажется, что именно пространственные образы являются «ключами дешифровки» маканинских текстов.

Так, например, образ пути в заголовке повести «Долог наш путь...» представляет собой важный пространственный образ. Писатель пытается определить жизненный путь героя, на котором тот сможет сохранить самостоятельность и самодостаточность. Здесь путь-дорога, как писал М. М. Бахтин: «Это точка завязывания и место совершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: «жизненный путь», «вступить на новую дорогу», «исторический

путь» и проч.; метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени» [Бахтин, 1975, с. 275]. В этом произведении В. С. Маканин объединяет два времени и пространства, одно – реальное, другое – будущее, которое наступит через 200 лет. Пути-дороги разных времен и пространств пересекаются и перекликаются. В начале повествования молодой инженер прилетает в степь: «И правда, комбинат-полигон был близко, ну, километр, а по такой замечательной степи и по такой погоде хотелось пройти первый километр ногами, пошуршать травой, размяться мышцами после скованного сидения в самолете. В степи все просматривается прекрасно – была хорошо видна защитного цвета ограда-стена <...> Теперь ограда приближалась, ее можно было рассмотреть. Кирпичная, серая, с облупившейся серой краской. Вид стены, тянувшейся ровно и далеко-далеко. Стена не внушала так уж сразу мысль о строгости и охраняемости, хотя именно ее неброскость, облупленность и очевидная во все стороны очищенность пространства говорили, разумеется, о досмотре. <...> Стена как стена. Вот и ворота, – когда подъехали, стала перед глазами также неброская, сделанная полукругом над воротами надпись, как во всех таких закрытых и засекреченных местах, «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ»» [Маканин, 2018, с. 35]. Эту историю о будущем ком-

бинате-полигоне герой начал рассказывать, когда провожал Илью в больницу. И каждый раз в дороге он её продолжал и обогащал: «И ведь о чём-то надо говорить с человеком, когда провожаешь его в больницу» [Маканин, 2018, с. 54]. «Через день-два мы уже идем известной дорогой, огибая 16-этажные башни микрорайона. Больница несколько в отдалении. Она за оградой, за хорошей оградой, переделанная (перепрофилированная) из бывшего монастыря. <...> я вижу хорошо огражденное заведение, психиатрическую больницу. Издали она выглядит как крепость, где ранимый человек хочет укрыться от зла, которое захлестывает наш мир» [Маканин, 2018, с. 63]. Одна дорога тянется к загороженному злу – комбинату-полигону, а другая к защитной крепости героя от зла – психиатрической больнице. Первая невидимая дорога (воздушная линия) словно предвещает молодому человеку безвыходность положения, в котором он окажется, а другая, наоборот, – является предпосылкой рождения предыдущей истории и единственным путём, помогающим Илье временно избежать жестокой реальности. Очевидно, что дороги в повести играют важную нарративную и смыслогенерирующую роль. Кроме пути-дороги встречается еще один значимый пространственный образ – стена-ограда. Стена-ограда – это граница и предел, разделяющий общее пространство на две неравнозначные части. В мни-

мой истории зло окружено стеной, замкнуто в ней, а мир вне стены наполнен ложной добротой. В реальном же мире героев все наоборот: в стенах больницы не было зла, но за ее пределами находится огромное враждебное пространство, море зла. Эти образы создают симметричную эстетическую конструкцию. Два пути и их концы сопоставимы друг с другом в разных временах и пространствах, таким образом, они реализуют аллегория, заявленную в названии повести, раскрывают тему произведения: несмотря на то, что время быстро течёт и меняется, зло в мире живет вечно. Писатель открыл жестокую истину жизни – указал невозможность человечества отказаться от зла, а существование зла приводит к тому, что свобода индивидуальности становится абсолютно невозможной» [董晓 ... , с. 97]. Поэтому добрый и чувствительный герой Илья не смог выжить в реальном мире, и больница («спасительный монастырь») его не спасла. Его личность была слишком слабой и несамостоятельной, и поэтому, в конце концов, она была поглощена злом этого мира. А молодой человек из вымышленной истории бессрочно ждал самолёт. На стыке столетий «поток изменений обернулся половодьем, затопил все низины, снёс все опоры и барьеры, никого не оставил в прежнем положении» [Амусин, 2010, с. 255].

Другая повесть, также опубликованная в 1991 году, – «Лаз» – посвящена бурным историческим переменам, которые наносят человеческой душе сокрушительный удар и причиняют боль. «Для Маканина, как и для многих других, этот опыт оказался во многом травматическим. Но осмыслял он его, конечно, на собственный лад, корректируя (ни в коем случае не отбрасывая) в свете этого опыта свои мировоззренческие установки и обновляя художественные средства» [Амусин, 2010, с. 255-256]. Стиль этой повести тяготеет к абсурду и гиперболе, а пространственность в ней более наглядная. «Главный её жанрообразующий признак: хорошо знакомая читателю жизненная реальность инфицируется фантастическим, немислимим допущением или «очуждается» с помощью гротескных приёмов, гипербол, перенесения в иной хронотоп» [Амусин, 2010, с. 256]. Это действительно сложное и многозначное произведение, наполненное символикой и метафоричностью. Заявленный в заголовке повести пространственный образ лаза выполняет главную нарративную функцию. Без него повествованию не обойтись. Лаз представляет собой проход между двумя мирами (пространствами), то есть также является своеобразной дорогой или, по Бахтину, хронотопом пути-дороги. «Хронотоп «Лаза» имеет биполярную структуру. Читатель оказывается в ближайшем будущем, где жизнь раско-

лолась на две части: город (если смотреть шире – страна, мир), пргруженный в хаос, и светлое подполье, которое соединяется с поверхностью узким лазом» [Токаренко, 2014, с. 31–32]. Верхний мир, нижний мир и соединяющий их лаз образуют образную пространственную конструкцию «песочных часов». Лаз равнозначен отверстию, сквозь которое «сыплется» время-песок. Образ лаза является «медиатором», соединяющим разные пространства – верх и низ. Сквозь него герой Ключарев может переходить из одного хронотопа в другой. Наверху в городе живут семья героя и его друзья. В этом мире днём пусто, а вечером опасно, люди здесь находятся в состоянии постоянного беспокойства. «Но нет людей – нет и опасности. На улице тепло. Вечерет. Но еще не ночь. Ощущение уличного тепла таково, что вот-вот раздастся свист и хлынут толпой некие люди, а с ними, как знать, убийства, грабежи, погромы слабых...» [Маканин, 2018, с. 123]. И каждый раз, когда герой проходит сквозь лаз, он оказывается в тёплом, светлом и шумном погребке некоего нижнего мира. Здесь люди пьют, разговаривают о том, о сём, приятельски машут ему рукой и приглашают к столу. Он сразу может к ним присоединиться. Люди здесь часто разговаривают о русской литературе, о Слове, здесь Ключарев чувствует себя, «...как рыба, вновь попавшая в воду, он оживает: за этим и спус-

кался» [Маканин, 2018, с. 151]. Видимо, нижнее пространство является своеобразным раем, хотя здешние люди умирают, но умирают почему-то легче. Как ни странно, подземный мир – это «святое пространство» для героя. Когда ему нужна помощь, он обязательно старается спуститься вниз. Он даже не столько любит светлое подземелье, сколько привязан к тёплым отношениям, царящим здесь между людьми. Ключарев не хочет потерять свою личность, слившись с толпой, но хочет получить поддержку со стороны коллектива. Так в произведении появляются мотивы противостояния личности (индивидуальности) и толпы (коллектива), и эта тема становится лейтмотивом всего творчества Маканина.

Проход между двумя пространствами нестабилен: иногда он широкий и удобный, можно свободно проходить, у героя не возникает никаких хлопот и беспокойства. Но зачастую переход в нижний мир не легок, иногда даже невозможен. «Ногами вниз (как обычно) лезть безопаснее, но так теперь далеко не пролезешь; ноги слепы. Ключарев нервничает, решает рискнуть: он вползает головой вниз. Прилив крови неприятен. (И опасен.) <...> Как стиснулась горловина лаза! Нет, не пролезть... Вероятно, Ключарев сможет лишь немного втиснуть туда голову, так как смещение пласта привело в этом узком месте уже не к изогнутости, а к излому лаза, и не может же Ключарев и

точно ползти как червь; у человека тело прямое. Но голову он втискивает. Через шум крови в висках и в ушах он различает теперь слабый гул погребка, звуки застолья и мало-помалу голоса. И уже ясно, что если он продвинется еще немного, то, скорее всего, погибнет, потому что не сумеет выбраться назад. Стоп. Не шевелись» [Маканин, 2018, с. 141]. В действительности время пребывания героя в лазе было недолгим, но субъективно оно растягивается. Размер лаза также связан с категорией времени. Лаз из пространственной модели становится знаком времени, «произвольно изменяющиеся параметры лаза можно связать с неисповедимостью жизни вообще. Лаз – как символ судьбы <...> Но самый общий символический смысл этого образа – функция соединения двух миров, указание на неоднородность человеческой природы и природы, намек на то, что плоскость борьбы за существование, нужды, несвободы, отчаяния дополняется – пусть в умозрении – сферой, где существуют понимание и солидарность, где действителен «принцип надежды»» [Амусин, 2010, с. 266]. Хотя будущее видится мрачным и печальным, в глубине души писателя живет маленькая искра надежды.

Существует несколько версий, объясняющих символический смысл двоимирия: «Можно понять дело так, что «верх» – это реальность, а «низ» – мечта <...> Можно заключить, что «верх» – постылое и

непреложное настоящее; тогда «низ» – согретое и приукрашенное ностальгией прошлое, да-да, стабильное и самодостаточное советское прошлое» [Амусин, 2010, с. 259]. С исторической точки зрения, можно считать нижний мир Европой: «Разбилась утопическая иллюзия о свободном и обильном эмиграционном мире через особенно символическое описание «верха» и «низа»» [赵杨 ... , с. 187].

Оппозиция «верх» – «низ» также тесно связана с антиномией «свет» – «тьма», причём мироздание, по Маканину, перевернуто с ног на голову: наверху царит мрак, а подземный город светел и ярок» [Токаренко, 2014, с. 29]. Такая непривычная сознанию людей перевернутость пространства организует пространственную ось в творчестве Маканина. Несомненно, пространственные образы делают текст многозначным, оставляя широкое интерпретационное поле для читателя. Существование лаза заставляет героя выбрать путь: верх или низ. В конце концов, он выбирает ответственность, остается в страшном верхнем мире, стремясь при этом к сохранению личности. Но он часто думает о нижнем мире, черпает оттуда душевные силы.

Через два года Маканин опубликовал повесть «Стол, покрытый сукном и с графином посередине». Это произведение было удостоено премии «Букер». Данное произведение – незаурядный образец лите-

ратуры потока сознания. Пространственный вопрос в романах потока сознания так же важен, как и в романах других типов: ««Поток сознания» в романах потока сознания, безусловно, является параметром времени, но он одновременно и пространственный параметр, более того, любой поток сознания требует определенного пространственного объекта в качестве отправной точки, таким пространственный объектом может стать дом, ступенька, чашка ... » [龙迪勇 ... , с. 127]. А в данной повести источником потока сознания и нарративным пространственным образом является стол, покрытый сукном и с графином посередине. В тексте нет сложного сюжета, нет конкретных указаний на узнаваемый хронотоп. Повесть составлена из различных фрагментов воспоминаний и иллюзий героя, связанных со столом (этот стол не обычный, это стол, за которым происходят допросы). Тянь Хунминь также заметила важность предметной детали в этой повести, назвала её «повестью предметов». Она писала: «...предмет превратился в онтологическое описание» [田洪敏 ... , с. 60]. Предмет в повести становится не только героем, но и рассказчиком, у стола есть своеобразная память о прошедшем. Можно сказать, в этом тексте два главных героя – «я» и стол. Жизнь героя состоит из бесконечной череды допросов. Стоит только покрыть стол сукном и поставить графин, как

пространство меняет свою функцию – обретает иную власть – становится обобщенным хронотопом, связанным с допросами. Садясь за этот «чудесный» стол, обычные люди сразу становятся участниками допроса: допрашивающими или допрашиваемыми, задают самые разные вопросы – обычные или невероятные, пытаются докопаться до самых глубин допрашиваемого человека, сидящего напротив них за этим столом. «Маканин, как уже сказано, стремится представить центральную ситуацию повести, ситуацию допроса, переходящего в суд, максимально обобщенной, сопровождающей героя, да и не его одного, постоянно. Допрос становится атрибутом жизни» [Амусин, 2010, с. 273]. Поэтому когда герой узнает, что завтра будет допрос, он не может уснуть. Его нестройные мысли о столе, о разных допросах показывают, что он хорошо знаком с сущностью допроса и боится его. Ужас и страх допроса заключен в том, что это «не суд, а, так сказать, спрос по всем пунктам и именно с целью зацепить за что-либо и тебя ухватить», [Маканин, 2012, с. 93] «оттого и привлекают человека к ответу за все поступки в его жизни» [Маканин, 2012, с. 107]. А сила стола в том, что «стол связан с подвалом» [Маканин, 2012, с. 100]. Стол, как участник процесса, фиксирует всё, что происходило за ним и вокруг него. Поэтому он становится главным героем (рассказчиком) повести, а «я» играет роль за-

кадрового голоса. «Помнят ли люди, сидящие за столом, свою незримую связь с подвалами? <...> Зато вместо них (вместо сидящих) помнит сам стол <...> Старый стол стоит себе среди ночи и всё помнит (он и сейчас стоит где-то). Вспомнив, стол хочет в ночной тишине пообщаться с подвалом (полюбопытствовать, как там и что) – он начинает вдвигаться через скрипучие двери. Косячком, торцом стол протискивается и проталкивается наконец в ночной подвал. Как бы входит в него. Он хочет на миг совпасть, совместиться – такое вот движение образа в образ» [Маканин, 2012, с. 101-102]. Рассказы стола и героя взаимно дополняют друг друга, рисуют нам панораму подавления личности социумом, коллективом. Посередине этой картины, конечно, стоит стол, покрытый сукном и с графином, который сконцентрировал в себе историю «инквизиции». Перед лицом стола герой сопротивлялся много раз, но ничего не получилось. Если допрос – это неизбежная судьба, тогда герой предпочитает сидеть по другую сторону стола, он захотел хотя бы раз испытать чувство не допрашиваемого, а допрашивающего. Но из-за чрезмерного возбуждения его сердце не выдержало.

Андеграунд в художественном мире В. С. Маканина – единственная среда, в которой возможно сохранить себя. В предыдущих произведениях Маканина герой лишь пытался сохранить свою личность,

отыскать свободу индивидуальности в подневольной среде. Однако эта попытка сопротивления коллективному не увенчалась успехом. В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» протагонист проходит путь обретения своего «я» до конца.

Роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» имеет непростую конструкцию и сложен по содержанию. Можно сказать, это произведение – итог предшествующего творческого этапа автора, «в рамках внутренней эволюции писателя это веха важная» [Амусин, 2008]. Уже название романа демонстрирует очевидные интертекстуальные связи с различными произведениями XIX и XX веков. Кроме того, он содержит аллюзии на другие тексты В. С. Маканина: в романе отражен сюжет драки, мотив стоящего в очереди и мотив допроса («Стол...»), образы психиатрической больницы («Долог наш путь...» и «Стол...»), поднимаются вопросы о литературе и Слове («Лаз») и т. д. «Недаром внутри его творчества довольно естественно выделяются циклы – именно в масштабе цикла автор отшлифовывает своё видение темы, свою заветную мысль – “идеобраз”, поворачивает её к читателю разными гранями...» [Амусин, 2008]. Поэтому целесообразно рассматривать предыдущие произведения, затрагивающие общие темы такие как, например, бытие человека, обыкновенная жизнь в постсоветское вре-

мя, добро и зло, индивидуальность и коллектив, – как целостную систему нарратива или попросту как цикл. Этот цикл посвящен изучению глубокой душевной раны, нанесенной обычным людям бурными 90-ми, вместе с тем здесь и преодоление этой боли: приобретение героями жизненной закалки и их духовный рост.

Можно сказать без преувеличения, что роман «Андеграунд» – это энциклопедия о людях советского и постсоветского периодов. «Роман этот – спутанный клубок, в который упакованы тридцать с лишним лет советской и постсоветской действительности. И из клубка вытягиваются по воле автора ниточки мотивов и сюжетов – “Тысяча и одна ночь”» [Амусин, 2008]. Поэтому в рамках данной статьи невозможно дать всесторонний анализ романа. Рассмотрим его как текст, дешифрующийся «ключом» пространственных образов.

Прежде всего, заголовок романа интертекстуально связывает нас с образом «подполья». Автор употребил английское слово «андеграунд» вместо слова «подполье» по видимым причинам, но не исключил аллюзии на произведения, связанные с подпольем. Поэтому роман можно считать неким продолжением «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского. Слово «андеграунд» в названии обусловлено, во-первых, тем, что в этом романе герой живёт не в условиях действительного подполья, а, во-вторых, герой, будучи продол-

жателем дела человека из подполья, наделяется новыми чертами.

Герой романа – человек из андеграунда (агэшник), принадлежащий кругу литературы и искусства, но не получивший официального признания, его произведения не опубликованы. Обычно такие люди живут в нищенских условиях, часто в подвальных или полуподвальных помещениях, терпят голод и бедность, находятся, так сказать, на дне общества, составляют разительный контраст богатым и престижным верхам. Протагонист Петрович – один из таких людей, по духовному статусу он писатель из подполья, андеграунда, а по жизненному статусу он бомж, работает сторожем. Самое привычное для него жизненное пространство – это общага, которая тесно связана с его состоянием андеграундного существования. Раньше Петрович болтался по разным местам, и наконец, поселился в общаге, нашел своё «гнездо». Это место для него – «святое пространство», как и для множества подобных ему людей: «все эти места обладают необычным, ни с чем несравнимым смыслом. Эти места являются их “святыней” в личном космосе, их “святым пространством”, порождающим смысл жизни. Словно на этих местах они получили откровение о реальности, поэтому в обыкновенной жизни эти места для них чрезвычайно значимы» [龙迪勇 ... , с. 115]. Общага для героя именно такое место, а

пространство вне её – чужое пространство, причиняющее ему страдания. Хотя в общаге Петрович не всегда встречает доброжелательность со стороны жильцов, но это его «рай», где, как он сам сказал: «я был нужен» [Маканин, 1998, с. 10]. Общага для героя и здешних жителей представляет собой большое пространство, которое можно делить на множество подпространств: квартиры жителей и коридор Петровича. Каждое такое подпространство является отдельным хронотопом. В тысячах квартир существуют тысячи жизненных «космосов». В. С. Маканин использовал эту пространственную структуру и методы нарратива для преодоления ограниченности линейной структуры языка, сопоставил различные жизненные эпизоды, показал сложность и разнообразие жизни. Здесь в непрерывном течении времени происходит множество одновременных событий – это истинный облик реального мира. Разные исследователи по-разному интерпретируют символическое значение пространственного образа общаги. Кто-то считает, что «...общага рассматривается автором как метафора мира» [Аль Шувайли, 2017, с. 32], кто-то думает, что «это метафора современной андеграундной среды» [赵雪华 ... , с. 60] в широком смысле, так как символизирует собой обобщённую среду обитания всех андеграундных людей, живущих как в этом здании, так и за его пре-

делами. Как бы там ни было, очевидно одно – образ общаги, как пространства, обладает высокой степенью обобщения и абстрактности. Общага – это тогдашняя общественная жизнь в миниатюре. Каждое событие, происходящее в маленьком пространстве каждого жителя, практически показывает нам все возможные альтернативы, которые может выбрать человек в данных исторических условиях. Протагонист Петрович – лишь маленькое «судно в море», у него нет своей квартиры, нет своего личного пространства, у него есть только длинные и перекрещивающиеся коридоры. Образ коридора – символ пути, метафора жизни. Коридоры тянутся в разные квартиры, в разных направлениях, открывая впереди и оставляя позади разнообразные образы жизни. Образ коридора также напоминает лабиринт, символизирует неопределённость будущего. Никто не знает, куда движется человеческое общество. Более того, коридорное пространство является, по Бахтину, хронотопом пути и хронотопом встречи. В коридорах всегда могут встречаться неожиданные люди, это «место соприкосновения личного пространства и общественного, главный пояс социального контакта и общения, ещё производное место противоречия» [赵雪华 ... , с. 84]. Поэтому коридоры становятся важным средством взаимодействия жителей, способом общения с разными

ми людьми. Однако у каждого жителя помимо коридоров есть свое закрытое личное пространство, а у Петровича только общественное пространство, что делает его по сравнению с ними более свободным. Таким образом, пространственный образ общаги представляет собой действительно сложную систему хронотопов: «В пределах одного произведения и в пределах творчества одного автора мы наблюдаем множество хронотопов и сложные, специфические для данного произведения или автора взаимоотношения между ними, причем обычно один из них является объемлющим, или доминантным (их-то мы главным образом анализировали здесь). Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях» [Бахтин, 1975, с. 283-284].

Когда Петрович из-за убийства и приватизации квартиры вытесняется «из общажного «рая», герой быстро катится вниз по социальной лестнице, испытывая параллельно все большую душевную смуту» [Амусин, 2010, с. 313]. Он последовательно попадает в пространства бомжатника и больницы. Бомжатник – лишь временное убежище – убогое и грязное, которое не может стать гнездом. Больница – это самое трагическое место, с ней связан наиболее напряженный сюжет. Здесь уже четверть века обитает

брат Петровича, спрятавшийся в больнице от преследования властей, когда-то он был подающим большие надежды талантом, а теперь он залеченный до состояния младенца сумасшедший. Именно в этом пространстве личность проходит самые суровые испытания: «Начинается следующий этап борьбы за сохранение личности. Главы, посвященные пребыванию героя в «психушке» – одни из самых тягостных, безысходных в романе. Автор действует тут по известному принципу «мрачно – мрачнее – максимально мрачно – ещё мрачнее». Казалось бы, очутившись в больничной палате, среди дебилов и шизофреников, напичканных лекарствами, Петрович достиг дна. Ан нет, выясняется, что протекающая здесь жизнь – многодонна» [Амусин, 2010, с. 314]. Оказавшись в самой страшной «Палате номер раз», соединив последние силы и остатки воли, герой поднимается на сопротивление, на борьбу за свое «я». Этот сюжет напоминает повесть «Стол...», где телесная и духовная ущербность находятся в противоположном соотношении. После больницы Петрович снова возвращается в знакомую общагу, и его душа становится сильнее.

Кроме системы описанных пространственных образов В. С. Маканин строит скрытую пространственную схему, связанную с героями-двойникам: первый двойник главного героя – господин Смоликов, уже обретший литературную

известность, другой – бывший андеграундный писатель Зыков, а третий – брат героя Веня. Своими судьбами они дополняют образ героя, исчерпывая все альтернативные пути его развития. Можно рассматривать этих людей как разные отражения «Петровича», сделавшего разные выборы в одинаковых изначальных условиях. «Двойники Маканина – это варианты судьбы главного героя, несостоявшиеся варианты его возможной жизни» [Аль Шувайли, 2017, с. 33]. Это средство повествования похоже на «фрактальный нарратив», который берет начало во фрактальной геометрии. «Фрактальный нарратив» может передать сложность мира, преодолеть традиционный нарративный порядок организации текста по принципу однозначной причинно-следственной связи, где одна причина порождает только одно следствие. «В каждой точке, предполагающей вариативность человеческого существования, появляется поток энергии, создающий многообразное будущее <...> поэтому структура «фрактальный нарратив» воплощает модель подобный «фрактальному дереву». Именно поэтому мы считаем, что «фрактальный нарратив» является одним из видов «пространственного нарратива»» [龙迪勇 ... , с. 234]. Смоликов, по мнению Петровича, совершенно презренный предатель андеграунда. Герой отказывается становится таким человеком. А когда

Зыков, в некотором смысле, его бывший друг, стал известным, поднялся, вышел из андеграунда, то «...со всех сторон его закрепили. Камень на шее. Ярмо» [Маканин, 1998, с. 282]. Поэтому о жизни вне андеграунда Петрович также не мечтает.

Его бедный брат Веня, все еще принадлежащий, по сути, андеграундной группе, сломлен системой, растоптавшей гордость молодого гениального художника. Это пример неуспешного жизненного пути и потери себя. Маканин, таким образом, создал вариативный образ героя и доказал, что выбор Петровича – единственно правильный. Герой сам отказал от других альтернатив, утвердился в своём выборе. Он бросил всё: работу, квартиру, любовь, славу, творчество, чтобы сохранить свою индивидуальность. И он действительно защитил свое «я», реализовав смыслы, заложенные во второй части заголовка романа. Он стал Героем нашего времени.

Таким образом, сохранение индивидуальности (личности) – одна из самых важных тем в творчестве В. С. Маканина. Со временем он выработает своеобразный стиль и технику, в рамках ограниченного объема текста создавая пространственную структуру нарратива. Будучи необходимым фоновым элементом текста, пространство у В. С. Маканина также движет сюжетом, создает образы персонажей и играет очень важную смыслообразующую роль в структуре текста.

Автор заставляет героя задавать вопросы и искать на них ответы. После длительного поиска и бесплодных попыток ответить на вопрос о том, что такое «я» и как сохранить личность, герой «Андеграунда» выясняет, что только среда «подземелья» позволяет человеку остаться собой. Хотя, в конце концов, его герой защитил личную свободу и собственное «я», остав-

шись в «подполье», разве такой финал не жалок? Получается, что в текстах В. С. Маканина ось «верх-низ», на которой основывается мироздание, перевернута, и от этого, весь мир и смыслы в нем тоже перевернуты. Пространственные образы в произведениях Маканина конструируют такую модель мира, где герой борется за свое «я» в условиях «вывороченности» жизни.

Библиографический список

1. Аль Шувайли Х. А. К. Интертекстуальная поэтика романа В. Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени» // Наука и Мир. 2017. Т. 2, №1. С. 29-36.
2. Амусин М. Ф. Алхимия повседневности: Очерк творчества Владимира Маканина. Москва : Эксмо, 2010. 445 с.
3. Амусин М. Ф. Не-юбилейное // Звезда. 2007. №3. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/3/ne-yubilejnoe.html>. (Дата обращения: 12.08.2020).
4. Амусин М. Ф. Осень патриархов // Новый Мир. 2008. №10. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2008/10/osen-patriarhov.html. (Дата обращения: 20.08.2020).
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва : Художественная литература, 1975.
6. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени. Москва : Эксмо, 1998. 630 с.
7. Маканин В. За чертой милосердия. Долог наш путь... / Маканин В. Антиутопия. Москва : Эксмо, 2018. 384 с.
8. Маканин В. Стол, покрытый сукном и с графином посередине / Маканин В. Прямая линия. Москва : Эксмо, 2012. 270 с.
9. Токаренко А. А. Художественный конфликт в повести В.С.Маканина «Лаз» // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2014. №1. С. 31–32.
10. Bal, Mieke. Narratology: Introducing to the Theory of Narrative (Fourth Edition). Toronto : UNIVERSITY OF TORONRO PRESS, 2017. С.124.

11. 董晓：《从〈我们〉到〈长路漫漫〉：跨越70年的呼应—兼论20世纪俄罗斯文学中反乌托邦精神的嬗变与回归》[J] // 南京师范大学文学院学报，2018年第3期，第38页.
12. 龙迪勇：《空间叙事学》[M]，北京：生活·读书·新知三联书店，2015年
13. 让·伊夫·塔迪埃：《普鲁斯特和小说》[M]，桂裕芳、王森译，上海：上海译文出版社，1992年，第224页.
14. 田洪敏：《当代俄罗斯文学中的物性书写：以弗·马卡宁为中心》[J] // 外国文学研究，2017年第6期，第60页.
15. 赵雪华：《论长篇小说〈地下人，或当代英雄〉的艺术时空—弗·马卡宁的后现实主义创作研究》[D]，黑龙江大学，2015.
16. 赵杨：《颠覆与重构—论俄罗斯后现代主义文学的反乌托邦性》[M]，黑龙江人民出版社，2009年，第144页.

Reference list

1. Al' Shuvajli H. A. K. Intertekstual'naja pojetika romana V. Makanina "Andegraund, ili geroj nashego vremeni" = Intertextual poetics of V. Makanin's novel "Underground, or the hero of our time" // Nauka i Mir. 2017. T. 2, №1. С. 29-36.
2. Amusin M. F. Alhimija povsednevnosti: ocherk tvorchestva Vladimira Makanina = The alchemy of everyday Life: an essay on the creativity of Vladimir Makanin. Moskva : Jeksmo, 2010. 445 s.
3. Amusin M. F. Ne-jubilejnoe = Non-anniversary // Zvezda. 2007. №3. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/3/ne-yubilejnoe.html>. (Data obrashhenija: 12.08.2020).
4. Amusin M. F. Osen' patriarhov = Autumn of the Patriarchs // Novyj Mir. 2008. №10. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2008/10/osen-patriarhov.html. (Data obrashhenija: 20.08.2020).
5. Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki = Literature and aesthetics Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975.
6. 6.Makanin V. Andegraund, ili Geroj nashego vremeni = Under-ground, or Hero of our time Moskva : Jeksmo, 1998. 630 s.
7. Makanin V. Za chertoj miloserdija. Dolog nash put'... Pod zemlej, ili Geroj nashego vremeni = Beyond the line of mercy. Our path is long ... Under

the ground, or the Hero of our time / Makanin V. Antiutopija. Moskva : Jeksmo, 2018. 384 s.

8. Makanin V. Stol, pokrytyj suknom i s grafinom poseredine = Table covered with cloth and with water-bottle in the middle / Makanin V. Prjamaja linija. Moskva : Jeksmo, 2012. 270 s.

9. Tokarenko A. A. Hudozhestvennyj konflikt v povesti V.S.Makanina "Laz" = Artistic conflict in the story of V. S. Makanin "Laze" // Vestnik RUDN. Serija Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2014. №1.

10. Bal, Mieke. Narratology: Introducing to the Theory of Narrative (Fourth Edition). Toronto : UNIVERSITY OF TORONRO PRESS, 2017. C. 124.

11. 董晓：《从〈我们〉到〈长路漫漫〉：跨越70年的呼应—兼论20世纪俄罗斯文学中反乌托邦精神的嬗变与回归》[J] // 南京师范大学文学院学报，2018年第3期，第38页。

12. 龙迪勇：《空间叙事学》[M]，北京：生活·读书·新知三联书店，2015年

13. 让·伊夫·塔迪埃：《普鲁斯特和小说》[M]，桂裕芳、王森译，上海：上海译文出版社，1992年，第224页。

14. 田洪敏：《当代俄罗斯文学中的物性书写：以弗·马卡宁为中心》[J] // 外国文学研究，2017年第6期，第60页。

15. 赵雪华：《论长篇小说〈地下人，或当代英雄〉的艺术时空—弗·马卡宁的后现实主义创作研究》[D]，黑龙江大学，2015。

16. 赵杨：《颠覆与重构—论俄罗斯后现代主义文学的反乌托邦性》[M]，黑龙江人民出版社，2009年，第144页。

УДК 821.581; 821.16

Е. М. Болдырева

<https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

Е. В. Асафьева

<https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

«О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. «О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 105–121. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-105-121

Статья посвящена анализу символического потенциала вечного образа тигра в китайской и русской поэзии. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох рассматривается своеобразие художественной репрезентации образа тигра в лирических текстах и выявляется широкий спектр его символических значений: тигр как символ жестокости, властолюбия и одновременно отваги и чести, стремления к правде, свободе и справедливости (Го Можо), символ разрушения и опасности (Юй Чжи), символ надвигающегося хаоса и предвестник грядущего апокалипсиса, духовной и физической смерти (Сюй Чжи-Мо), символ буржуазной культуры, олицетворение жадности и порочности монархического общества и его правителей, «темного» прошлого России (Цзян Гуамцы), символ воли к свободе и независимости, протеста и упорства (Ню Хань), символ пережитых яростных трагедий прошлого (Ду Фу), символ древнего божества (П Коган), символ стремления к холодной и опасной свободе и отвержения сытой и безопасной жизни в клетке зоопарка (Э. Асадов), аналог древнего китайского божества, великий огнедышащий полководец, символ свободы и торжества жизни и красоты, а также мудрости и спокойствия (И. Сельвинский). В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу зооморфных реалий (волк, змея, лисы, крысы) и историко-мифологических персонажей (жестокий и беспощадный ханьский правитель У-ди, честный и благородный рыцарь Ли Юй и др.). Образ тигра рассматривается как амбивалентная сущность, сочетающая в себе

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2020

противоположные качества и символические значения: жестокость, природную разрушительную силу и мудрость, осторожность, отвагу, страсть, свободолюбие.

Ключевые слова: культурный символ, вечный образ, мифология, образ тигра, аллегория, амбивалентная сущность, русская лирика, китайская лирика, лирический герой.

CULTURAL SCIENCE

E. M. Boldyreva, E. V. Asafieva

“Oh lackluster tiger, magnificent tiger!”: the image of a tiger as a symbol of national culture in chinese and russian poetry

The article is devoted to the analysis of the symbolic potential of the eternal image of the tiger in Chinese and Russian poetry. On the example of the works of Chinese and Russian poets of different eras, the peculiarity of the artistic representation of the image of the tiger in lyrical texts is considered and a wide range of its symbolic meanings is revealed: tiger as a symbol of cruelty, power love and at the same time courage and honor, desire for the truth, freedom and justice (Guo Moruo), a symbol of destruction and danger (Yu Zhi), a symbol of impending chaos and a harbinger of the upcoming apocalypse, spiritual and physical death (Xu Zhi-Mo), a symbol of bourgeois culture, the personification of the greed and depravity of monarchist society and its rulers, the “dark” past of Russia (Jiang Guamtsi), a symbol of the will to freedom and independence, protest and perseverance (Nu Han), a symbol of experienced fierce tragedies of the past (Du Fu), a symbol of an ancient deity (P Kogan), a symbol of the desire for cold and dangerous freedom and the rejection of a well-fed and safe life in a zoo cage (E. Sadov), an analogue of the ancient Chinese deity, a great fire-breathing commander, a symbol of freedom and the triumph of life and beauty, as well as wisdom and calm (I. Selvinsky). In the process of analysis, attention is drawn to the change in the symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation, from the zoomorphic realities accompanying the key symbol (wolf, snake, fox, rat) and historical and mythological characters (cruel and merciless Han ruler Wu-di, honest and noble knight Li Yu, etc.). The image of the tiger is considered as an ambivalent entity, combining opposite qualities and symbolic meanings: cruelty, natural destructive power and wisdom, caution, courage, passion, freedom love.

Key words: cultural symbol, eternal image, mythology, tiger image, allegory, ambivalent essence, russian lyrics, chinese lyrics, lyrical hero.

«Тигр, тигр, жгучий страх,/Ты
горишь в ночных лесах./Чей бес-
смертный взор, любя,/Создал
страшного тебя?» – в этих строках
из прославленного стихотворения

Уильяма Блейка «Тигр» темная,
смутная, неизвестная, враждебная
сила предстает перед нами в вели-
чественном образе огненного тиг-
ра, который озаряет мрак ночи.

Тигр – олицетворение зла, одновременно страшного и прекрасного в своей силе, и не случайно именно тигр как один из самых сложных и неоднозначных символов в мировой культуре стал мощным катализатором лирического вдохновения и объектом эстетической рефлексии многих творцов, замороженных, как и Блейк, его Fearful symmetry.

Тигр – древнее животное, которое почитают во многих странах, в особенности в тех, где он обитает, и во многих исследованиях рассматривается. Образ несет в себе множество коннотаций [Аверинцев, 1989; Гура, 1997; Заянчковский, 1991; Меркулова, 2015], олицетворяя как силу, так и жестокость, как мудрость, так и природную неконтролируемую ярость, как грацию и изящество, так и физическую мощь. Он может быть и защитником, и разрушителем. Практически все национальные культуры отражают амбивалентность данного образа, детерминированную, очевидно, необычным окрасом животного. Рыже-черный (бело-черный) окрас символизирует Инь и Янь, создавая полноценный образ, совмещающий в себе противоположные грани мироздания. Так, в Европе тигр символизирует кровожадность и одновременно с этим силу, отвагу, бесстрашие. На Дальнем Востоке коннотации данного образа в большей степени позитивные, поскольку тигр является олицетворением благородства и благополучия. В культуре Азии и Индии тигр символи-

зирует величие и дикую силу, может быть защитником, а может, наоборот, нести беды и разрушения людям.

Наиболее ярко образ тигра представлен в культуре Китая [段士秀, 2001; 刘春景, 2005; 刘光准、黄苏华, 1999; 穆重怀, 2003; Ващенко, 1998; Голыгина 1995; Михайлова, 2016; Сидорова, Баоянь, 2017]. Как и в большинстве культур, символика данного образа имеет двойственную природу. С одной стороны, исследователи обращают внимание на Бай Ху – дух Белого тигра, покровителя страны мертвых. Этот образ охранял стены храмов на Западе Китая и служил защитником от злых духов. Несмотря на то, что Дух Белого Тигра являлся покровителем науки, он был в большей степени воинственным и нес разрушение и погибель всякому, кто нарушал гармонию и покой Запада. С другой стороны – Шан-Жен-Мет-Вэй (Истинный Дух Гор и Лесов), воплощающий мудрость, императорскую власть, силу, гармонию и красоту. Что касается русской культуры, то, несмотря на то, что образ тигра вряд ли можно назвать ключевым культурным кодом для русской нации, тем не менее он широко представлен в геральдике, живописи, и, что более важно, в стихотворениях русских поэтов, таких как И. Сельвинский, Э. Асадов, П. Коган и др. В нашей статье мы рассмотрим своеобразие художе-

ственной репрезентации образа тигра как символа национальной культуры в творчестве русских и китайских поэтов.

«Тигриный дискурс» русской и китайской поэзии включает в себя стихотворения двух типов. В одних животное представляет собой совокупность жестокости и природной звериной разрушительной силы, способной сокрушить не только человека, но и других представителей фауны. В других тигр сочетает в себе такие качества как мудрость, осторожность, отвагу, страсть, свободолюбие. Все эти качества, на наш взгляд, характеризуют не собственно животное, а национальные качества и мировоззрение представителей народов Китая и России.

Все грани символа Духа Белого Тигра наиболее полно отразились в поэме китайского поэта Го Можо «Свирепый тигр» [Го Можо, 1990, с. 67]. Первая часть поэмы знакомит нас с жестоким Ханьским правителем У-ди, который стравливал в вольере тигров ради забавы толпы. Тигры в начале поэмы служат олицетворением природной силы и жестокости, где «лютые звери слились в пятнистый клубок» и их «хищные» пасти повергали в ужас окружающих. Природная сила белых тигров несет смерть всему живому и сокрушает гармонию мира природы, поскольку жестокий правитель с «сердцем железным в груди» сбрасывает с балкона медвежат, лис зайцев и других менее крупных и хищных животных. Своими дей-

ствиями ханьский правитель подчеркивает собственное превосходство и соотносит себя с хищником, не знающим ни милосердия, ни усталости. Поскольку тигр находится на вершине пищевой цепочки и обладает большой силой и ловкостью, охотится на зверей, во много раз превосходящих его в размерах и силе, этот зверь не знает себе равных в мире животных. Подобно этому, Ханьский правитель обладает безграничной властью как над «сонмом наложниц», «свитой» и провинциальным людом, так и над животными, поскольку все в пределах его правления является собственностью жестокого У-ди, который способен одним взмахом руки нести смерть подданным. Таким образом, в начале поэмы реализуется значение образа тигра как символа силы, власти, физического и морального превосходства, его «лунная» составляющая, несущая смерть и разрушение, а также силу, властолюбие, суровость, отвагу и свирепость.

Однако в третьей части поэмы образ несколько меняет символическую коннотацию. Внесюжетный элемент композиции (песня, которую поет Ван), появляющийся в заключении второй части, является катализатором последующего конфликта. Песня, исполняемая Ваном, гласит о том, что некогда храбрый генерал, служивший в войске правителя, принял камень за тигра и пронзил его стрелой, проявив не только отвагу, но и силу. И Ван, со-

крушаясь о кончине любимого воина, обращается к толпе в поисках такого же смельчака. И здесь появляется противоположный тигру образ змея, подлого и трусливого искусителя – сановника. Обращаясь к Вану, он рассказывает о дерзком юноше, внуке знаменитого генерала, который презирает подданных правителя и упрекает их в трусости и неспособности отомстить за гибель предков:

*Смел он и дерзок,
Острый язык его лих –
Злобно порочит
Верных придворных твоих*
[Го Можо, 1990, с. 69]

По мнению рыцаря Ли Юйя, трусы, окружающие правителя, «тем терпеливей, чем побольнее их бьют» [Го Можо, 1990, с. 68], и потому им не дано «храбрости на отмщенье». Возмущенный «черной» речью сановника, Ханьский правитель приказывает юному рыцарю вступить в смертельную схватку с его тиграми. «Миг – и над бездной/Внук Ли Гуана повис» [Го Можо, 1990, с. 70]. Несмотря на опасность и неминуемую смерть, потомок храброго воина не стал спорить с правителем и молить о пощаде, а сам прыгнул к лютым хищникам. Изумленный такой отвагой, ханьский правитель приказал слугам крепче держать веревку, однако юный рыцарь воскликнул:

*Милость?! Пощада?!
Нет, настоящий герой*

*Предпочитает
С лютыми тиграми в бой!*
[Го Можо, 1990, с. 70]

В данном эпизоде Ли Юйя, так же, как и Ханьский правитель, соотносит себя с тигром, однако символические значения данного образа принимают другой характер. Если на примере Вана мы видели темную (лунную) составляющую символа – властолюбие, жестокость, кровожадность, беспощадность, бескомпромиссность, то молодой воин демонстрирует лучшие качества тигра (солнечные) – отвага, честность, благородство. Герой восклицает:

*Тигров свирепость
Лучше коварства людей!*
[Го Можо, 1990, с. 70]

Таким образом он подчеркивает благородство лютых зверей, их справедливость и честность перед собой и окружающими. Он противопоставляет «тигров» «крысам», к которым относит подданных Вана. Подчеркивая собственную доблесть, юноша перерезает веревку и оказывается среди зверей. И очень важным здесь становится реакция тигров на героизм молодого рыцаря:

*Пятятся тигры,
Жмутся в углы от меча*
[Го Можо, 1990, с. 71].

Своей храбростью внук генерала сумел на мгновение заставить отступить неминуемую гибель. Тигры, восхищенные подобным бес-

страшием, на мгновение отступили назад. Однако затем героя спасли воины Вана от лап и клыков свирепых белых тигров. Когда рыцаря подвели к правителю, тот предложил ему в награду вино и титул военачальника, однако он выхватил меч и обратился к правителю с обличительной речью:

*Ты, ненавистный
Черствый, жестокий тиран, <...>
Если бы кровь твою
Выпил я вместо вина,
Ненависть лютую
Не утолил бы сполна*

[Го Можо, 1990, с. 72] –

и мужественно принял смерть от меча Ханьского правителя, проявив таким образом доблесть, справедливость, честность, бесстрашие. В приоритете у молодого рыцаря не рабское существование крысы, а достойная смерть свободного тигра во имя справедливости, истины. Таким образом, мы увидели, что в поэме отражены противоположные грани амбивалентного образа Бай Ху. С одной стороны, кровожадность и жестокость, властолюбие и ярость Ханьского правителя, с другой – отвага и честь, стремление к правде, свободе и независимости, справедливость и непокорность молодого рыцаря Ли Юя. Следует предположить, что заглавие поэмы аллегорично и в равной степени относится как к Вану, так и к славному потомку генерала Ли Гуана.

Более «кровожадный вариант» образа тигра представлен в стихо-

творении Юй Чжи «Лютый тигр» [Китайская классическая поэзия ...], где зверь представлен как символ разрушения и опасности. Его рычание сопровождается воем ветра, а путники спешат укрыться в своих жилищах:

И путники спешат домой вернуться

На всех путях своей родной страны. <...>

*Простые люди бродят, озираясь,
спуганно трепещут их сердца*

[Китайская классическая поэзия ...].

Однако несмотря на грозность и бескомпромиссность животного, автор стихотворения наделяет его противоположными свойствами: «О лютый тигр, о тигр великолепный!» [Китайская классическая поэзия...]. Первый эпитет детерминирован повадками зверя и его разрушительной мощью, беспощадностью и безразличием к судьбам окружающих. Тем не менее, он великолепен и восхищает лирического героя своим бесстрашием и силой: «тебе неведом леденящий страх» [Китайская классическая поэзия...]. Можно предположить, что тигр символизирует императорскую власть, а лисы – его армию. Поэтому с одной стороны тигр лютый, поскольку многие китайские правители были диктаторами, с другой – великолепный, потому что всякая власть справедлива. Единственные, кто может нарушить покой тигра, мятежные полководцы, которые несут еще большие разрушения:

*Злоратно выпускают полководцы
Из луков стрелы золотым до-
ждем, –
Они в скалу вонзаются глубоко,
Что ж о злодействе говорить
твоём?
[Китайская классическая поэзия ...]*

Мятежники наиболее жестоки, поскольку лишены чести, так как нападают из засады, в то время как тигр свирепствует открыто, при свете дня, выйдя из пещеры. Поэтому наряду с жестокостью ему присущи такие качества, как отвага и благородство, в то время как полководцы нападают издалека, используя оружие, проявляя таким образом трусость и подлость, то есть качества, присущие пресмыкающимся, а не хищникам.

В ряде текстов образ тигра символизирует надвигающийся хаос и служит предвестником грядущего апокалипсиса, революции, духовной и физической смерти. Чаще всего тигр выступает не один, а в паре с волком. В Древнем Китае волк символизировал алчность и жестокость. Как мы отмечали ранее, подобные проявления есть и в образе Бай Ху (белого тигра). Так, в стихотворении «Яд» [Сорок поэтов ...] Сюй Чжимо лирический герой оказывается жертвой современного мира, с присущей ему ложью и подлостью: «Поверь, ядовиты мои мысли, потому что таков этот мир; темна моя душа, потому что солнце уже не сияет» [Сорок поэтов ...]. На смену привычному порядку вещей прихо-

дит темный хаос: «мой голос подобен крику ночной совы на могильном кургане, потому что в мире людей убита гармония» [Сорок поэтов ...], а «добро уступило место злу» [Сорок поэтов...]. Все, что может справиться с ядом – пронзенное ножом сердце героя, из которого исходить истина, добро и любовь: «Сердце мое не в силах терпеть, оно полно жалости и любви» [Сорок поэтов ...] и несмотря на ядовитые слова, исходящие из уст героя, любовь, по его мнению, способно победить как разрушения, так и смерть: «сердце мое переполнено тем, что сильнее яда, – проклятья не столь ядовиты, пламя не более ярко, смерть не столь глубока!» [Сорок поэтов...]. В мире героя нет понятия правды и неправды, смещены привычные нравственные парадигмы, а «в гробнице на коралловом острове [мертво] мерило добра и зла» [Сорок поэтов ...]. Все, что некогда было непреложными ценностями, сгнило, подобно бумажному змею – вера, надежда, красота. Все повернулось вспять, а люди пребывают в грязи и разрушении: «в грязном потоке, где проходит людской путь, несутся по волнам пять обезображенных трупов: гуманность, справедливость, обрядность, мудрость, вера...» [Сорок поэтов ...], а на смену этого пришли «алчность и зверство» [Сорок поэтов ...]. В мире, окружающем героя, «человечность – под гнетом зверства, свет – под пятой мрака» [Сорок поэтов ...] и над всем этим царят волки и тигры, несущие разорение и погибель, по-

этому заключительные стихи звучат особенно трагично: «Слышишь этот непристойный шум, этот звериный вой?.. / Тигры и волки на растревоженных улицах, насильники – в постелях ваших жен, злодейство – в глубине ваших душ...» [Сорок поэтов ...]. Таким образом, в данном тексте реализуется отрицательная коннотация образа тигра и зверь, в отличие от предыдущих текстов, символизирует только негативные проявления человеческой сущности – ненависть, безразличие, безверие, жестокость, бездуховность. На наш взгляд, проявление качеств тигра зависит от того, какое животное-катализатор находится с ним рядом. Например, волк актуализирует в тигре лунную составляющую образа, поскольку сам он символизирует зло и тьму. Тигр, по природе будучи амбивалентным символическим образом, проявляет ту же сущность, что и образ, находящийся рядом с ним.

«Злобные волки и разъяренные тигры» встречаются и в стихотворении Цзян Гуамцы «Стихи о Москве» [Сорок поэтов ...]. Они являются символами буржуазной культуры, олицетворяют жадность и порочность монархического общества и его правителей, олицетворяют «темное» прошлое России, смятенное Октябрьской революцией, принесшей мир, справедливость и свет:

*Октябрь, словно пушка невиданного калибра,
Прогрохотал,— <...>
Октябрь, словно огненный смерч,
Испепелил навечно
Все, что жестоко и бесчеловечно.
[Сорок поэтов ...]*

Вспоминая об этом дне, герой испытывает восторг. Он посвящает свое сердце революции и верит, что мир возродился из пепла благодаря мужеству человечества, способного изменить ход истории.

Судьба героя стихотворения Ду Фу «Возвращаюсь из Ланчжуна» [Китайская классическая поэзия ...], напротив, трагична. Он находится в разлуке с близкими – жена его переживает, а дочь больна. Угнетенное состояние мужчины передается через пейзаж – тучи, пригнувшиеся к земле, пустыньность окружающего мира, ветер, дождь, осенняя мгла. Среди этого уныния герой торопится вернуться домой, не замечая красоты вокруг себя: «И разве можно в спешке/ Сосчитать//Цветы,/Что я встречаю на пути?» [Китайская классическая поэзия ...]. Он озабочен тревогами, и из финальных стихов мы понимаем, что герой от кого-то укрывался, возможно, был в изгнании. Герой пребывает в печали и мечтает о долгожданном покое, однако неизвестность заставляет его спешить. Прошлое его трагично, а будущее неизвестно и вызывает опасения: «Я знаю -/Змеи впереди меня//И яростные тигры/Позади» [Китайская классиче-

ская поэзия ...]. Трагичное прошлое свидетельствует о разрушительном начале тигра в контексте данного стихотворения. Змея же, подобно хищнику, имеет также двойственное символическое значение. Это может означать жизнь, а может и смерть, нести добро или зло, иметь как созидательную силу, плодородие, мужское начало, так и разрушительную. Однако если допустить, что образы с амбивалентным символическим значением перенимают качества животного, находящегося рядом, следует предположить, что будущее героя столь же трагично, сколько прошлое и настоящее.

Несмотря на то, что в большинстве стихотворений китайских поэтов, тигры наделены в большей степени отрицательными качествами – ярость, разрушение, властолюбие – и служат лунным символом, угрожая всему живому, в стихотворении Ню Ханя «Хуананьский тигр» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31] животное является символом воли к свободе и независимости, символом протеста и упорства.

Интегральный образ стихотворения – тигр в клетке гуйлиньского зоопарка, показанный сквозь призму восприятия лирического героя. В начале текста герой обращает внимание на пространство: «В крошечном зоопарке,/Увидел тигра я» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31]. Поскольку тигр является самым крупным представителем семейства кошачьих, эпитет, выбранный автором, усиливает трагичность ситуации, изображенной в

тексте. Крупный зверь вынужден жить в маленьком, замкнутом, обозреваемом пространстве под взгляды циничной толпы. Среди прочего, лирический герой обращает внимание на поведение зрителей: «...кто-то камешки бросал, а кто-то/Кричал, чтобы привлечь его внимание, /Но кто-то и сочувствие выражал» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31]. Поскольку у животного не было возможности укрыться в вольере, оно забилося в угол и ни на что не реагировало: «Я смотрел так долго... очень долго! – /Но так и не увидел/Ни полосатой его морды,/Ни пламени исполненных зрачков.<...>/К толпе он повернулся задом, чтоб не любовались» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31]. В поведении хищника мы видим протест. Лишенный возможности уйти, он делает все, что в его силах, чтобы не стать предметом внимания тех, кто запер его в тесном пространстве ради удовлетворения собственного любопытства и желание развлечься за счет его страданий. Таким образом, тигр является здесь символом протеста и упорства, поскольку ни крики, ни камни, ни жалость, ни решетки, ни узкие бетонные стены не способны сломить его волю: «Не отвечал тигр ни на что!/Лишь толстый длинный хвост его/По временам о землю бил»

Угнетенный подобным зрелищем, лирический герой горько восклицает: «О тигр, о в клетке тигр!» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31]. Он обращает внимание на внешний вид животного, его раны:

«О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра

как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии

*...когти все
До основанья сломаны – да так,
Что кровь еще сочится и со-
чится!<...>
И ты в бессилье яростного гнева
Принужден мясо грызть крова-
выми зубами,
Зубами, сточенными в кровь!..*
[Азиатская медь..., 2007, с. 31]

Герой пытается понять, о чем думает животное, какие чувства испытывает. Он предполагает, что хищник вспоминает о родных просторах, жизни вольного зверя. Мужчина думает о жестокости людей, которые сломали тигру когти, связали его и бросили в тесную клетку. В смятении, исполненный жалости, он собирается уйти из зоопарка, потому что ему невыносимы страдания хищника. Однако в этот момент он видит на бетонной стене окровавленные следы тигриных клыков: «И вдруг увидел я в железной клетке,/В стене из серого бетона,/Канавок окровавленных ряды» [Азиатская медь..., 2007, с. 32] и понимает, что жалость и сочувствие его были напрасными по отношению к зверю. Метафоры в заключительной части текста свидетельствуют о силе хищника, они символизируют мужество и волю:

*И будто в забытии услышал
громкий звук –
Стрясший небо рык тигриный,
Крик вольной, несмирившейся
души!<...>
И я увидел – огненный его узор,
Огнем горящие тигриные глаза!*
[Азиатская медь..., 2007, с. 32]

В душе тигра – не сожаления об утраченном горном лесе, не воспоминания о родных просторах, не страх перед толпой, бросающей в него камни, а пламя независимости, воля к свободе. Он отвернулся от толпы и забился в угол не из опасений, а чтобы выразить пренебрежение собравшимся обывателям. Он грыз и царапал бетонную стену, чтобы выбраться наружу. В его поступках мужество, упорство и самоотверженность, в глазах его – сила и непокорство. Узор на лбу тигра напоминает иероглиф «王», означающий в китайском языке «король», «правитель», и лирический герой, услышав яростный рев непобежденного зверя, понимает, что перед ним не испуганное и искалеченное животное, заслуживающее сочувствия, а гордый правитель мира зверей, достойный восхищения и уважения.

Не менее интересны образы плененных тигров и в текстах русских поэтов. Так, у П. Когана в стихотворении «Тигр в зоопарке» мы встречаем животное, подобное древнему божеству: «Ромбическая лепка мускула/И бронза – дьявол или идол» [Коган]. В отличие от тигра из предыдущего стихотворения, хищник П. Когана находится в хорошей физической форме:

*Древней Китая или Греции,
Древней искусства и эротики,
Такая бешеная грация
В неповторимом повороте.*
[Коган]

Мы не видим ни сточенных до мяса костей, ни окровавленной пасти. Лирический герой восхищен хаотичным началом дикого зверя, его самодостаточностью:

*Он сам создал себя из хаоса,
Минуя божьи ладони.*

[Коган]

Однако несмотря на внешнее совершенство, тигр уступает своему сородичу из предыдущего стихотворения. Если тигр Нью Ханя полон сил и до конца сопротивляется человеку, вгрызаясь в бетон и пытаясь освободиться, то пленник Когана слаб и не в силах оказывать сопротивление. Он повернут мордой к зрителям, поскольку лирический герой видит его глаза:

*И глаза острого и узкого
Неповторимая обида.*

[Коган]

Если в предыдущем стихотворении во взгляде зверя мы видели свободу и ярость, то здесь сожаления об утраченной свободе. Он оказывает лишь внешнее сопротивление, но, понимая, что стены клетки сильнее его попыток выбраться, зверь никнет:

*Какой вольнолюбивой яростью
Его бросает в стены ящика,
Как никнет он, как жалко старится*

При виде сторожа кормящего...

[Коган]

В отличие от предыдущего образа, отражавшего солнечную сторону символа, тигр Когана имеет двой-

ственную природу – рабскую покорность и волю к свободе, величие:

*Как в нем неповторимо спаяны
Густая ярость с примиренностью.*

*Он низведенный и охаянный,
Но бог по древней одаренности.*

[Коган]

Однако не все тигры в текстах русских поэтов столь смиренны и слабы духом. В стихотворении Э. Асадова «Бенгальский тигр» [Асадов, 2003, с. 326] хищник променял уютную клетку и заботливого человека на холодную, сводящую лапы свободу. В центре внимания лирического героя – тигр, сбежавший из вагона, который, предположительно, должен был доставить животное в заповедник или зоопарк:

*Весь жар отдавая бегу,
В залитый солнцем мир
Прыжками мчался по снегу
Громадный бенгальский тигр.*

[Асадов, 2003, с. 326]

Метафоры свидетельствуют о солнечной составляющей символа, олицетворяющей свободу, справедливость, силу, мудрость, самоотверженность, честь. Услышав пальбу (предположительно животное хотели усыпить на время, а не убить) и звуки погони, зверь оскалил морду и прибавил сил, чтобы скрыться в снегу. Несмотря на тяжелые условия, холод, неизвестность, он проявил упорство и тем

быстрее бежал, чем становилось хуже:

*Клыки обнажились грозно,
Сужен колючий взгляд.*

[Асадов, 2003, с. 326]

Он вспоминал, как плохо было ему в уютном, казалось бы, плену, как он тосковал о свободе, об охоте и как выжидал момент, когда сможет совершить побег, и едва получив шанс, бросился прочь от людей. На пути к родным просторам Бенгалии, он решительно преодолевал различные препятствия:

*Бежал, хоть уже по жилам
Холодный катил озноб,
Все крепче лапы сводило,
И все тяжелее было
Брать каждый новый сугроб.*

[Асадов, 2003, с. 326]

Из следующего катрена мы понимаем, что никакая опасность животному не угрожает, а люди заботливы по отношению к хищнику, накормят его и согреют. Однако животное предпочитает холодную и опасную волю, чем сытую и теплую жизнь в клетке зоопарка/заповедника. И потому в заключении лирический герой говорит:

*Следы через все преграды
Упрямо идут вперед.
Не ждите его. Не надо.
Обратно он не придет.*

[Асадов, 2003, с. 326]

Можно предположить, что, скорее всего, тигр погиб. На это указывает и голос всезнающего лириче-

ского героя. Холод, погоня, кусты, сосны, пальба – это все дано в восприятии тигра. Однако тот, от чьего лица ведется лирическое повествование, знает больше, чем тигр. Во-первых, он знает, что тигра ждут люди для того, чтобы о нем позаботиться, сохранить, что они не собираются в него стрелять из настоящего оружия, но снова запрут его в клетке. Во-вторых, он, в отличие от тигра, руководствующегося эмоциями – «восторгом» – понимает, что от снежной России до бенгальских джунглей животное не доберется. Форсированные асиденты, многочисленные лексические повторы и восклицательные конструкции, создают ощущение, что животное бежит на максимально допустимой скорости – «ветер свистит в ушах» [Асадов, 2003, с. 326], «Промчал полосатой птицей» [Асадов, 2003, с. 326] (60 км/ч. – максимальная скорость *Panthera tigris bengalensis*). При беге тело нагревается и контрастирует с холодом окружающей среды, что, вероятнее всего, приведет к остановке сердца и животное погибнет, на что и намекает всезнающий герой: «Видно, смерть на свободе/Лучше, чем жизнь в плену?!» [Асадов, 2003, с. 326].

Воплощением свободы, силы и мудрости является и тигр из поэмы И. Сельвинского «Охота на тигра» [Советская поэзия ... , 1977, с. 376]. В начале лирического повествования мы видим охотников, которые хотят подстрелить изюбря. Чтобы найти животное, они используют

специальный манок, имитирующий голос парнокопытных. В надежде на крупную наживу, они привлекают ее «искусственной страстью», однако вместо изюбря к ним выходит «[з]олотая. Закатная. Усатая, как солнце./Жаркая морда тигра!» [Советская поэзия..., 1977, с. 377] Парцелляция, используемая автором, подчеркивает красоту тигра, детали его внешности, а сами эпитеты указывают на солнечную составляющую интересующего нас символа. Не менее важным является и описание тигра:

*В оранжевый за лето выгоря,
Расписанный чернью, по золоту
сед,
Драконом, покинувшим храм,
Хребтом повторяя горный хребет,
Спускался он по горам.*
[Советская поэзия..., 1977, с. 378]

Здесь мы видим, что тигр уподобляется дракону, который в Китае олицетворяет плодородие, мудрость, силу и императорскую власть. Таким образом, хищник становится подобием мифического божества, интегрального для китайской культуры. Подчеркивается также его пластичность, природная грация. Физические его характеристики подчеркиваются оксюморонном «невесомая грузность», что означает его крупный размер и одновременно с ним легкость в движениях. «Ленивый, как знамя» [Советская поэзия..., 1977, с. 378], он привлекает внимание охотников,

становясь приоритетной добычей. Сравнение, избранное автором, указывает на величие тигра и значимость его в мире зверей.

В 13 строфе герой-повествователь, рассуждая о звере, называет его древним китайским божеством, великим огнедышащим полководцем:

*Это его в буддийских кумирнях
Славят, как бога: Шан –
Жен –
Мет –
Вэй!
Это он, по преданью, огнем дымящий,
Был полководцем китайских династий.*
[Советская поэзия..., 1977, с. 378]

Видимо, речь здесь идет о «желтом Императоре», превратившемся в огнедышащего дракона, Шан-Жен-Мет-Вэй же – Истинный Дух Гор и Лесов – символ мудрости, плодородия. Дракон, сочетающийся с тигром, усиливает положительные коннотации символа и наделяет его такими характеристиками как грация, величие, статность; «Он шел по склону военным шагом./Все плечо выдвигая вперед» [Советская поэзия..., 1977, с. 378].

На мудрость животного указывает его поведение. Охотники, наблюдающие за тигром, делают для себя открытие: хищник умеет имитировать голос своей добычи:

*И в голубые струны усов
Ловко цедил... излюбленный зов.*
<...>

Милый! Умница! Он был охотник:

Он применял, как и мы, «манок».
[Советская поэзия..., 1977, с. 378]

Поведение тигра меняется, когда он слышит охотников, подражающих голосу изюбря. Из ленивого, медленно переваливающегося через хребет грациозного животного он превращается в свирепого хищника, почуявшего добычу:

Тигр глянул – и нет умиления
<...>

С минуту насквозь прожигали меня

Два золотых огня...
[Советская поэзия..., 1977, с. 380]

Охотнику удалось подстрелить хищника, однако гордый зверь проявил силу, мужество и нашел в себе силы встать, продемонстрировал не только мужество и силу, но и гордость, королевскую статью и скрылся в тумане, подобно призраку, охраняющему собственные владения:

*Но миг – и он снова пред нами,
как миф,*

*Раскатом нас огромив,
И вслед за октавой, глубокой,
как Гендель,*

*Харкнув на нас горячо,
Он ушел в туман. Величавой легендой.*

С красной лентой. Через плечо.
[Советская поэзия..., 1977, с. 380]

В данном стихотворении тигр является символом свободы и торжества жизни и красоты, а также мудрости и спокойствия.

Таким образом, символический потенциал вечного образа тигра в произведениях китайских и русских поэтов разных эпох поистине неисчерпаем. Однако, несмотря на широкий спектр его символических значений, практически во всех текстах тигр предстает как амбивалентная сущность, имеющая двойственную природу и наделенная как отрицательными коннотациями – алчностью, яростью, разрушительной силой, жестокостью, стремлению к хаосу и смерти, – так и положительными – мужеством, непокорностью, самоотверженностью, стремлением к свободе, независимости, справедливости, торжеству жизни. Лунная и солнечная составляющая символа проявляется с разной степенью интенсивности, и изменение символических коннотаций образа происходит в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу зооморфных реалий (волк, змея, лисы, крысы) и историко-мифологических персонажей (жестокый и беспощадный ханьский правитель У-ди, честный и благородный рыцарь Ли Юй). Так, волки отражают темные грани образа и подчеркивают природное начало хищника; солнечная же сторона проявляется, когда тигр выступает в тесной связи с драконом, как у И. Сельвинского, находит себе рав-

ного по духу, как в поэме Го Можо, или когда оказывается в обстоятельствах, противоречащих его природе, подобно животному из стихотворений Нью Ханя, П. Когана и Э. Асадова. Во всяком случае, в китайско-русском поэтическом «тигрином дискурсе» тигр, как и в величайшем творении Уильяма Блейка, в независимости от того,

какой огонь – небес или преисподней – горит в его глазах, олицетворяет не столько ярость разрушения или торжество свободы, сколько животворящую неиссякаемую энергию, которая сокрушает заблуждения и зло и является единственным гарантом движения и развития прекрасного и яростного мира.

Библиографический список

1. 段士秀. 俄汉语动物象征意义的民族文化差异[J]. 长春大学学报, 2001.
2. 刘春景. 从动物名称的喻义看俄汉文化的异同[J]. 江西电力职业技术学院学报, 2005.
3. 刘光准、黄苏华. 俄汉语言文化习俗探讨[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 1999.
4. 穆重怀. 汉俄文化中动物形象象征意义的比较[J]. 大连民族学院学报, 2003.
5. Аверинцев С. С. Символ / Философский энциклопедический словарь. Москва: Сов. энцикл., 1989. 814 с.
6. Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэньфэй. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. 256 с.
7. Асадов Э. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2003. 624 с.
8. Ващенко Н. Н. Символика образов животных в китайских сказках // Народная культура Сибири. Материалы VII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 1998. С. 152–155.
9. Го Можо. Сочинения: Стихотворения. Драмы. Повести и рассказы. Москва: Худож. лит., 1990. 623 с.
10. Голыгина К. И. «Великий предел»: Китайская модель мира в литературе и культуре (I XIII вв.). Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 364 с.
11. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. Москва: Индрик, 1997. 912 с.

12. Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. Москва : Знание, 1991. 256 с.
13. Китайская поэзия. URL: <https://spintongues.vladivostok.com/FeanoChinese.htm>. (Дата обращения: 28.08.2020).
14. Коган П. Д. Тигр в зоопарке. URL: https://451l.net/pavel_kogan/stihi/#tigr_v_zooparke. (Дата обращения: 28.08.2020).
15. Меркулова Н. Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионоведение. 2015. № 2. С. 188–196.
16. Михайлова Ю. Н. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии / Ю. Н. Михайлова, Чжао И // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 168-181.
17. Китайская классическая поэзия: сборник. URL: http://lib.ru/ROESCHIN/china_classic.txt. (Дата обращения: 28.08.2020).
18. Сидорова М. Ю. К поэтике вечных образов: «Тигр в зоопарке» П. Когана и «Хуананьский тигр» Нью Ханя / М. Ю. Сидорова, У. Баоянь // Стефанос. 2017. № 6. С. 60–66.
19. Советская поэзия в 2-х томах. Серия: Библиотека Всемирной литературы. Москва : Художественная литература, 1977. 912 с.
20. Сорок поэтов. Китайская лирика 20–40-х годов. URL: https://archive.org/stream/B-001-027-845-ALL/B-001-027-845-01_djvu.txt. (Дата обращения: 28.08.2020).

Reference list

1. 段士秀. 俄汉语动物象征意义的民族文化差异[J]. 长春大学学报, 2001.
2. 刘春景. 从动物名称的喻义看俄汉文化的异同[J]. 江西电力职业技术学院学报, 2005.
3. 刘光准、黄苏华. 俄汉语言文化习俗探讨[M]. 北京 : 外语教学与研究出版社, 1999.
4. 穆重怀. 汉俄文化中动物形象象征意义的比较[J]. 大连民族学院学报, 2003.
5. Averincev S. S. Simvol = Symbol / Filosofskij jenciklopediceskij slovar'. Moskva : Sov. jencikl., 1989. 814 s.
6. Aziatskaja med': Antologija sovremennoj kitajskoj poezii = Asian Copper: Anthology of Contemporary Chinese Poetry / sost. Lju Vjen'fej. Sankt-Peterburg : "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2007. 256 s.
7. Asadov Je. A. Izbrannoe = Selected. Smolensk : Rusich, 2003. 624 s.

8. Vashhenko N. N. Simvolika obrazov zivotnyh v kitajskih skazkah = Symbolism of animal images in Chinese fairy tales // Narodnaja kul'tura Sibiri. Materialy VII nauchno-praktičeskogo seminaru Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo centra po fol'kloru. Omsk, 1998. S. 152–155.

9. Go Mozho. Sochinenija: Stihotvorenija. Dramy. Povesti i rasskazy = Works: Poems. Dramas. Stories and Stories. Moskva : Hudozh. lit., 1990. 623 s.

10. Golygina K. I. “Velikij predel”: Kitajskaja model' mira v literature i kul'ture (I XIII vv.) = “The Great Limit”: The Chinese model of peace in literature and culture (I XIII centuries). Moskva : Izdatel'skaja firma “Vostochnaja literatura” RAN, 1995. 364 s.

11. Gura A. V. Simvolika zivotnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii = Symbolism of animals in the Slavic folk tradition. Moskva : Indrik, 1997. 912 s.

12. Zajanchkovskij I. F. Zivotnye, primety i predrassudki = Animals, signs and prejudices. Moskva : Znanie, 1991. 256 s.

13. Kitajskaja poezija = Chinese poetry URL: <https://spintongues.vladivostok.com/FeanoChinese.htm>. (Data obrashhenija: 28.08.2020).

14. Kogan P. D. Tigr v zooparke = Tiger at the Zoo. URL: https://45ll.net/pavel_kogan/stihi/#tigr_v_zooparke. (Data obrashhenija: 28.08.2020).

15. Merkulova N. G. Mentalitet - kul'turnyj kod - jazyk kul'tury: k voprosu o korreljacii ponjatij = Mentality - cultural code - language of culture: to the question of correlation of concepts // Regionologija. 2015. № 2. S. 188–196.

16. Mihajlova Ju. N. Kul'turnye konnotacii zoonimov v russkoj i kitajskoj frazeologii = Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology / Ju. N. Mihajlova, Chzhao I // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2016. T. 18, № 4 (157). S. 168–181.

17. Kitajskaja klassičeskaja poezija = Chinese classical poetry : sbornik URL: http://lib.ru/POECHIN/china_classic.txt. (Data obrashhenija: 28.08.2020).

18. Sidorova M. Ju. K pojetike vechnyh obrazov: “Tigr v zooparke” P. Kogana i “Huanan'skij tigr” Nju Hanja = To the poetics of eternal images: “Tiger in the Zoo” by P. Kogan and “Huanan Tiger” by Nu Han / M. Ju. Sidorova, U. Baojan' // Stefanos. 2017. № 6. S. 60–66.

19. Sovetskaja poezija v 2-h tomah = Soviet poetry in 2 volumes. Serija: Biblioteka Vsemirnoj literatury. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1977. 912 s.

20. Sorok pojetov. Kitajskaja lirika 20–40-h godov = Forty poets. Chinese lyrics of the 20-40s. URL: https://archive.org/stream/B-001-027-845-ALL/B-001-027-845-01_djvu.txt. (Data obrashhenija: 28.08.2020).

УДК 821.161.1

Ян Сумэй

<https://orcid.org/0000-0001-8982-4628>

Н. В. Лукьянчикова

<https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

Казачья литература как культурный феномен

Для цитирования: Ян Сумэй, Лукьянчикова Н. В. Казачья литература как культурный феномен // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 122–138. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-122-138

В статье авторы предпринимают попытку охарактеризовать специфику и проследить за динамикой литературы, посвященной истории и культуре российского казачества, охарактеризовать этапы развития казачьей литературы как особого культурного феномена. В статье подробно рассматривается, как жизненный уклад, характер социальной организации, быт и культура, нравы и фольклор казаков всегда были специфичными и вызывали тем самым особый интерес ученых, в связи с которым появлялось большое количество научных исследований, посвященных различным аспектам данного феномена. Особое внимание в предложенной работе уделяется региональным особенностям казачьей культуры и многогранным, внутренне богатым образам казаков, созданным русскими писателями (как классиками, так и авторами XX–XXI веков), объясняется, как региональный компонент отражается в казачьем фольклоре и в литературе, анализируются произведения, посвященные казачеству как особому социально-этническому феномену. Казачья литература рассматривается авторами в контексте трех исторических периодов: казачья литература Российской империи (до революции 1917 года), казачья литература, относящаяся к эпохе существования Советского государства (1917–1991), новейшая казачья литература (с 1991 года по настоящее время), при этом отмечается, что каждая эпоха накладывает свой отпечаток на проблематику и систему образов произведений: героизация казаков, выполняющих историческую миссию защиты родной земли и освоения новых пространств, в литературе дореволюционного периода, трагическая концепция казачества в литературе советского времени и изображение процесса возрождения духа казачества в современной литературе.

Ключевые слова: казачество, социально-этнический феномен, казачья культура, казачья литература и фольклор, регионалистика, трагические мотивы, концепция личности.

Yang Sumei, N. V. Lukiyanchikova

Cossack literature as a cultural phenomenon

In the article, the authors attempt to characterize the specifics and follow the dynamics of literature devoted to the history and culture of the Russian Cossacks, to describe the stages of the development of Cossack literature as a special cultural phenomenon. The article considers in detail that the way of life, the nature of social organization, life and culture, the morals and folklore of Cossacks have always been specific and thereby were of special interest of scientists, in connection with which a large number of scientific studies appeared on various aspects of this phenomenon. Special attention in the proposed work is paid to the regional features of Cossack culture and the multifaceted, internally rich images of Cossacks created by Russian writers (both classics and authors of the XX-XXI centuries), the article explains how the regional component is presented in Cossack folklore and literature, analyzes works devoted to Cossacks as a special socio-ethnic phenomenon. Cossack literature is considered by the authors of literature in the context of three historical periods: Cossack literature of the Russian Empire (before the 1917 Revolution), Cossack literature related to the era of the Soviet state (1917–1991), the latest Cossack literature (from 1991 to the present), it is noted that each era imposes its own imprint on the problems and system of images of works: the heroization of the Cossacks, who fulfill the historical mission of protecting their native land and developing new spaces, in the literature of the pre-revolutionary period, the tragic concept of the Cossacks in the literature of the Soviet era and the image of the process of reviving the spirit of the Cossacks in modern literature.

Key words: cossacks, socio-ethnic phenomenon, cossack culture, cossack literature and folklore, region studies, tragic motives, concept of personality.

1. Казачество как исторический и литературный феномен

Казачество в истории развития российского государства является, безусловно, уникальным явлением, сыгравшим (начиная с XIV века) весьма серьезную роль в процессе освоения государством новых территорий и защите государственных границ, оказавшим влияние на общественную жизнь России. Нельзя не согласиться с мнением великого русского писателя А. И. Герцена, писавшего, что казачество «отвори-

ло дверь всем нетерпеливым и не любящим покоя, всем искавшим приключений и жаждавшим сильных ощущений, всем, рвавшимся к опасным подвигам. Оно вполне соответствовало тому буйному началу, которое выражается русским словом «удаль» и составляет одну из характерных черт славян. Казак не хотел знать никакого правительства, кроме своего выборного, но родине служил верой и правдой и не жалея лил за нее свою кровь» [Герцен, 1974, с. 415].

Об этимологии слова «казак» исследователи имеют различные мнения (в частности, некоторые современные ученые (см. Е. В. Лаптева, Л. П. Рожкова) соотносят это слово с названием племени касогов, живших на Кавказе в период раннего средневековья; другие (см. А. А. Гордеев) предлагают ряд интересных версий происхождения названия: персы «казаками» называли людей, состоявших на службе, оплачиваемой казной – «по персидски «газа» и отсюда «газак»»; арабы этим словом называли всадника, «сражавшегося за веру и закон пророка»; в монгольском языке «казых» или «казак» – «свободный воин»). Анализируя предложенные объяснения происхождения названия «казак», отмечаем, что множественность предлагаемых вариантов отражает, на наш взгляд, специфические взаимоотношения казачества с государством: стремление к воле, независимости – служба. Так казаки были наиболее известными землепроходцами (Ермак, С. Дежнев, Е. Хабаров и др.), казаки защищали русские земли на границах от вторжений. В то же время с казачеством связаны события наиболее крупных восстаний (под руководством И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева), значительна роль казаков (И. Заруцкий) в событиях Смутного времени. С XVIII века казаки все активнее начинают привлекаться на «государеву службу», казачьи войска участвовали в Отечественной

войне 1812 года, в покорении Кавказа и Средней Азии, в русско-турецкой войнах, Первой мировой войне и т. д. Храбрость и вольнолюбие казаков, яркость и самобытность характеров, их специфическая культура делали казака интереснейшим персонажем русской литературы. Так образ казака занимает важное место в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. «Словарь языка Пушкина» свидетельствует, что слово «казак» (козак) встречается в произведениях классика 317 раз. Великий русский писатель Лев Толстой в повести «Казачьи» изображает мир казаков как особое естественное, природное пространство.

Жизненный уклад, характер социальной организации, быт и культура, нравы и фольклор казаков всегда были специфичными и вызвали тем самым особый интерес, в связи с которым казачество как феномен интересовало исследователей издавна (начиная с Н. М. Карамзина). О росте интереса к казачеству, актуализации казачьей проблематики в последнее десятилетие свидетельствует появление целого ряда научных исследований, посвященных различным аспектам данного феномена. Так, в работах А. В. Сопова и А. Ш. Бузарова рассматривается роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах. Казаки характеризуются исследователями, прежде всего, как первопроходцы, первооткрыватели земель, покорители тер-

риторий, которые «играли роль «форпоста», неся пограничную службу, обороняя и сохраняя целостность России как государства, территории и цивилизации» [Сопов, 2011]. В статьях Е.В. Лаптевой, Л. П. Рожковой рассматриваются «исторические стадии формирования казачества как особой этнической общности, на основе исторических источников приводятся сведения об укладе жизни казаков, формах воинской обязанности, особенностях организации быта и службы» [Лаптева, 2012]. Авторы рассматривают казачество как сложное, «многокомпозиционное явление». Историки указывают на определенную разницу между казаками, обусловленную их географическим положением на территории страны (Донское казачество, Кубанское, Терское, Уральское, Сибирское и другие). Исследователь истории казачества И. Ю. Ерохин анализирует различные подходы, мнения и оценки на предмет установления этничности казачьих сообществ [Ерохин, 2016].

Литература, посвященная казачеству как особому социально-этническому феномену, складывалась на протяжении ряда эпох и являлась важной частью русской литературы.

2. Специфика казачьей литературы

Анализ казачьего фольклора и литературы, посвященной казачеству, свидетельствует о том, что при

всей неоднородности казачества, обусловленной в том числе географическим положением конкретного казачьего войска, выделяется ряд общих характеристик: закреплённость во всех произведениях казачьего фольклора и литературы воинской службы как доминанты человеческого существования, приоритет героических, патриотических норм и ценностей.

Вместе с тем региональный компонент seriously отражается в казачьем фольклоре и в литературе (как говорит китайская пословица: «Разные края – разные люди»). Исследователи (А. А. Гордеев и др.) неоднократно упоминали о региональных отличиях между образом жизни и мировосприятием, манерой одеваться и внешним обликом, устройством дома и оружием запорожских и донских казаков, терских и сибирских и других. Безусловно, данные отличия не могли не оказать влияния на культурно-литературное бытие казачества конкретного региона.

Казачий фольклор достаточно разнообразен в жанровом отношении. Исследователи казачьего фольклора (В. А. Бахвалова, Я. А. Пономарев и др.) выделяют и характеризуют такие, например, жанры фольклора как казачья песня, былина, баллада, сказка, легенда, обрядовый фольклор и т. д. Разнообразна в жанровом отношении и литература, посвященная казачеству (романы, повести, рассказы, очерки, драмы, лирические стихо-

творения). Образ казака, представленный в литературе и в фольклоре многопланов и противоречив. Казак может быть представлен в произведении и как герой, и как разбойник. В фольклорных произведениях казак обычно изображен в своей героической ипостаси, в казачьих песнях, думах, былинах воспевались подвиги в борьбе с турками и татарами, изображались тяготы турецкого плена, стремление к освобождению из неволи, верность и готовность к самопожертвованию. Среди таких произведений могут быть упомянуты народная дума «Маруся Богуславка» [Маруся Богуславка...] или «Песня про Байду» [Песня про Байду...]. Дума «Маруся Богуславка» – произведение о верности родной земле, о том, какими важными на чужбине, в неволе становятся для казаков понятия «земля христианская», «божий мир», «солнце праведное». Спасение Марусей «бедных невольников», пленных казаков, «своих» представлено в думе как высокий нравственный подвиг. В «Песне про Байду», как и в «Марусе Богуславке», отражены не только воспоминания о противостоянии казаков туркам, но и казачьи представления о героизме, патриотизме, этическом идеале. Мужественный Байда в народном восприятии рисуется как образ истинного казака, предпочитающего смерть предательству.

В конце XVIII – начале XIX веков к теме казачества начинают активно обращаться многие русские

писатели. История, культура, нравы, образы казаков интересовали Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и многих других. Казак стал героем множества поэм, рассказов, повестей, романов, лирических произведений, в которых он выступал в различных ипостасях (часто как рыцарь, герой, защитник, боец, порой как изменник и предатель, разбойник, бандит). Личный опыт писателя обусловил интерес к разнообразным региональным казачьим группам (запорожским казакам, донским, яицким, кавказским и т. д.). Запорожцы, например, ярко выведены в произведениях Н. В. Гоголя («Ночь перед Рождеством» и другие). Уникальный образ запорожского казачества представлен в повести «Тарас Бульба», где Н. В. Гоголь показывает «козаков» – удивительных противоречивых людей, прекрасных и страшных одновременно, мощных, чувствующих «упоение в бою» и готовых на самопожертвование во имя веры и принципов товарищества, жестоких и способных на проявление сильных чувств. Современные исследователи творчества Н. В. Гоголя находят в повести «Тарас Бульба» соединение фольклорной и евангельской образности, трансформацию архетипических мотивов. Например, В. Д. Денисов в своих работах, отмечая, что Н. В. Гоголь «понимал путь Козачества как часть русской и мировой истории», полагает, что «становление Козачества как воинства православного» напоминает писателю

«морские завоевательные походы викингов (в Западной Европе их называли норманнами, на Руси – варягами) против христианских государств Северной Европы, и военные экспедиции древнерусских князей варяжского происхождения к христианскому Царьграду. Это подтверждено звучащими в повести (особенно в ее 2-й ред.) мотивами «бешеного веселья» в бою, посмертной славы, воздаяния в горнем мире – несомненно, близкими к языческим представлениям о войне и Валгалле у древних германцев» [Денисов, 2017].

Запорожские казаки становятся героями произведений таких поэтов, как И. П. Котляревский (в поэме-бурлеске «Энеида» Эней и троянцы изображены как кошевой атаман и запорожские казаки) и Т. Г. Шевченко («Ще як були ми козаками...») («В те дни, когда мы были казаками...») и другие стихотворения.

Донское казачество неоднократно становилось предметом творческого интереса А. С. Пушкина. В таких произведениях, как «Казак» («Раз, полунощной порою...»), «Песни о Стеньке Разине», «Делибаш», «Был и я среди донцов...», казак изображен свободным, «лихим», «удалым» («наездник лихой», «молодец удалой», «удалая башка»), человеком, постоянно находящимся на границе жизни и смерти. В крупных произведениях А. С. Пушкина также неоднократно представлены образы казаков («Борис Годунов», «История Пугачева»

(«История Пугачевского бунта»), «Капитанская дочка»). Предводитель народного восстания – донской казак Емельян Пугачев – является одним из наиболее ярких образов в творчестве А. С. Пушкина. Не являясь личностью высокой, идеальной, нравственно безупречной (как было принято изображать предводителя восстания в романтической традиции), Пугачев – человек, способный на жестокость и милосердие, умеющий повести за собой, проникательный, разбирающийся в людях, смелый, живой, лукавый. В поэме «Полтава» А. С. Пушкин также показывает казака – украинского гетмана Мазепу, который изображен не просто вероломным злодеем и предателем, но и живым человеком с настоящими, реальными страстями и желаниями.

Кавказское казачество (терское, кубанское) вызывало весьма серьезный интерес у русских писателей, особенно во время войн на Кавказе. В частности, в творчестве М. Ю. Лермонтова ярко представлена кавказская казачья тема. В знаменитой «Казачьей колыбельной песне» мать, укачивая младенца, предвидит его дальнейшую судьбу – храброго казака, похожего на отца: «Богатырь ты будешь с виду / И казак душой...» [Лермонтов, 1989, с. 47]. В глубоко лиричном тексте, обращенном к младенцу, поэтом выведен образ человека не только мужественного («Смело вденешь ногу в стремя / И возь-

мешь ружье...»), готового защищать Родину, но и верующего («Ты его [образок], моляся богу, / Ставь перед собой...»), любящего, чувствующего («...готовясь в бой опасный, / Помни мать свою...»). О казаках М. Ю. Лермонтов неоднократно упоминает в романе «Герой нашего времени», поэме «Черкесы», стихотворении «Валерик» и многих других произведениях. Кроме того, М. Ю. Лермонтов изображал казаков не только в литературных текстах, необходимо упомянуть, например, о его знаменитом рисунке «Конный казак, берущий препятствие».

Ярко и образно кавказское казачество изображено в повести Л. Н. Толстого «Казачьи». Толстой достаточно долго шел к созданию этого произведения, замысел которого неоднократно трансформировался и образы казаков усложнялись и изменялись. В повести, изображая удивительный мир казачества, сочетающий в себе постоянную готовность к войне и стремление к мирной жизни, показав несколько поколений казаков (старых и молодых), Л. Н. Толстой совершенно отказался от романтических штампов, представлявших казаков либо «героями», либо «злодеями».

Жизнь донского казачества стала главным предметом изображения классика советской литературы М. А. Шолохова. Трагедию Дона в период войн и революций показывает писатель в великом романе-эпосе «Тихий Дон», становлению

новой жизни на Дону посвящена «Поднятая целина».

В конце XX века интерес общества к истории и культуре казачества заметно возрос. Быт, нравы казаков, региональные отличия в некоторых культурных проявлениях вновь оказались в центре внимания писателей. Так кубанскому казачеству посвятил свою книгу «Где спит казацкая слава» критик, публицист, прозаик П. И. Ткаченко [Ткаченко, 1995]. Помимо рассказов о казачьей жизни, очерков о казачьей культуре и ее возрождении, в книгу П. И. Ткаченко вошли этнографические материалы – описание свадебного и святочного обрядов.

В историческом романе В. А. Сергеева «Унтово войско», посвященном событиям на Дальнем Востоке в середине XIX века, изображено Забайкальское казачье войско, осваивающее новые земли, защищающее их от нападений [Сергеев, 1976].

Обзор русской литературы разных эпох, посвященной казачеству, позволяет сделать вывод о том, что писатели в образах казаков не только изображают общие для казачества черты (удаль, вольнолюбие), но и отмечают региональные особенности.

3. Историческая интерпретация казачьей литературы

Возникнув на окраинах Руси, обретя постепенно четкую структуру и в процессе многовековой эволюции превратившись в значитель-

ную общественную силу, казачество как социально-культурный феномен стало предметом изображения художественной литературы. Мы полагаем, что для более точного и верного понимания произведений о казачестве необходимо учитывать исторический аспект, анализировать и интерпретировать художественные тексты с учетом эпохи.

Считаем, что казачью литературу можно рассматривать в контексте трех исторических периодов: казачья литература Российской империи (до революции 1917 года), казачья литература, относящаяся к эпохе существования Советского государства (1917–1991), новейшая казачья литература (с 1991 года по настоящее время). Каждая эпоха накладывает свой отпечаток на проблематику и систему образов произведений. Так казачья литература дореволюционного периода преимущественно изображала казака героем, выполняющим историческую миссию защиты родной земли и освоения новых пространств, в литературе советского времени казак показан трагической личностью, а в современной литературе писатели представляют процесс возрождения духа казачества.

3.1. Исторический героизм казачьей литературы до 1922 года

В настоящей статье мы отмечаем, что образы казаков появляются в русской литературе и фольклоре довольно часто, героические поступки казаков, стоявших

на страже родных рубежей и христианской веры привлекают авторов и читателей. Особое внимание образам казаков уделяется в произведениях конца XVIII – XIX веков, казачество изображается как русскими, так и зарубежными писателями-романтиками.

Считаем необходимым особо остановиться на формировании образа казака в произведениях А. Г. Евстафьева. Судьба самого Алексея Григорьевича Евстафьева (1783–1857), по происхождению донского казака – священника, дипломата, русского консула в Америке, публициста, писателя, музыканта – вполне достойна стать материалом для романа. Исследование этой интереснейшей судьбы уже начато современными учеными (см., например, работы Е. Л. Рябовой и Л. О. Терновой). Живя в Америке и выступая против нападков на воюющую с Наполеоном Россию, А. Г. Евстафьев печатает ряд произведений «о свободолюбии русских, Петре I, руководителях народного ополчения Кузьме Минине и Дмитрии Пожарском, героизме народа в Отечественной войне 1812 года» [Рябова, 2015]. В «Бостонской газете» была опубликована статья А. Г. Евстафьева «Американская свобода защищалась донскими казаками», посвященная мужеству и силе духа донского казачества. Казаки становились героями не только публицистики А. Г. Евстафьева, но и его драматических произведений, среди которых необходимо назвать

историческую драму «Мазепа – гетман Украины» и драму «Казачи на пути в Париж» (оба произведения с успехом шли на сцене американских театров, формируя интерес к России, ее истории).

Гетман Мазепа – один из чрезвычайно востребованных персонажей русской и зарубежной романтической литературы. Среди десятков произведений зарубежных писателей XIX века, героем которых стал мятежный запорожский гетман, наиболее известными являются поэма Дж. Байрона «Мазепа», «Мазепа» французского романтика В. Гюго, «Мазепа» польского романтика Ю. Словацкого. Одним из центральных героев Мазепа становится в поэме величайшего русского поэта А. С. Пушкина «Полтава». Кроме того, в русской литературе художественную реализацию образа казачьего гетмана Мазепы мы находим в целом ряде произведений, пользовавшихся в свое время популярностью читателей. Среди них поэма поэта-декабриста К. Ф. Рылеева «Войнаровский», историческая повесть Е. П. Аладыина «Кочубей», роман Ф. В. Булгарина «Мазепа». Во всех произведениях образ запорожского гетмана представлен по-разному, писатели находят в Мазепе черты, зачастую соответствующие их собственному видению эпохи и исторического персонажа. А. С. Пушкин в предисловии к первому изданию «Полтавы» поясняет, что «Мазепа есть одно из самых замечательнейших лиц

той эпохи» и говорит о намерении «объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица» [Пушкин, 1949, с. 335]. В предисловии к «Полтаве» А. С. Пушкин, характеризуя намерения своих современников в интерпретации ими образа Мазепы, утверждает, что К. Ф. Рылеев в «Войнаровском» увидел в Мазепе не гетмана-предателя, а «героя свободы, нового Богдана Хмельницкого»; Е. П. Аладыин напротив, с точки зрения А. С. Пушкина, «изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме» [Пушкин, 1949, с. 339]. Фаддей Булгарин (являвшийся не только издателем реакционной «Северной пчелы», но и известнейшим в свое время автором авантурных и «исторических» романов) так сформулировал свое видение образа Мазепы: «Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только – добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, богатство и власть» [Булгарин, 1990, с. 369]. Личность запорожского гетмана вызывает значительный интерес и у наших современников, но сегодня она становится предметом изучения исследователей – филологов и историков (в связи со сказанным необходимо упомянуть о статье В. А. Кошелева «Четыре

«Мазепы» пушкинской эпохи» [Кошелев, 2016]).

Одним из известных русских писателей XIX века, в чьем творчестве отразился серьезный интерес к жизни казачества, был В. И. Даль. Характерно, что своим литературным псевдонимом доктор, ученый-этнограф, лингвист Владимир Иванович Даль выбрал оним, связанный с казачеством, – Казак Луганский. Глубокие знания о казаках, их истории, нравах, культуре, быте В. И. Даль получил за время своей восьмилетней службы в Оренбургском крае (1833–1841), куда был приглашен военным губернатором В. А. Перовским на службу в качестве чиновника особых поручений. В 1833 году, когда А. С. Пушкин собирал материалы о пугачевском восстании, именно В. И. Даль возил его в казачью станицу Берды. За годы службы В. И. Далю пришлось заниматься многими аспектами жизни уральских казаков, что, безусловно, нашло отражение и в творчестве писателя. В очерке «Уральский казак» В. И. Даль особое внимание уделяет изображению казака Маркиана Проклятова. Автор подробно описывает внешность казака, его одежду, оружие, останавливается на том, какими были юные годы этого человека, как он ведет себя в тяжелых условиях похода и в мирной жизни, упоминает о его семье. Не обходит вниманием В. И. Даль и особенности казачьего говора («Казак говорит резко, бойко, отрывисто» [Даль, 1983]). Изоб-

ражения гибели Маркиана в бою во время войны В.И. Даль сознательно не дает в тексте очерка, обходясь упоминанием, что «выбыло из полка, однако же, человек полтора года». Тем острее видится трагедия жены погибшего казака, ждущей возвращения мужа из похода, нетерпеливо спрашивающей у его сослуживцев: «Проклятов, родные мои, где Маркиан?» [Даль, 1983].

Выше мы упоминали об особом интересе к феномену казачества величайших русских писателей XIX века – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. Выполненный обзор произведений классиков, посвященных казакам, и рассмотренных в статье произведений А. Г. Евстафьева, К. Ф. Рыльева, Т. Г. Шевченко, Ф.В. Булгарина, Е. П. Аладьева, В. И. Даля позволяет сделать вывод о двух тенденциях изображения казачества как историко-культурного феномена и казака как литературного персонажа, наметившихся в XVIII – XIX веках. С одной стороны, наблюдается явный интерес писателей к изображению казака – романтической, героической, мятежной, свободолюбивой, необыкновенной личности. Такой казак может быть как настоящим героем (Остап Бульба), так и романтическим злодеем (Мазепа). В поиске такого героя писатели обращаются к историческим событиям, к прошлому России (эпоха Смуты, Петровская эпоха, бунты и восстания под предводительством казачьих атаманов и т. д.). С подоб-

ным изображением казачества мы встречаемся в поэме А. С. Пушкина «Полтава», повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», в «Войнаровском» К. Ф. Рылеева, драме А. Г. Евстафьева «Мазепа – гетман Украины» и некоторых других. Наряду с изображением романтического казака в русской литературе XIX века формируется тенденция изображения казачества, сознательно лишенного романтического флера, подчеркнуто земного, бытового, естественно-го. В произведениях В. И. Даля, повести Л. Н. Толстого «Казачьи» мы наблюдаем обращение именно к такому способу изображения. Необходимо отметить, что и в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина Пугачев и его сподвижники-казаки также лишены черт романтических персонажей. При этом лишенная романтического ореола жизнь казачества представлена глубоко, ярко, красочно, разносторонне, образ казака не утратил своей мощи и внутренней силы.

3.2. Трагические мотивы казачьей литературы во времена СССР

Начало XX века – трагические страницы в истории страны и в истории казачества. Первая мировая война, революции 1917 года, гражданская война, вынужденная эмиграция значительной части казаков, репрессии против многих казаков, оставшихся на родине – с этих событий начинается трагедия казачества в XX веке. Впоследствии стра-

ну (и казачество, в частности) ждут коллективизация, раскулачивание и расказачивание, высылка из родных станиц и хуторов, попытка устранить само понятие «казачество» из жизни народа. Трагические судьбы казаков становятся предметом интереса некоторых русских писателей.

Безусловно, речь должна идти, прежде всего, об осмыслении пути казачества М. А. Шолоховым. С цикла «Донские рассказы», посвященного изображению казачества в годы гражданской войны, начинается известность будущего классика советской литературы. Героями «Донских рассказов» стали дети, молодые люди, старики, на глазах которых происходит слом всего, на чем традиционно держалось донское казачество. Смерть, голод, сиротство, утрата близких – те испытания, которые приходится переживать героям-казакам в годы гражданской войны. Художественное исследование переустройства мира, изменения характера отношений в семье, в казачьей общине, формирования нового отношения к важнейшим для казачества понятиям воинской службы, труда на земле, ценности человеческой жизни будет продолжено М. А. Шолоховым в романе-эпосе «Тихий Дон». На многочисленных примерах казачьих судеб (молодых и старых, зажиточных и бедных), представителей семейных гнезд Мелеховых, Коршуновых, Кошевых, Астаховых и множества других персонажей, проведя их через испытания Пер-

вой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны, М. А. Шолохов показывает внутренние противоречия в казачьей среде, особенно обострившиеся во время трагических разломов в судьбе России, особенно в судьбе донского казачества.

Кроме Михаила Александровича Шолохова о казачестве в 1930-е годы писал один из ярких поэтов того периода Павел Васильев (1910–1936). Поэма «Песня о гибели казачьего войска» создавалась с 1928 по 1932 годы, в 1933 году была написана поэма «Соляной бунт». В «Песне о гибели казачьего войска» Васильев изображает трагедию гражданской войны, задавая вопрос: «... по чьей вине / Полстраны в пожарах, в дыму, в огне?» [Васильев, 2019]. В поэме «Соляной бунт» в первой части изображена мирная жизнь казаков (свадьба, сговор, обычаи), а во второй части поэт показывает «сражение», смерть, казнь. Жестокость и мученичество, свадьба и смерть, духовное преображение казака Гриши Босого, защитившего девушку-киргизку, ярко изображены Павлом Васильевым в «Соляном бунте».

Роман Ивана Петровича Шухова «Горькая линия» (1931–1954), посвященный жизни казачьей крепости в Яицкой степи в годы Первой мировой войны, сложным отношениям казаков и киргизов-кочевников, роман-эпопея Василия Ивановича Балябина «Забайкаль-

цы», изображающий жизнь и нравы забайкальского казачества, события, происходящие в Забайкалье с 1908 по 1919 годы (включая события Первой мировой войны, революции и гражданской войны), непростую судьбу молодого казака Егора Ушакова и его любимой Насти, роман Василия Власовича Дюбина «Забуранный край» о жизни донского казачества в годы Первой мировой войны и гражданской войны продолжают традицию, начатую М. А. Шолоховым. В перечисленных произведениях авторы показывают трагедию казачества, трагедию разрушения привычного быта, традиций, духовных скреп. Мировоззренческая концепция М. А. Шолохова, явленная писателем в «Донских рассказах», «Тихом Доне», «Поднятой целине», отношении к глубинным противоречиям эпохи, вписанность судьбы казачества в судьбу всей России, особенно заметная в катастрофические периоды русской истории отразились и в таких романах, как «Ермак» А. С. Иванова, «Молоко волчицы» А. Т. Губина, «Кочубей» А. А. Первенцева.

Казачья литература советского периода посвящена не только изображению трагедии казачества, нарушению гармонии в казачьей жизни, разрушению семейных, родственных, дружеских и многих других связей, но и показу стойкости казачьего характера, глубины его внутреннего мира.

3.3. Дух времени в казачьей литературе после распада СССР

В конце XX века казачья литература вступает в новый период своего развития. Начиная со второй половины 1980-х годов можно говорить не только об увеличении общего количества произведений, посвященных феномену казачества и казацкого характера, но и о возрождении особого казачьего патриотизма, специфической казачьей культуры. Этот процесс был особенно заметен в регионах традиционного проживания казаков. Писатели во многом подготовили общественное сознание, пробудили общественный интерес к возрождению казачьей культуры. Вновь начали появляться казачьи творческие коллективы, издаваться казачьи газеты и журналы (например, всероссийский журнал «Кзаки»), публиковаться книги. В 2012 году в Союзе писателей России была создана казачья секция, проведен первый открытый литературный конкурс «О казаках замолвим слово».

Известно, что в эпоху, связанную с переменами, в обществе возрастает интерес к истории, к прошлому, к национальным истокам и национальным героям, к ключевым событиям. Подобная тенденция наблюдается и в казачьей литературе в период серьезных социальных и мировоззренческих изменений, связанных с разрушением СССР. Казачья литература в это время активно ищет яркого героя, являющегося олицетворением стойкости,

доблести. Таким героем становится, например, Алена Арзамасская, носительница характерных черт казачьей ментальности, доблести, мятежности. Образ Алены, сподвижницы Степана Разина, становится предметом изображения в таких произведениях, как романы «За волю!» К. Г. Абрамова, «Алена Арзамасская» В. Ф. Карпенко. Отметим, что интерес к образу Алены Арзамасской сформировался в литературе достаточно давно (можно вспомнить, например, «Песню про Алену-старицу» (1938) Д. Б. Кедрина).

Славные образы казаков воспеты в стихах таких поэтов, как Борис Куликов («Кто я такой» («Казачий дух / Не грим актерский...»), «Донщина», «Цвет лазоревый» и др.), Владимир Цыбин («Родительница степь»), Иван Варавва («Кубань», «Отзовитесь, друзья!»), Витислав Ходарев («Отчина») и др.

Заметными становятся и попытки осмыслить казачью литературу, фольклор как яркую страницу в истории русской литературы во всем их многообразии и глубине (одной из плодотворных попыток, на наш взгляд, является работа В. А. Латынина «Возвращение из небытия» [Латынин, 2015]).

Возрождение интереса к казачеству как культурному и историческому феномену и казачьей литературе, ее героям и поэтике – одно из заметных явлений нашего времени.

Библиографический список

1. Бахвалова В. А. Традиционная культура донского казачества: по материалам фольклора. Волгоград, 2009.
2. Булгарин Ф. В. Мазепа // Булгарин Ф.В. Сочинения. Москва : Современник, 1990. С. 367–634.
3. Васильев П. Н. Раненая песня. Москва : АСТ, 2019.
4. Гаджиева Л. И. Мир казачества в изображении Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова. Москва, 2007.
5. Герцен А. И. Избранное. Москва : Наука, 1974. 696 с.
6. Гордеев А. А. Золотая Орда и зарождение казачества. Москва : Страстной бульвар, 1992. 175 с.
7. Даль В. И. Уральский казак // Даль В. И. Избранные произведения. Москва : Правда, 1983.
8. Денисов В. Д. Тарас Бульба: герой-козак и его время (завершение цикла статей в № 1 – 3) // Культура и текст. 2017. № 4 (31) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taras-bulba-geroy-kozak-i-ego-vremya-zavershenie-tsikla-statey-v-1-3>. (Дата обращения: 20.06.2020).
9. Ерохин И. Ю. Представления российских исследователей об этническом облике и корнях казачества: краткий историко-этнографический дискурс // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 45–49.
10. Кошелев В. А. Четыре «Мазепы» пушкинской эпохи // Вестник Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля. Серия «Филологические науки». 2016. № 2 (12). С. 150–156.
11. Лаптева Е. В. К вопросу об истории российского казачества / Е. В. Лаптева, Л. П. Рожкова // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 60–67.
12. Латынин В. А. Возвращение из небытия. Москва : Издательство: Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей, 2015. 110 с.
13. Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений в 2 томах. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1837–1841. Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989.
14. Маруся Богуславка. URL: <https://osvita.ua/school/literature/63974/>. (Дата обращения: 20.06.2020).
15. Маскаева С. Н. Своеобразие изображения характера Алёны Арзамасской в произведениях мордовских писателей: трансформация образа / С. Н. Маскаева, В. М. Макушкин // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 3.

16. Опря О. В. Отражение жизни уральского казачества в произведениях В. И. Даля // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 2 – 2.
17. Песня про Байду. URL: <https://www.ukrlib.com.ua/narod/printout.php?bookid=5&id=3>. (Дата обращения: 20.06.2020).
18. Пономарев Я. А. Фольклор донских казаков в контексте культурных традиций в России. Москва, 2011.
19. Пушкин А. С. Полтава // Полное собрание сочинений: в XVI т. Москва : АН СССР, 1937–1949. Т. V. С. 15–68.
20. Рябова Е. Л. Казаки – дипломаты / Е. Л. Рябова, Л. О. Терновая // Казачество. 2015. № 11. С. 15–25.
21. Сергеев В. А. Унтовое войско. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1976. 662 с.
22. Сопов А. В. Место и роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах / А. В. Сопов, А. Ш. Бузаров // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №1. С. 229–233.
23. Ткаченко П. И. Где спит казацкая слава: станичные рассказы. По страницам кубанской культуры. Как возрождается казачество. Москва : Пресс-Соло, 1995. 297 с.
24. Ярешко П. В. Военные песни казаков Кубани как отражение жизни казачьей общины // Культурная жизнь юга России. 2014. № 1 (52). С. 104–107.
25. Ян Сумэй. Исследования по казачьей истории Российской империи. Пекин : Научное издательство, 2016.

Reference list

1. Bahvalova V. A. Tradicionnaja kul'tura donskogo kazachestva = Traditional culture of the Don Cossacks: po materialam fol'klora. Volgograd, 2009.
2. Bulgarin F. V. Mazepa = Mazepa // Bulgarin F.V. Sochinenija. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 367–634.
3. Vasil'ev P. N. Ranenaja pesnja = Wounded song. Moskva : AST, 2019.
4. Gadzhieva L. I. Mir kazachestva v izobrazhenii N. V. Gogolja, L. N. Tolstogo, M. A. Sholohova = The world of the Cossacks in the image of N. V. Gogol, L. N. Tolstoy, M. A. Sholokhov. Moskva, 2007.
5. Gercen A. I. Izbrannoe = Selected. Moskva : Nauka, 1974. 696 s.
6. Gordeev A. A. Zolotaja Orda i zarozhdenie kazachestva = Golden Horde and the birth of the Cossacks. Moskva : Strastnoj bul'var, 1992. 175 s.
7. Dal' V. I. Ural'skij kazak = Ural Cossack // Dal' V. I. Izbrannye proizvedenija. Moskva : Pravda, 1983.

8. Denisov V. D. Taras Bul'ba: geroj-kozak i ego vremja = Taras Bulba: hero-kozak and his time (zavershenie cikla statej v № 1 – 3) // Kul'tura i tekst. 2017. № 4 (31) // URL: <https://cyber-leninka.ru/article/n/taras-bulba-geroy-kozak-i-ego-vremja-zavershenie-tsikla-statej-v-1-3>. (Data obrashhenija: 20.06.2020).

9. Erohin I. Ju. Predstavlenija rossijskich issledovatelej ob jetnicheskom oblike i kornjah kazachestva: kratkij istoriko-jetnograficheskij diskurs = Ideas of Russian researchers about the ethnic appearance and roots of the Cossacks: a brief historical and ethnographic discourse // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2016. № 12. S. 45–49.

10. Koshelev V. A. Chetyre “Mazepy” pushkinskoj jepohi = Four “Mazes” of the Pushkin era // Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta imeni Al'freda Nobelja. Serija “Filologicheskie nauki”. 2016. № 2 (12). S. 150–156.

11. Lapteva E. V. K voprosu ob istorii rossijskogo kazachestva = To the question of the history of the Russian Cossacks / E. V. Lapteva, L. P. Rozhkova // Vestnik finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2012. № 4. S. 60–67.

12. Latynin V. A. Vozvrashhenie iz nebytija = Return from oblivion. Moskva : Izdatel'stvo: Regional'noe otdelenie prodjuserskogo centra pri Internacion'al'nom Sojuze pisatelej, 2015. 110 s.

13. Lermontov M. Ju. Polnoe sobranie stihotvorenij v 2 tomah. T. 2. Stihotvorenija i pojemy. 1837–1841 = A complete collection of poems in 2 volumes. V. 2. Poems and poems 1837–1841. Leningrad : Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1989.

14. Marusja Boguslavka = Marusya Boguslavka. URL: <https://osvita.ua/school/literature/63974/>. (Data obrashhenija: 20.06.2020).

15. Maskaeva S. N. Svoeobrazie izobrazhenija haraktera Aljony Arzamasskoj v proizvedenijah mordovskih pisatelej: transformacija obraza = The originality of the image of the character of Alyona Arzamas in the works of Mordovian writers: transformation of the image / S. N. Maskaeva, V. M. Maku-shkin // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva. 2012. № 3.

16. Oprja O. V. Otrazhenie zhizni ural'skogo kazachestva v proizvedenijah V. I. Dalja = Reflection of the life of the Ural Cossacks in the works of V. I. Dahl // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2016. № 2 – 2.

17. Pesnja pro Bajdu = Song about Baida. URL: <https://www.ukrlib.com.ua/narod/printout.php?bookid=5&id=3>. (Data obrashhenija: 20.06.2020).

18. Ponomarev Ja. A. Fol'klor donskih kazakov v kontekste kul'-turnyh tradicij v Rossii = Folklore of Don Cossacks in the context of cultural traditions in Russia. Moskva, 2011.

19. Pushkin A. S. Poltava = Poltava // Polnoe sobranie sochinenij: v XVI t. Moskva : AN SSSR, 1937–1949. T. V. S. 15–68.

20. Rjabova E. L. Kazaki – diplomaty = Cossacks – diplomats / E. L. Rjabova, L. O. Ternovaja // Kazachestvo. 2015. № 11. S. 15–25.

21. Sergeev V. A. Untovoe vojsko = Unt army. Ulan-Udje : Burjatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 662 s.

22. Sopov A. V. Mesto i rol' kazachestva v obshherossijskih kul'turno-jetnicheskikh processah = The place and role of the Cossacks in the all-Russian cultural and ethnic processes / A. V. Sopov, A. Sh. Buzarov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2011. №1. S. 229–233.

23. Tkachenko P. I. Gde spit kazackaja slava: stanichnye rasskazy. Po stranicam kubanskoj kul'tury. Kak vozrozhdaetsja kazachestvo = Where Cossack glory sleeps: village stories. On the pages of Kuban culture. How the Cossacks are being reborn. Moskva : Press-Solo, 1995. 297 s.

24. Jareshko P. V. Voinskie pesni kazakov Kubani kak otrazhenie zhizni kazach'ej obshhiny = Military songs of the Cossacks of Kuban as a reflection of the life of the Cossack community // Kul'turnaja zhizn' juga Rossii. 2014. № 1 (52). S. 104–107.

25. Jan Sumjej. Issledovanija po kazach'ej istorii Rossijskoj imperii = Research on the Cossack history of the Russian Empire. Pekin : Nauchnoe izdatel'stvo, 2016.

УДК 82

Тан Дини

<https://orcid.org/0000-0002-2546-179X>

А. А. Федотова

<https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

**Полемика вокруг А. И. Герцена в культурной жизни 1860-х годов
(на материале русской публицистики)**

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Тан Дини, Федотова А. А. Полемика вокруг А. И. Герцена в культурной жизни 1860-х годов (на материале русской публицистики) // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 139–152. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-139-152

Статья посвящена анализу переломного этапа в восприятии поздней деятельности А. И. Герцена русским обществом. Авторы отмечают, что шестидесятые годы XIX столетия закономерно считаются временем решительных перемен в жизни русского общества, и в русской культуре их знаком стало прогрессирующее размежевание литературных сил по идеологическому принципу. В статье рассматривается острая полемика, развернувшаяся в культурной жизни 1860-х годов между лондонским публицистом, изданиями М. Н. Каткова («Современная летопись», «Русский вестник») и газетой П. С. Усова «Северная пчела». Свободный от идеологических клише анализ ключевых статей, написанных в ходе полемики («Письмо гг. Каткову и Леонтьеву», «Молодая и старая Россия», «Журналисты и террористы» А. И. Герцена, «Наши заграничные réfugiés», «Заметка для издателя «Колокола»» М. Н. Каткова, передовицы «Северной пчелы», которые сегодня убедительно атрибутируются как принадлежащие перу Н. С. Лескова), позволяет выявить важные различия в социокультурных позициях представителей «консервативных» органов отечественной печати и сделать выводы об авторских стратегиях создания публицистических высказываний. В статье делаются выводы о влиянии этой полемики на общественную и литературную судьбы писателей, отмечается, что полемика с Катковым предвосхитила резкое охлаждение к Герцену русского общества в следующем 1863 году, когда после поддержки издателем «Колокола» польского восстания тираж газеты резко упал до 500 экземпляров, столь же значима оказалась полемика 1862 года для Лескова, чей только начинающийся литературный путь чуть было не подошел к концу в результате травли со стороны «прогрессивной» печати, а в сознании писателя имя Герцена стала навсегда ассоциироваться с петербургскими пожарами, непозволительным легкомыслием революционных агитаторов и принесенными ей в жертву жизнями юношей-

© Тан Дини, Федотова А. А., 2020

фанатиков, что отразилось не только в последующих «герценовских» очерках Лескова, но и в его художественной прозе. Особенно актуальными в этой связи являются наблюдения над статьями Лескова, своеобразие ранней публицистики которого до сих пор остается малоизученным явлением русской культуры.

Ключевые слова: культурная жизнь России, А. И. Герцен, М. Н. Катков, Н. С. Лесков, «Колокол», «Русский вестник», «Северная пчела», полемика.

Tang Dingyi, A. A. Fedotova

**Polemic around A. I. Herzen in the cultural life of the 1860-s
(based on Russian journalism)**

The article is devoted to the analysis of the turning point in the perception of late activity of A.I. Herzen by Russian society. The authors note that the sixties of the XIX century are naturally considered the time of decisive changes in the life of Russian society, and in Russian culture their sign was the progressive separation of literary forces according to the ideological principle. The article considers the acute controversy that happened in the cultural life of the 1860s between the London publicist, publications of M. N. Katkov (“Modern Chronicle”, “Russian Herald”) and the newspaper of P. S. Usov “Severnaya pchela.” An ideological-free analysis of key articles written during the controversy (“Letter to Katkov and Leontiev”, “Young and Old Russia”, “Journalists and Terrorists” by A. I. Herzen, “Our Foreign réfugiés”, “Note for the publisher of “Kolokol” M. N. Katkov, the forerunner of “Severnaya pchela”, which today are convincingly attributed as belonging to N. S. Leskov), allows you to identify important differences in the socio-cultural positions of representatives of the “conservative” bodies of the domestic press and draw conclusions about copyright strategies for creating journalistic statements. The article draws conclusions about the influence of this controversy on the social and literary fate of writers, it is noted that the controversy with Katkov anticipated a sharp cooling to Herzen of Russian society in the following 1863, when, after the publisher of “Kolokol” supported the Polish uprising, the newspaper's circulation fell sharply to 500 copies, equally significant was the controversy of 1862 for Leskov, whose only beginning literary path almost came to an end as a result of harassment by the “progressive” press, and in the mind of the writer, the name Herzen began to be forever associated with the St. Petersburg fires, the imposing frivolity of revolutionary agitators and the sacrificed lives of young fanatics, which was reflected not only in the subsequent “Herzen” essays of Leskov, but also in his artistic prose. In this regard observations on Leskov's articles are especially relevant, the originality of the early journalism of which still remains a little-studied phenomenon of Russian culture.

Key words: cultural life of Russia, A. I. Herzen, M. N. Katkov, N. S. Leskov, “Kolokol”, “Russian Herald”, “Severnaya pchela”, controversy.

Как точно отмечал В. А. Туни- | на на развитие русской обществен-
манов, «влияние слова А. И. Герце- | ной и литературной мысли XIX ве-

ка (и начала XX) было исключительно велико и многообразно» [Туниманов, 1987, с. 100]. Апогея популярность Герцена достигла на рубеже 1850–1860-х гг., когда тиражи «Колокола» достигали 4 500–5 000 экземпляров. О популярности издания сохранилось показательное свидетельство В. П. Мещерского: «...в военно-учебных заведениях, высших того времени, Герцена брошюры читались, сваливаясь с неба, и я помню, при встречах с юнкерами-сверстниками, разговор о том, что у них классы делятся на герценистов и антигерценистов» [Мещерский, 1897, с. 69].

«Мода» на Герцена, по его собственной ироничной характеристике в «Былом и думах», достаточно скоро сменилась расхождениями и полемикой. Парадоксально, но факт, что один из первых неблагоприятных отзывов о Герцене в русской печати принадлежит Н. Г. Чернышевскому. В статье «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», напечатанной в январском номере «Современника» за 1862 год, Чернышевский дополняет публикуемые им письма Добролюбова к родным жестким выпадом против недоброжелателей критика: «Теперь, милостивые государи, называвшие нашего друга человеком без души и сердца, – теперь честь имею обратиться к вам и <...> имею честь назвать вас тупоумными глупцами. Вызываю вас явиться, дрянные пошляки, – поддерживайте же ваше прежнее мне-

ние, вызываю вас» [Федотова, 2018, с. 35]. В объектах нелестного отзыва Чернышевского современники узнали И. С. Тургенева и Герцена, о чем и сам критик позже свидетельствовал в своих показаниях на следствии.

Однако официальной датой в полемике вокруг Герцена стала весна 1862 года, когда в русской печати после долгих лет молчания имя знаменитого изгнанника было произнесено вслух. Оно было упомянуто в апрельской статье газеты М. Н. Каткова «Современная летопись» в обзоре «Что делается в Москве»: «Что же такое читает теперь Москва? Еще не так давно я ответил бы: Не спрашивайте так громко... Москва читает теперь то, что читают украдкой, – это не для всех... Но это недавнее время прошло, и теперь я отвечу во всеуслышание: Москва читает письмо г. Герцена, известного русского réfugié» [Видуэцкая, 1963, с. 305]. Вслед за этим «Вятские губернские ведомости» опубликовали «Речь, сказанную при открытии Вятской публичной библиотеки А. Герценом 6 декабря 1837 года».

По воспоминаниям В. А. Цез, назначенного весной 1862 года председателем Санкт-Петербургского цензурного комитета, это внезапное появление имени Герцена в русской прессе было инспирировано им совместно с А. В. Головинным, бывшим в то время министром народного просвещения. При первом докладе Го-

ловнину Цез изложил ему свое мнение по вопросу Герцена: «Я полагал весьма полезным разрешить нашей печати возражать на статьи «Колокола» и при этом выразил надежду, что наша печать сумеет изобличить, сумеет разобличить те крайние увлечения, которыми, несмотря на замечательный ум и способность Герцена, изобиловала его газета» [Федотова, 2016, с. 274]. В воспоминаниях Цез точно обозначены основные силы, которые приняли участие в полемике с Герценом – ими стали издания Каткова «Современная летопись» и «Русский вестник», а также «Северная пчела». Всего в «Северной пчеле» было опубликовано 5 передовиц, посвященных «вопросу о Герцене» – все они сегодня убедительно атрибутированы И. П. Видуэцкой как принадлежащие перу Н. С. Лескова [Видуэцкая, 1963, 1996]. В конце 1861 года начинающий публицист – а с даты выхода его первого очерка не прошло и двух лет – переезжает в Петербург и попадает в самый центр горячей журнальной и газетной полемики.

Непосредственным поводом к написанию передовиц «Северной пчелы», посвященных деятельности Герцена, стала знаменитая полемика, разразившаяся между лондонским публицистом и Катковым. Передовицы Лескова – ««Колокол» и «Русский вестник»» (07.08.62, №212) и ««О заметке «Русского вестника» и о характере действий г. Герцена»» (08.08.62, №213) – свя-

заны с перепечаткой «Северной пчелой» наделавшей много шума статьи Каткова «Заметка для издателя «Колокола»» (Русский вестник. 1862. Т. 39. Июнь), которая, в свою очередь, стала продолжением заметки «Наши заграничные réfugiés» (Современная летопись. 1862. 6 июня).

Статьи Каткова отличаются резкой критикой деятельности Герцена. Небольшая заметка «Наши заграничные réfugiés» проводит прямые параллели между заявлениями издателя «Колокола» и майскими пожарами в Петербурге. По мнению Каткова, главная причина популярности в России Герцена – недостаточное развитие общества, науки и человеческой личности, которые делают возможным «тот факт, что несколько господ, которым нечего делать, несколько человек, неспособных контролировать свои собственные мысли, считают себя вправе распоряжаться судьбами народа с тысячелетнею историей (бедный тысячелетний народ, за что суждено тебе такое унижение?), предписывая законы его неучащейся молодежи и его недоученным передовым людям» [Катков, 2010, с. 489–490]. Несмотря на острую критику личности Герцена, его имени Катков пока не называет, ограничиваясь перифразом, вынесенным в заглавие заметки. Ироничная формула «наши réfugiés», которую Катков нашел ранее в статье «Что делается в Москве», дополняется определением «загра-

ничные». Этот плеоназм напрямую связан с важной линией критики Катковым Герцена – указанием на его оторванность от российского общества.

Ответ Герцена на заметку Каткова – «Письмо гг. Каткову и Леонтьеву» – был опубликован в «Колоколе» 10 июня. Герцен не отказывает себе в удовольствии с иронией отозваться о найденной для него Катковым характеристике («я должен признаться, что я до сих пор думал, что все réfugiés и эмигранты – более или менее заграничные» [Герцен, 1958, с. 212]) и заканчивает открытое письмо свойственным для возвышенного и эмоционального стиля его публицистики сравнением себя с Прудоном: «Может, вы слышали, как в 1849 году в народном собрании в Париже Прудон, задетый таким же образом Тьером, сказал ему спокойно, стоя на трибуне, превратившейся на ту минуту в страшный суд: «Говорите о финансах, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность, и тогда я не картель вам пошлю, а предложу вам другой бой: здесь, с этой трибуны, я расскажу всю мою жизнь, факт за фактом, каждый может мне напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. И потом пусть расскажет мой противник свою жизнь»» [Герцен, 1958, с. 213].

Открытое письмо Герцена и вызвало появление катковской «Заметки для издателя «Колокола»». Отвечая на «письмо», Катков при-

влекает текст еще одной известной публикации Герцена – «Молодая и старая Россия» (15 июля 1862). Эта статья, как явствует из ее названия, посвящена прокламации «Молодая Россия», распространение которой предшествовало петербургским пожарам. В тексте прокламации, призывавшей к «кровавой революции» [Лемке, 1904, с. 511], «уничтожению брака» [Лемке, 1904, с. 516] и провозглашению «социальной и демократической республики Русской» [Лемке, 1904, с. 518], отдельное внимание было уделено определению взгляда революционно настроенной молодежи на деятельность Герцена. Главным пунктом размежевания признавался недостаточный радикализм последнего: «С 1849 г. у Герцена начинается реакция: испуганный неудачною революциею 48 года, он теряет всякую веру в насильственные перевороты <...> его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно только что-нибудь сделать, – окончательно уронили журнал в глазах республиканской партии» [Лемке, 1904, с. 512–513].

Герцен видит необходимость прокомментировать наиболее резкие высказывания авторов прокламации: «революция кровавая и неумолимая» [Герцен, 1958, с. 512], «мы не страшимся ее хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы» [Герцен, 1958, с. 514], «как очистительная жертва сложит голо-

вы весь дом Романовых! Больше же ссылок, больше казней! – раздражайте, усиливайте негодование общественного мнения» [Герцен, 1958, с. 516]. Для этого публицист подвергает интерпретации неоднократно повторяющийся в статье образ крови: «Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить их мы не станем. Ну что упрекать молодости ее молодость, сама пройдет, как поживут <...> Горячая кровь, *il troppo giovanil' bollore* <...> святое нетерпение, две-три неудачи – и страшные слова крови и страшные угрозы срываются с языка. Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь – юношей-фанатиков» [Герцен, 1958, с. 202]. Эмоциональный тон статьи задает подчеркнута мягкая и дружественная реплика Герцена, которой он отвечает на достаточно резкую критику своей личности и деятельности в прокламации: «Вы нас считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем – а сердце дает такт» [Герцен, 1958, с. 203].

Статья Герцена полна христианской образности, которая используется автором для характеристики молодых революционеров: «Наши жертвы искупления, как Михайлов, как Обручев, должны вынести двойное мученичество» [Герцен, 1958, с. 203], «народ нам не верит и готов побить камнями тех, которые за него отдают жизнь» [Герцен,

1958, с. 203]), «Разве шляхетная Магдалина своим собственным сердцем дошла до раскаяния?» [Герцен, 1958, с. 203]. Сопоставление радикальной молодежи с христианскими мучениками, в целом свойственной революционной стилистике, подчеркивает возвышенную и приподнятую интонацию пламенного заявления Герцена.

Вступая в полемику с Герценом Катков излагает сущность принципиальной позиции авторов прокламации, которая в статье лондонского публициста отодвинута на второй план: «Публике отчасти известно из газет содержание этого безобразного изделия наших революционеров. Здесь требуется не более ни менее как признать несуществующим Бога, затем уничтожить брак и семейство, уничтожить право собственности <...> достигнуть всего этого путем самого обильного кровопускания, какого еще нигде не бывало, и забрать крепко власть в свои руки» [Катков, 2010, с. 503]. Это лаконичное обобщение необходимо Каткову для того, чтобы продемонстрировать наиболее уязвимые, с его точки зрения, стороны статьи Герцена, в которых лондонский публицист дает свою оценку прокламации.

Основным объектом критики Каткова становится не содержание статьи Герцена – впрочем, по сравнению с прокламацией «Молодая Россия» оно вполне умеренно – а ее стилистика. Прежде всего, Катков жестко характеризует интонацию

дружеского обращения, выбранную Герценом для разговора с молодыми революционерами: «Обо всех говорит он с негодованием, со злобною иронией; к ним одним обращается он со словом нежности, с чувствительным дрожанием в голосе» [Катков, 2010, с. 504]. Кроме того, Катков саркастически отзывается о эмоциональной и возвышенной патетике, свойственной статье: «А чтоб им было веселее и чтоб они не одумались, он перебирает все натянутые струны в их душе, он шевелит в них всю эту массу темных чувствований, которые мутят их головы, он поет им о «тоске ожидания...», он поет им о «святом нетерпении» [Катков, 2010, с. 505]. Наконец, Катков тонко подмечает, что возвышенный характер статьи Герцена связан с использованием им библейской фразеологии, и жестко подчеркивает: «фразер иначе не говорит теперь, как библейским языком» [Катков, 2010, с. 504], «он отслужит по ним панихиду; шутовской папа, он совершит торжественную канонизацию этих японских мучеников» [Катков, 2010, с. 505], «он поет молебен жертвам, уже пострадавшим за подметные листы» [Катков, 2010, с. 505].

Катков утверждает двусмысленность избранной Герценом роли «пророка», основываясь на объективном факте жизни Герцена за границей: «Ему ничего, – пусть прольется кровь этих «юношей-фанатиков»! Он в стороне – пусть

она прольется» [Катков, 2010, с. 505], «и если б еще был он на месте, с ними, с этими «юношами-фанатиками» <...> нет, он поет им из-за моря» [Катков, 2010, с. 505]. Подбирая подходящие для Герцена определения Катков перестает стесняться в выборе выражений: «наш фразеолог» [Катков, 2010, с. 501], «наш артист» [Катков, 2010, с. 500], «болтун» [Катков, 2010, с. 503], «бездушный фразер» [Катков, 2010, с. 505] и заканчивает статью эффектным ответом на обращение в открытом письме к нему Герцена: «Издатели «Колокола» спрашивают нас, какие они люди. Мы сказали. Честными ни в каком случае назвать их нельзя. От бесчестия им одна отговорка – помешательство» [Катков, 2010, с. 512].

Если стиль статей Герцена послужил главным предметом критики Каткова, то стиль заметки Каткова стал основанием для того, чтобы Герцен прекратил с ним полемику. Своеобразным ответом на высказывания Каткова стала заметка «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова», опубликованная в «Колоколе» 22 августа 1862 г., в которой Каткову отводится лишь одна финальная фраза: «Теперь разрешили убедителям III отделения ругать «нарушителей общественного порядка». Ну вот они и довели Каткова до статьи, в которую он упал, как в помойную яму! Как бы он не захлебнулся в ней по примеру генерал-адъютанта и бывшего спб. обер-

полицмейстера Кокошкина» [Герцен, 1958, с. 234]. Намекая на слухи об обстоятельствах гибели обер-полицмейстера С. А. Кокошкина, который при обследовании выгребных ям якобы провалился в одну из них, Герцен в свойственной ему тонкой иронической манере наносит сразу два выпада против Каткова: он демонстрирует и недопустимость тона издателя «Русского вестника», и намекает на его возможную связь с III отделением.

Статья Каткова была перепечатана «Северной пчелой» 7 августа 1862 г. Предваряет публикацию небольшая заметка Лескова. Ее название – ««Колокол» и «Русский вестник»» – показательно. Автор заметки старается быть предельно объективным и выступает как своеобразный арбитр в развернувшейся горячей полемике. Задачи газетной передовицы мало соответствуют подобной роли, поэтому Лесков организует свою заметку достаточно необычно – он напоминает читателям об основных вехах восприятия образа Герцена в отечественной печати. Связь между значимыми эпизодами этого пути временная: «С того времени, как Герцен, уехав за Границу, остался в Лондоне и объявлен в своем отечестве изгнанником, русские типографские станки не печатали ни его имени, ни его произведений. Гласно имя его произнесено в первый раз только в 1862 году. Только в 1862 году «Современник» отнесся к нему с некоторыми намеками <...> в нашей

газете была потом напечатана речь, сказанная Герценом в Вятке» <...> после того Герцена еще более раздражила небольшая заметка «Русского вестника» [Лесков, 1998, с. 666-667]. Лесков выстраивает своеобразную хронику событий, благодаря чему в заметке появляется сюжетное начало. Насыщенность заметки фактической информацией и сведение к минимуму оценочных языковых конструкций создает эффект предельно объективного повествования, которое подчеркивается лаконичными и емкими характеристиками: «речь, сказанная Герценом в Вятке, – это речь умная, спокойная и честная» [Лесков, 1998, с. 666], «заметка «Русского вестника» была горяча, немного желчна, но правдива» [Лесков, 1998, с. 667].

Собственно к разбору позиций Герцена и Каткова Лесков приступает в следующей своей статье, посвященной этой полемике – «О заметке «Русского вестника» и о характере действия г. Герцена», вышедшей в «Северной пчеле» на следующий день. По сути дела, эта небольшая передовица является единственным текстом Лескова, в котором он предельно прямо и точно формулирует свое расхождение с позицией Герцена. Впрочем, сохраняя стремление быть объективным, писатель начинает статью с критики заметки Каткова. Главным предметом критики закономерно выступает ее тон: «Мы находим, что в заметке «Вестника» есть много

верного и правдивого, но не можем без сожаления вспомнить о тех неприятных выражениях, которые рассыпаны по ней довольно щедро рукою» [Лесков, 1998, с. 669]. В этом замечании «Северная пчела» не была одинокой, о неподобающем тоне статей Каткова писали и М. П. Погодин, И. С. Тургенев, И. С. Аксаков [Батурицкий, 1904, с. 176-181].

Следующий вывод Лескова более парадоксален: публицист утверждает, что Катков «увлекся даже до того <...> что впал в весьма сильную ошибку. Он признал за г. Герценом такое значение, какого последний, по нашим понятиям, никогда в России не имел, да и никогда иметь не будет» [Лесков, 1998, с. 669]. Этот тезис и становится в передовице Лескова поводом для разоблачения Герцена. Отправной пункт для критики Лескова тот же, что и у Каткова – утверждение о жизни Герцена вне русского общества, что подчеркивается цитированием писателя заметки «Русского вестника»: «нам нужно <...> опровержение его идей, которые он проводил и проводит, «сидя за плечами лондонского полисмана»» [Лесков, 1998, с. 669], «Наш «генерал от революции», как называет его «Русский вестник», давно оставил свое отечество» [Лесков, 1998, с. 670]. Между тем, если для Каткова этот факт является поводом для обвинения Герцена в занятии двусмысленной позиции, то в статье Лескова он становится, скорее, ос-

нованием для оправдания лондонского публициста. По мысли Лескова, не сама по себе жизнь Герцена за границей заслуживает осуждения, но ее следствие – оторванность от современных реалий русского общества и, прежде всего, непонимание особенностей мировоззрения крестьянства.

Как известно, соотношение теории и практики, отвлеченной идеи и реальной жизни – это весьма близкий Лескову критерий, который он неоднократно применял к разного рода учениям, от нигилизма 60-х до народничества 70-х и толстовства 80-х годов. Писатель, который сразу же заявил о себе в литературе как о «изучавшем народ не по разговорам с петербургскими извозчиками» [Лесков, 1996, с. 206], и теорию Герцена разбирает именно с этой позиции. Выводы Лескова, естественно, неутешительны: «г. Герцен не человек дела» [Лесков, 1998, с. 670], «г. Герцен <...> берется устраивать нам такое положение, которого мы вовсе не хотим, к которому вся Русь не имеет никакого расположения и которому она станет противодействовать вся, от мала до велики, от мужика, сеющего гречу, до людей, ценою тяжких трудов и лишений сколотивших какой-нибудь грош для себя и малых детей» [Лесков, 1998, с. 670], «народ хлопочет об устройстве своего быта и больше занят тем, чтобы покрыть ветхие кровли своих изб, чем вопросами, которые близки сердцу Герцена» [Лесков, 1998,

с. 671]. Утверждая ограниченность и субъективность взгляда Герцена, Лесков иронично противопоставляет «всероссийской общине» [11, с. 670] и «социалистическим казармам» [Лесков, 1998, с. 670] – отвлеченным идеалам лондонского публициста – подчеркнуто приземленные, бытовые детали из русской жизни.

Тезису о том, что причина ограниченности взгляда Герцена – его оторванность от русской жизни – Лесков находит новые доказательства в заметке «Об отношении «Северной пчелы» к г. Герцену и его «собачкам» (28.08.1862). Эта передовица опирается на новую статью Герцена «Журналисты и террористы», опубликованную в «Колоколе» 15 августа. Статья является продолжением заметки Герцена «Молодая и старая Россия», однако тональность высказывания лондонского публициста заметно изменяется. Название статьи – «Журналисты и террористы» – тонко обыгрывает ее основную цель, а именно, ответ Герцена на нападки на него «Русского вестника», с одной стороны, и молодых революционеров с другой. Возвышенность и эмоциональность стиля Герцена остаются теми же, но от романтизации революционной деятельности публицист обращается к прагматике: «Насильственные перевороты бывают неизбежны <...> но выкликать их в начале рабочего дня, не сделав ни одного усилия, не истощив никаких средств, останавливаться на

них с предпочтением нам кажется так же молодо и незрело, как нерасчетливо и вредно пугать ими <...> Наш переворот должен начаться с сознательного возвращения к народному быту, к началам, признанным народным смыслом и вековым обычаем. Закрепляя право каждого на землю, т. е. объявляя землю тем, чем она есть – неотъемлемой стихией, мы только подтверждаем и обобщаем народное понятие об отношении человека к земле. А потому оставьте революционную риторику и займитесь делом <...> соединяйтесь с народом, чтоб он забыл ваш откол; проповедуйте ему не Фейербаха, не Бабёфа, а понятную для него религию земли <...> и будьте готовы» [Герцен, 1958, с. 702].

В передовице «Северной пчелы» Лесков цитирует финальный призыв Герцена к «молодой России»: «Тут предлагается «оставить революционную риторику и заняться делом»; «проповедовать народу не Фейербаха, не Бабёфа, а понятную для него религию земли...». Уступка огромная и способная еще увеличиваться по мере того, как г. Герцен будет ближе узнавать, какую «религию земли» исповедует наш народ. Г. Герцен ведь решительно не знает, что думает народ и к чему он стремится. Просим же его хоть немножко поверить нам, что народ всеми мерами стремится достигнуть со временем поземельной собственности. Десятину, две, хоть осминничек, да лишь бы своего <...>

Вот его религия земли <...> Охотно верят только тому, чему приятно верить, а г. Герцену, конечно, не может быть приятно поверить, что народ желает донавозить свой собственный кусочек «стихии» и помаленьку раскупает ее» [Лесков, 1998, с. 702]. Субъективную и ограниченную позицию «лондонского публициста» Лесков, как и в предыдущих своих передовицах, сопоставляет с ракурсом практика и знатока народной жизни. Обращаясь к приему несобственно-прямой речи, писатель воспроизводит в передовице фразеологическую и идеологическую точку зрения крестьянина: «Десятину, две, хоть осминничек, да лишь бы своего», «помаленьку раскупает ее». Характерное использование уменьшительно-ласкательных форм слов вводит в финал передовицы тонкую насмешку над умозрительными, по мнению Лескова, построениями Герцена, что особенно очевидно во фразе «народ желает донавозить свой собственный кусочек «стихии»». Писатель противопоставляет подчеркнуто сниженный образ повседневного крестьянского труда возвышенному и в глубине своей романтическому пониманию Герценом земли как «стихии».

60-е годы XIX столетия закономерно считаются временем решительных перемен в жизни русского общества. В русской литературе их знаком стало прогрессирующее размежевание литературных сил по идеологическому принципу, что

отразилось, прежде всего, в жанре романа (подробнее об этом см. [Андреева, 2012; Андреева, 2013]). Парадоксальность полемики вокруг деятельности Герцена определяется тем, что в критике его деятельности взгляды «партизанов» (как в то время называли представителей разных партий) неожиданно сошлись.

1862 год оказался переломным для издателя «Колокола», ответившего на резкую отповедь русских авторов горькими словами о собственном одиночестве и трагедии непонимания его на родине: «Еще и еще камень – ну, этот мимо, и вот еще <...> это не камень, что-то рыхлое, ледящееся, это из-за Черной Грязи. Почти все, владеющие пращой в русской журналистике, явились один за другим на высочайше разрешенный тир и побивают нас <...> По счастью, у иных рука неверна, словно дрожит от волнения, от угрызения совести, от воспоминаний; другие нарочно пускают мимо, а третьи бросаются грязью, – это очень гадко, но не больно. Потешайтесь, господа; мы только того и хотели, чтоб как-нибудь возвратиться к вам; мы возвращаемся мишенью, итак, à vos pièces, canonniers! (к орудиям, канониры!)» [Герцен, 1958, с. 221]. Полемика с Катковым предвосхитила резкое охлаждение к Герцену русского общества в следующем 1863 году, когда после поддержки издателем «Колокола» польского

восстания тираж газеты резко упал до 500 экземпляров.

Но еще более роковую роль полемика 1862 года сыграла в жизни молодого автора «Северной пчелы» Лескова, чей только начинающийся литературный путь чуть было не подошел к концу в результате травли со стороны «прогрессивной» печати. В сознании писателя имя Герцена стало навсегда ассоциироваться с петербургскими пожарами,

непозволительным легкомыслием революционных агитаторов и принесенными ей в жертву жизнями юношей-фанатиков, что отразилось не только в последующих «герценовских» очерках Лескова («Искандер и ходящие о нем толки» (1863), статьи в газете «Биржевые ведомости» (1869-1870) «Загадочный человек» (1870)), но и в его художественной прозе (роман «Некуда» (1864)) [Щеэ, 1897].

Библиографический список.

1. Андреева В. Г. Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н. С. Лескова, В. Г. Авсеенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. №4. С. 114-117.
2. Андреева В. Г. Взбаламученное море А.Ф. Писемского и «Дым» И. С. Тургенева: типологические связи и художественные переключки // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. №5. С. 121-125.
3. Батуринский В. П. А. И. Герцен, его друзья и знакомые. Т. 1, Санкт-Петербург : Издательство Львовича, 1904. 310 с.
4. Видуэцкая И. П. Лесков о Герцене // Проблемы изучения Герцена. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. С. 301-320.
5. Видуэцкая И. П. Передовые статьи по вопросам внутренней жизни России в «Северной пчеле» (1862-1863 гг.) // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 1. Москва : «Терра», 1996. С. 787-859.
6. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. Москва : Изд-во АН СССР, 1958. 529 с.
7. Головачева О. А. Средства характеристики в публицистических статьях Н.С. Лескова об А.И. Герцене: парадигматический и стилистический аспекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. №7. С. 79-82.
8. Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. Санкт-Петербург : ООО «Издательство «Росток», 2010. 834 с.
9. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Санкт-Петербург : Книгоиздательство М. В. Пирожкова, 1904. 428 с.

10. Лесков Н. С. Русское общество в Париже // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 3. Москва : «Терра», 1996. С. 185–372.
11. Лесков Н. С. Сочинения 1862–1863 гг. // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 2. Москва : Терра, 1998. 992 с.
12. Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 1 (1850–1865). Санкт-Петербург : Типография князя В. П. Мещерского, 1897. 453 с.
13. Туниманов В. А. «Вольное слово» А. И. Герцена и русская литературная мысль XIX века // Русская литература. 1987. №1. С. 100–112.
14. Федотова А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 342 с.
15. Федотова А. А. Эквивалентность персонажей в сказе Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №2. С. 142–148.
16. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 10. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1951. 1094 с.
17. Цез В. А. Воспоминания // Русская старина. 1897. № 11. С. 274–277.

Библиографический список.

1. Andreeva V. G. Vtoroe pokolenie russkih nigilistov v vosprijatii N. S. Leskova, V. G. Avseenko = The second generation of Russian nihilists in the perception of N. S. Leskov, V. G. Avseenko // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2012. №4. S. 114–117.
2. Andreeva V. G. Vzbalamuchennoe more A.F. Pisemskogo i «Dym» I. S. Turgeneva: tipologicheskie svjazi i hudozhestvennye pereklichki = The amorous sea of A.F. Pisemsky and "Smoke" of I.S. Turgenev: typological connections and art roll calls // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2013. №5. S. 121–125.
3. Baturinskij V. P. A. I. Gercen, ego druž'ja i znakomye = A. I. Herzen, his friends and acquaintances. T. 1, Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo L'vovicha, 1904. 310 s.
4. Vidujeckaja I. P. Leskov o Gercene = Leskov about Herzen // Problemy izuchenija Gercena. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 301–320.
5. Vidujeckaja I. P. Peredovye stat'i po voprosam vnutrennej zhizni Rossii v «Severnoj pchele» (1862-1863 gg.) = Leading articles on the internal life of Russia in "Severnaya pchela" (1862-1863 gg.) // Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 1. Moskva : Terra, 1996. S. 787–859.
6. Gercen A. I. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 16 = Collected works: 30 t. T. 16. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1958. 529 s.
7. Golovacheva O. A. Sredstva harakterizacii v publicisticheskikh stat'jah N. S. Leskova ob A. I. Gercene: paradigmaticeskij i stilisticheskij aspekty =

Means of characterization in journalistic articles by N.S. Leskov about A. I. Herzen: paradigmatic and stylistic aspects // *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*. 2011. №7. S. 79-82.

8. Katkov M. N. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1. Zasluga Pushkina: O literatorah i literature = Collected works: in 6 v. V. 1. Pushkin's Merit: about writers and literature*. Sankt-Peterburg : OOO «Izdatel'stvo «Rostok», 2010. 834 s.

9. Lemke M. *Očerki po istorii rusškoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletija = Essays on the history of Russian censorship and journalism of the XIX century*. Sankt-Petebrug : Knigoizdatel'stvo M. V. Pirozhkova, 1904. 428 s.

10. Leskov N. S. *Russkoe obshhestvo v Parizhe = Russian society in Paris // Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 3. Moskva : «Terra», 1996. S. 185-372.*

11. Leskov N. S. *Sochinenija 1862–1863 gg. = Compositions 1862–1863 gg. // Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 2. Moskva : «Terra», 1998. 992 s.*

12. Meshherskij V. P. *Moi vospominanija = My memories. Ch. 1 (1850–1865)*. Sankt-Peterburg : Tipografija knjazja V. P. Meshherskogo, 1897. 453 s.

13. Tunimanov V. A. «Vol'noe slovo» A. I. Gercena i rusškaja literaturnaja mysl' XIX veka = "Free Word" by A. I. Herzen and Russian literary thought of the XIX century // *Rusškaja literatura*. 1987. №1. S. 100–112.

14. Fedotova A. A. «Trudnyj rost»: recepcija v proze N. S. Leskova = "Difficult growth": reception in N. S. Leskov's prose. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. 342 s.

15. Fedotova A. A. *Jekvivalentnost' personazhej v skaze N. S. Leskova = Equivalence of characters in the story of N. S. Leskov // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik*. 2016. №2. S. 142–148.

16. Chernyshevskij N. G. *Polnoe sobranie sochinenij = Complete set of works in v 15 t. T. 10. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury*, 1951. 1094 s.

17. Ceje V. A. *Vospominanija = Memories // Rusškaja starina*. 1897. № 11. S. 274–277.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асафьева Елена Валерьевна – учитель русского языка и литературы, ГПОУ ЯО «Ярославский колледж управления и профессиональных технологий», 150042, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, д. 31а.

E-mail: tvist_o@list.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: e71mih@mail.ru

Ван Цяньцян – ассистент кафедры иностранных языков Института Международного Образования Сюйчанского университета. 461000, г. Сюйчан, ул. Баи, д. 88.

E-mail: qianqianwang1988@163.com

Казьмина Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: ljolya@gmail.com

Калинина Татьяна Жюдатовна – магистр образования по направлению «Гуманитарные знания», преподаватель русского языка в Шидзяджуанском железнодорожном профессионально-техническом институте. 050000, КНР, уезд Чжендин, г. Шидзяджуан, провинция Хэбэй.

E-mail: tatjana-kalinina5@rambler.ru

Кирюхина Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

E-mail: lyubabukhtulova@mail.ru

Колода Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: sveta_koloda@mail.ru

Коу Сяохуа – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: 839367883@qq.com

Ленишева Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Белорусского государственного университета. 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

E-mail: elena_tochilina@mail.ru

Лукьянчикова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: lunavl@yandex.ru

Тан Дини – кандидат филологических наук, старший преподаватель Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бейбей, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: ginnetang@mail.ru

Федотова Анна Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: gry_anna@mail.ru

Цзян И – доктор юридических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук (КАОН). 100007, КНР, Пекин, Чжан Цзычжун, улица №3.

E-mail: jiangyi@cass.org.cn

Ян Сумэй – профессор, заведующая центром исследования регионов Волга – Днепр Аньхойского педагогического университета КНР. КНР, Аньхой, г. Уху, ул. ЦзюХуа 189.

E-mail: ysmhd314@126.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Asafieva Elena Valerievna – teacher of Russian and literature, CEEI YarR “Yaroslavl College of Management and Professional Technologies”, 150042, Yaroslavl, Tutaevskoye Highway, 31a.

E-mail: tvist_o@list.ru

Boldyreva Elena Mikhailovna – doctor of philology, professor of the Institute of foreign languages of Southwestern University, PRC. 400715, PRC, Chongqing, Beybei District, Tiansheng St., 2.

E-mail: e71mih@mail.ru

Wang Qianqian – assistant of foreign language teaching and research office of International education school of Xuchang University. 461000, Xuchang, Bayi Street, 88.

E-mail: qianqianwang1988@163.com

Kazmina Olga Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor of the Institute of foreign languages of Southwestern University of China. 400715, PRC, Chongqing, Beybei District, Tiansheng St., 2.

E-mail: ljolya@gmail.com

Kalinina Tatiyana Zhyaudyatovna – master of education in the direction “Humanitarian Knowledge”, teacher of the Russian language at Shidzijuwan Railway Vocational and Technical Institute. 050000, China, Xinlong Technology Group, № 79, Hua’an East Road.

E-mail: tatjana-kalinina5@rambler.ru

Kiryukhina Lyubov Vladimirovna – candidate of philological sciences, associate professor of the department of foreign languages and linguistics of the pedagogical institute of FSBEI HE “Irkutsk State University”. 664003, Irkutsk, Karl Marx st., 1.

E-mail: lyubabukhtulova@mail.ru

Koloda Svetlana Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor of the Institute of foreign languages of Southwestern University of China. 400715, PRC, Chongqing, Beybei District, Tiansheng St., 2.

E-mail: sveta_koloda@mail.ru

Kou Xiaohua – candidate of philology, associate professor Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China. 400715, PRC, Chongqing, Beybei District, Tiansheng St., 2.

E-mail: 839367883@qq.com

Lepisheva Elena Mikhailovna – candidate of philological sciences, associate professor of Russian literature of Belarusian State University. 220030, Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimost Avenue, 4.

E-mail: elena_tochilina@mail.ru

Lukiyanchikova Nataliya Vladimirovna – candidate of philological sciences, associate professor of the department of Russian literature of FSBEI HE “Yaroslavl Pedagogical University named after K. D. Ushinsky”. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: lunavl@yandex.ru

Tang Dingyi – candidate of philological sciences, a senior lecturer at the center for the study of Russian-speaking countries of Southwestern University under the Ministry of Education of the PRC. PRC, Chongqing. 400715, PRC, Chongqing, Beybei District, Tiansheng Street, 2.

E-mail: ginnatang@mail.ru

Fedotova Anna Aleksandrovna – doctor of philological sciences, associate professor of the department of Russian literature of FSBEI HE “Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky”. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: gry_anna@mail.ru

Jiang Yi – doctor of law, professor of institute of Russia, Central Asia and East Europe, Chinese Academy of Social Sciences (CASS). 100007, China, Beijing, Zhang Zhong, Street № 3.

E-mail: jiangyi@cass.org.cn

Yang Sumei – professor, head of the center for research of the Volga-Dnieper regions of Anhui pedagogical university of China. PRC, Anhui, Wuhu, JiuHua Street, 189.

E-mail: ysmhd314@126.com

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», 23.00.04 – «Политическая регионалистика. Этнополитика», 10.01.01 – «Русская литература», 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья», 10.02.01 – «Русский язык»; 24.00.01 – «Теория и история культуры»).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде),

контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [Карасик, 2002, с. 231] (страницы указываются при цитировании!); [Интерпретационные характеристики ... , 1999, с. 56]; [Шаховский, 2008; Шейгал, 2007]). Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % – приветствуется. Во всех источниках должны быть указаны год выпуска, город и издательство, кол-во страниц.

5. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

6. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь

порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

7. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

8. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению редакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и пере-

дается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
“WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES”
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

– surname, first name, patronymic name (if applicable);

– address with postcode;

– contact phone number;

– e-mail;

– scientific degree and status;

– job title;

– place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 210 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27]), the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Social and political researches» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2020 – № 2 (4)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 20 п. л., 9,7 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 113. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 14.10.2020

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44